PG 3337
.I6 E45

1832

LIBRARY OF CONGRESS

00004068877

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Iovskiĭ, P.

ЭЛИЗІУМЪ.

C320
207

АЛЬМАНАХЪ

НА 1832 ГОДЪ.

Сочиненіе

П. Іовскаго.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1832.

PG 3337
.I6 E45
1832

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Сентября 9 го дня 1831 года.

Цензоръ Сергѣй Аксаковъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Письмо къ другу: О наукахъ, ... 1

Нѣсколько мыслей о воспитаніи. 28

Отрывки изъ Романа: Траурный Билетъ. . 38

Разныя мысли. 84

Анекдоты:

Новый способъ быть всегда въ пріятной компаніи. 92

Дѣйствіе привычки. 94

Упрямство. 96

Удивительный способъ открывать вора. . 97

Прекрасная Резолюція. 98

Сборы къ тяжбѣ. 99

Страшная загадка съ маловажнымъ рѣшеніемъ. 104

Мысли о бракѣ. 106

Не толкай другихъ въ яму, самъ попадешь. 107

Нѣмецкая Лекція о природѣ и человѣкѣ. . . 108

О разныхъ Политическихъ предметахъ:

взглядъ на Политику прежнихъ

Стр

Листокъ изъ новѣйшей Исторіи. 117
О Французской Революціи. 118
О наукѣ Права Естественнаго. 122
Объ Исторіи. 128
О процентахъ. 150
О машинахъ. 153
Война раковъ съ лягушками. *Фантазія*. . 158
Еще нѣсколько Анекдотовъ. 178
Двѣ Главы изъ Историческаго Романа: Биронъ, Герцогъ Курляндскій. 187
Отрывокъ изъ Комедіи:
Магистръ или *вотъ те-ма!* 224
Смертный обморокъ. *Повѣсть*. 239
О свободѣ торговли. 250
Соблазнитель. *Повѣсть*. 280
Смѣсь. 311

ПИСЬМО КЪ ДРУГУ

О Наукахъ.

Со времени твоего отъѣзда, милый другъ мой, какая-то грусть заняла мое сердце, какой-то недостатокъ открылся въ душѣ моей. Твое отсутствіе лишило ее сей полноты удовольствій и оставило въ сердцѣ уныніе, — слѣдствіе сего недостатка. Въ кругу знакомыхъ не достаетъ тебя, другъ мой; въ шумѣ забавъ сердце ищетъ чего-то. Самыя Музы, добрыя подруги наши, кажутся мнѣ безъ тебя унылыми. Сокрылись тѣ пламенные восторги, которые переливали мы другъ другу при ученіи и чтеніи; простылъ тотъ жаръ, который возпламенялъ души наши, еще слабыя, но способныя къ сильнымъ чув-

29 № 76

ствованіямъ — къ небеснымъ удовольствіямъ.

Нѣтъ, другъ мой! Науки не суть только хладное средство одной пользы! Въ нихъ сокрытъ небесный пламень, который питаетъ души не земными, быстро протекающими удовольствіями, но небесными, неизъяснимыми, непонятными для душъ грубыхъ, ищущихъ удовлетворенія въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Пусть хладный интересанъ избираетъ преимущественно ту или другую науку предметомъ своихъ занятій, соотвѣтственно видамъ корыстолюбія или честолюбія, пусть съ надменностію называетъ онъ всѣ прочія пустыми забавами слабыхъ душъ, не понимающихъ, по его разумѣнію, истинной пользы. Удалимъ отъ себя таковое мнѣніе, лишающее душу небесныхъ удовольствій, а сердце благороднѣйшихъ чувствованій. Корыстное пристрастіе всегда было источникомъ самыхъ грубыхъ заблужденій. — Начиная отъ высокой нравственности до сухихъ выкладокъ Математи-

ки — сей рядъ наукъ имѣетъ общее всѣмъ имъ достоинство. Сіе достоинство пребудетъ неколебимо отъ силы предразсудковъ и заблужденій. Подобно вѣчному свѣтилу міра, оно не померкнетъ за мрачными тучами, не изчезнетъ на западѣ своемъ. Пусть Руссо стремительно нападаетъ на нихъ, пусть утонченный въ софизмахъ умъ его представляетъ цѣлые томы для убѣжденія, что науки вредны, пусть грубые варвары, въ дикомъ звѣрствѣ своемъ, снова изгонятъ ихъ изъ обществъ въ мрачныя ущелія; пусть новый Омаръ и новый Амру въ неистовомъ бѣшенствѣ, подобномъ губительнымъ пожарамъ своимъ, сокроютъ ихъ подъ страшными кучами пепла: но изъ самаго пепла родятся онѣ, какъ новые Фениксы, и быстро съ смертными полетятъ въ страну безсмертія; какъ величественный Нилъ изыдутъ онѣ съ новымъ торжествомъ изъ тѣсныхъ предѣловъ и напоятъ поля влагою, истинную жизнь и счастіе въ себѣ заключающею. А сей пламень вашъ еще болѣе

озаритъ славу ихъ и вашу лютость, неистовые!

Непреодолимое пристрастіе ученыхъ къ наукамъ увѣряетъ насъ о внутреннемъ ихъ достоинствѣ; а сіе пристрастіе, простертое даже до предпочтенія любимой науки прочимъ, доказываетъ, что сіе внутреннее достоинство, заключаетъ въ себѣ высокое качество, превышающее всѣ удовольствія чувственныя. Посмотри на страстнаго Антикварія, питающагося пылью архивовъ, почитающаго драгоцѣнными объѣдки мышей, приходящаго въ восхищеніе отъ одной черты сѣдой древности, или низвергающагося въ мрачныя пещеры и подземелья или блуждающаго между развалинами, покрытыми мхомъ и ржавчиною, отвратительными для нѣжныхъ глазъ, но прелестными для любопытнаго взора его, или сидящаго въ философской задумчивости на степныхъ насыпяхъ, не замѣчаемыхъ бѣглымъ взоромъ путешественника; взгляни на неутомимаго испытателя природы, палимаго ог-

неннымъ солнцемъ Африки, скитающагося въ разкаленныхъ пустыняхъ ея, добровольно подвергающагося всѣмъ жестокостямъ непогодъ, томимаго голодомъ и жаждою, угрожаемаго всѣми опасностями, бѣдствіями и самою смертію или леденѣющаго при непроходимыхъ льдахъ Сѣвера и воздыхающаго о невозможности проникнуть къ точкѣ полюса — и ты признаешь достоинство наукъ и ты почувствуешь прелесть оныхъ!

Сія прелесть, сіе достоинство наукъ заключаются въ удовлетвореніи высокой потребности души нашей къ познаніямъ. Такъ, другъ мой! Великій Творецъ, образовавши нашу душу, въ семъ самомъ образованіи заключилъ и блаженство. Всякое удовлетвореніе сей потребности души есть уже наслажденіе — наслажденіе, не мгновенно протекающее, но вѣчно питающее душу и сердце ученаго.

Сія-то прелесть, сіе-то небесное удовольствіе заключены во всякой наукѣ, или лучше сказать, во всѣхъ пред-

метахъ природы, изслѣдываніемъ коихъ занимается умъ человѣческій. Пифагоръ ощупилъ оное въ ударахъ кузнечнаго молота; глубокомысленный философъ Лейбницъ въ сочиненіи музыки; пылкій въ чувствахъ, краснорѣчивый Руссо также привязался къ Ботаникѣ, какъ преданъ былъ Словесности и Философіи. Сія-то благородная страсть къ наукамъ повергла Емпедокла въ горящую бездну Этны, задушила Плинія изверженными изъ Везувія смрадомъ и пепломъ, предала смерти испытателей природы на вершинахъ и въ пропастяхъ Альповъ, среди ордъ дикихъ народовъ и въ глухихъ, горящихъ степяхъ Африки.

Разкрывая предъ нами безконечно разнообразную, безконечно великую, безконечно дивную природу, отверзая неизчислимыя ея сокровища, открывая великія таинства ея, науки доставляютъ намъ тѣ высокія удовольствія, которыя производятъ въ умѣ трепетное удивленіе, а сердце исполняютъ благоговѣнія къ Великому Зиждителю вселен-

ныя! Такъ, другъ мой, ежели и простой взглядъ на природу раждаетъ въ каждомъ восхитительныя чувства: то глубочайшее изслѣдываніе оной увлекаетъ насъ внѣ сферы нашей — въ предѣлы неба! И можно ли быть равнодушнымъ при изслѣдываніи природы, гдѣ умъ нашъ на каждомъ шагѣ поражается тысячею чудесъ разнообразныхъ и чѣмъ болѣе углубляется въ изслѣдываніе оной, тѣмъ болѣе и болѣе разкрывается предъ нимъ картина дивныхъ, неизслѣдимыхъ чудесъ Всемогущаго, возвышающихъ душу и сердце наше. Вотъ почему пылинка земли, попираемая ногами нашими, равно какъ и вѣчно пылающее, вѣчно благодѣющее вселенной великое свѣтило міра могутъ возбудить высокія чувства! Животныя, насѣкомыя, растѣнія и минералы также могли возвысить души Бюффоновъ и Боннетовъ, какъ и величественное небо Ньютоновъ! И какой ученый въ минуты своихъ занятій не чувствовалъ восторга Архимедова и благоговѣнія Ньютона? И какой истинно

ученый, въ блаженныя минуты своихъ занятій, не возклицалъ вмѣстѣ съ безсмертнымъ Пѣвцомъ Сѣвера:

„Неизъяснимый, Непостижной!
Я знаю, что души моей
Воображеніе безсильно
И тѣни начертать Твоей!
Но если славословить должно:
То слабымъ смертнымъ не возможно
Ни чѣмъ инымъ Тебя почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить!„

Вотъ что питаетъ душу и сердце ученаго; вотъ въ чемъ заключается источникъ его наслажденій! Вотъ причина пламенной любви и благородной страсти его къ наукамъ и вотъ въ чемъ состоитъ истинное ихъ достоинство! Оно заключается въ каждой наукѣ, хотя бы для темныхъ глазъ невѣжды она казалась самою пустою. Вотъ почему чувствуетъ онъ равный восторгъ въ

прелестяхъ Словесности, какъ и въ сухихъ, непонятныхъ для невѣжды формулахъ Математики!

Итакъ всѣ науки имѣютъ равное достоинство и по сему ихъ внутреннему достоинству ни одной изъ нихъ не льзя отдать предпочтенія предъ другою. Только нравственныя науки, основанныя на истинномъ Откровеніи, имѣютъ неоспоримое преимущество предъ всѣми прочими. Ибо нравственыя науки, основанныя на истинахъ Религіи, яснѣе представляютъ намъ то, что столько темно и сбивчиво поражаетъ насъ при изученіи прочихъ наукъ; онѣ яснѣе раскрываютъ предъ нами природу, вѣрнѣе показываютъ намъ собственное бытіе наше, а потому лучше знакомятъ насъ съ нами самими, прямѣе показываютъ наше отношеніе къ Природѣ и къ общему съ нею Творцу нашему и такимъ образомъ объясняютъ то, часто темное и смѣшанное, но вмѣстѣ сладостное чувство, которымъ исполняется душа наша при изученіи другихъ наукъ.

Такъ, другъ мой, Религія есть истинный свѣтъ, который долженъ освѣщать всѣ пути наши въ наукахъ, дабы показать намъ истинную цѣль нашихъ изысканій. Иначе умъ затеряется въ лабиринтѣ ученія; иначе каждый шагъ нашъ будетъ шагомъ къ заблужденію. Ибо бѣдный умъ человѣческій со всѣми своими усиліями, со всѣми открытіями своихъ предшественниковъ и современниковъ, на каждомъ шагу встрѣчаетъ тысячу заблужденій, и чѣмъ болѣе стремится открыть для себя въ природѣ истину, чѣмъ болѣе углубляется въ таинства ея: тѣмъ болѣе запутывается въ сомнѣніяхъ и награждается только новыми заблужденіями; ибо, сколько сія природа безконечна, столькоже и разнообразна. Отъ перваго на нее взгляда философскаго до настоящихъ временъ, отъ Гермеса до нашихъ наставниковъ, сколько было философовъ, сколько было мудрецовъ и всѣ эти геніи, всѣ эти блистательные умы только опровергали своихъ пред-

шественниковъ и современниковъ и наконецъ сами были опровергнуты. Таковъ удѣлъ разума, оставленнаго самому себѣ! Такъ ежеминутно сражается онъ самъ съ собою и заблудшій въ етомъ необъемлемомъ лабиринтѣ нерѣдко низвергается въ ужасную пропасть и влечетъ за собою своихъ послѣдователей, или утомленный тщетнымъ бореніемъ, онъ обращается наконецъ къ Небу, взываетъ о помощи и видитъ тамъ тебя, Святая утѣшительница, Божественная Религія! Видитъ простертыя къ себѣ кроткія объятія твои; слышитъ твой дружескій гласъ, зовущій его къ предмету, достойнѣйшему пламенныхъ его желаній и спасительнѣйшему для души его! Здѣсь наконецъ обрѣтаетъ онъ истину во всемъ ея величіи, познаетъ суету своихъ исканій и успокоивается въ своихъ желаніяхъ! — Какое великое зрѣлище — видѣть человѣка просвѣщеннаго, добровольно повергшагося къ подножію Креста, рыдающаго предъ величіемъ Религіи, проникнутаго до глубины

души и сердца ея истиною, простотою и святостію!

Кромѣ внутренняго достоинства, науки имѣютъ и внѣшнее т. е. пользу, которую они доставили и доставляютъ роду человѣческому. По сему внѣшнему достоинству, безъ сомнѣнія однѣ предъ другими имѣютъ преимущество. Но сія оцѣнка достоинства наукъ не есть истинная цѣна оныхъ; ибо польза имѣетъ различныя отношенія. Что въ одномъ отношеніи кажется совсемъ не значительнымъ, то въ другомъ имѣетъ великую важность. Въ семъ случаѣ вся цѣна наукъ должна бы зависѣть отъ времени, мѣста и обстоятельствъ. Но таковая цѣна, повторю, не есть истинная цѣна такого сокровища, котораго достоинство не зависитъ отъ случаевъ и обстоятельствъ, но заключаетъ въ себѣ самомъ всю свою цѣну, не смотря ни на какія отношенія.

Кромѣ того, оцѣнивать науки по ихъ только пользѣ, значило бы желать унизить одно изъ благороднѣйшихъ со-

зданій, которому самою природою вложена священная любовь къ наукамъ, съ самаго младенчества его разкрывающаяся въ непрестанномъ стремленіи любопытства, безъ всякихъ видовъ желающаго познавать окружающіе предметы. Ето значило бы, говорю, желать унизить одно изъ благороднѣйшихъ твореній Создателя, заставляя его въ лучшихъ занятіяхъ искать одной только пользы или одного только удовлетворенія своихъ видовъ или своихъ побужденій.

Наконецъ, ежели судить о достоинствѣ наукъ по одной только пользѣ, ими доставляемой; то въ тоже время надобно страшиться и того зла, которое они произвели и производятъ въ мірѣ. Подумай, другъ мой, — прелесть Словесности употребляется способомъ къ развращенію сердецъ и обольщенію умовъ, утонченный вкусъ Художника оскверняется гнусными, неистовыми изображеніями разврата; открытія Физики и Химіи устремлены къ ужаснѣй-

шему обману легковѣрія, къ пагубѣ невинности и наконецъ содѣлались орудіями смерти и убійства.

Но за всѣмъ тѣмъ, добро, доставленное науками роду человѣческому несравненно превосходитъ зло, которое производятъ онѣ въ мірѣ. Не станемъ изчислять его; оно неизчислимо. Обратимъ взоръ свой только на самое важнѣйшее: посмотримъ только на усовершенствованіе нравственности и сравнимъ въ семъ отношеніи времена варварства со временами просвѣщенія. — Какимъ въ сихъ двухъ эпохахъ является человѣчество! Въ первой изъ нихъ оно унижено, попрано бездушными кумирами, погрязло въ тинѣ мрачнѣйшаго суевѣрія и грубѣйшихъ заблужденій, а въ другой въ вѣнцѣ безсмертія возносится къ небу, съ торжествомъ стремится къ источнику своему — Богу! Посмотри — какъ въ первой изъ сихъ эпохъ оно трепещетъ предъ нелѣпымъ гуломъ бездушныхъ кумировъ, а въ другой превра-

щаетъ ихъ въ прахъ и пепелъ, почитая недостойнымъ твореніемъ рукъ своихъ. Посмотри, какъ во времена варварства стонетъ человѣчество, сколько льется крови за одно противное мнѣніе! Подумай наконецъ о томъ, что въ сіи времена невѣжество покушалось на самую Религію и дерзнуло лишить ее божественнаго достоинства . . . . Но оставимъ сіи мрачныя картины, обратимся на времена просвѣщенія — на времена наши, когда благодѣтельныя науки, очистивши разумъ отъ нелѣпыхъ заблужденій, отъ мрачныхъ предразсудковъ и мнѣній, связуютъ чистѣйшими узами человѣка съ подобнымъ ему, человѣка съ человѣчествомъ, патріота съ народами, державныхъ Владыкъ земли съ Владыками чуждыми, Царей съ народами, народъ съ Царями!

Наконецъ признаться должно, что науки приготовили полвселенныя къ принятію Божественной Религіи! Уже геній ума человѣческаго въ Греціи и Римѣ начиналъ быстро освобождаться изъ мра-

ка невѣжества, изъ подъ ига суевѣрія. Уже Философы признавали Боговъ своихъ нелѣпыми, гнусными произведеніями блуждающаго воображенія; уже безсмертіе души, единство Бога утѣшало посвященныхъ въ таинства Елевзинскія; уже Сократы признавали, что всѣ знанія человѣческія суть невѣжество; уже Платоны, чувствуя всю важность сей истины, молили Небо, да умилосердится надъ несчастнымъ человѣчествомъ и да ниспошлетъ на землю Наставника — и явилась Религія и проведена черта, отдѣляющая человѣчество ветхое отъ человѣчества въ настоящемъ существѣ его!

Но еще листъ Исторіи — и человѣчество съ блистательнаго своего величія снова низвержено въ тину варварства, и Религія, сія Божественная наставница истины, содѣлалась орудіемъ страстей человѣческихъ. Только во мракѣ невѣжества можно было, во имя Религіи, ненаказанно производить всякія неистовства, унижающія природу человѣческую;

только во мракѣ невѣжества разумное существо можетъ почитать сіе велѣніемъ Неба. Не должно ли человѣчество благодарить науки за то, что онѣ не допустили невѣжество и варварство исказить божественную наставницу; не допустили истинамъ ея смѣшаться съ нелѣпостями, наполняющими другія религіи?

Но вотъ Исторія представляетъ намъ еще плачевнѣйшее зрѣлище. . . . . Увы! тотъ самый умъ человѣческій, который одна только Религія могла очистить отъ всѣхъ ужаснѣйшихъ заблужденій, недостойныхъ разумной природы его, тотъ самый умъ человѣческій, который она облагороживаетъ и возвышаетъ, возстаетъ противъ своей благодѣтельницы! — Стыдъ и поношеніе, гнуснѣйшія самаго грубаго невѣжества, самаго дикаго варварства! — Здѣсь начинается брань противъ Религіи не грубыхъ заблужденій, не несчастныхъ предразсудковъ, но лютая брань умовъ,

просвѣщенныхъ науками и Философіею, побуждаемыхъ единственно Сатанинскою гордостію, тщеславіемъ и завистію. Но чѣмъ жесточе брань, тѣмъ славнѣе побѣда! Въ сей великой брани противъ Религіи истощено все, что только могло быть употреблено къ ея низверженію; ничего болѣе не осталось, ничего болѣе и вымышлено быть не можетъ; ибо употреблено наконецъ орудіемъ то, что долженствовало бы болѣе утверждать ея величіе — употреблены орудіемъ самыя науки, которыя, просвѣщая умъ человѣческій, еще болѣе должны привязывать его къ религіи. И сія побѣда одержана единственно науками и просвѣщеніемъ (*). Здѣсь наконецъ обнаружена вся бѣдность ума человѣческаго предъ Свя-

---

(*) Глубокія изслѣдыванія природы доказываютъ истину Моусеевыхъ книгъ Бытія, а новѣйшія историческія розысканія подтвердили вѣрность повѣствованія о размноженіи и разселеніи рода человѣческаго по онымъ.

тою Религіею; симъ наконецъ доказано, что бѣдный умъ человѣческій долженъ благоговѣть и унижаться предъ ея величіемъ, и совсѣмъ стремленіемъ предаваться въ плѣнъ ея, а не дерзать буйственно повѣрять ее съ несчастными своими слабостями и заблужденіями.

Такъ, другъ мой, чѣмъ основательнѣе проникаетъ человѣкъ въ сущность Религіи, тѣмъ болѣе увѣряется, что не Религія противорѣчитъ разуму, какъ говорятъ наши остроумцы, но развращенный разумъ и испорченное сердце противорѣчатъ истинѣ ея, вмѣняя собственную превратность мнимой несообразности ея съ природою человѣческою (*). Какъ разительно видѣть торжество Религіи надъ усиліями бѣднаго ума человѣческаго, стремящагося опровергнуть ее! Послушаемъ на минуту жалка-

(*) „Поверхностное ученіе производитъ Атеистовъ, говоритъ Баконъ Веруламскій, но глубочайшее изслѣдываніе природы непремѣнно приводитъ къ Религіи.

го Софиста (*), который умствуя часто противъ истинъ Святой Религіи, не могъ наконецъ не сознаться „что величіе Священнаго Писанія изумляетъ его. Святость Евангелія, говоритъ онъ, вопіетъ моему сердцу: разсмотри книги Философовъ, — со всею ихъ надмѣнностію какъ онѣ малы въ сравненіи съ сею! Возможно ли, чтобы книга, столь высокая и вмѣстѣ столь простая была произведеніемъ человѣка? Возможно ли, чтобы Тотъ, Коего она описываетъ исторію былъ простой смертный? Гласъ Его есть ли голосъ энтузіаста или высокомѣрнаго основателя секты? Какая кротость, какая непорочность въ Его нравахъ, какая разительная пріятность въ его поученіяхъ, какая высокость въ Его правилахъ! какая глубокая премудрость въ Его бесѣдахъ! Какая тонкость и точность въ Его отвѣтахъ! Какое присудствіе духа, какое владычество надъ своими страстями! Покажите мнѣ че-

(*) Руссо..

ловѣка, покажите мнѣ мудреца, который бы умѣлъ жить, страдать и умерѣть безъ слабости и безъ тщеславія! Когда Платонъ описываетъ вымышленнаго праведника, укоряемаго всѣми гнусными преступленіями и достойнаго всѣхъ наградъ добродѣтели: то онъ точь въ точь описываетъ Іисуса Христа! — Сходство сіе столь поразительно, что всѣ Св. Отцы признали оное и никакъ не возможно етаго не чувствовать! Какому должно быть предразсудку, какому ослѣпленію и невѣжеству, чтобы дерзнуть сравнить сына Софрониски (*)съ сыномъ Маріи! Какое разстояніе между тѣмъ и другимъ! Сократъ, умирая безъ болѣзни и поношенія, легко могъ выдержать роль свою до конца, и еслибы сія легкая смерть не приносила чести его жизни: то можно бы усомниться, былъ ли Сократъ, при всемъ своемъ разумѣ, другое что, какъ не Софистъ? — Онъ открылъ, говорятъ, нравственность, но другіе прежде

(*) Сократа.

его показали сію нравственность самыми дѣлами. Онъ говорилъ только то, что уже прежде дѣлали; онъ только примѣры обратилъ въ наставленія. Аристидъ былъ справедливъ прежде, нежели Сократъ опредѣлилъ, что такое справедливость. Леонидъ умеръ за отечество прежде, нежели Сократъ поставилъ гражданину въ обязанность любить свое отечество. Спарта была трезва гораздо прежде, нежели Сократъ похвалилъ трезвость. И прежде, нежели онъ объяснилъ добродѣтель, Греція изобиловала уже добродѣтельными мужами. — Но откуда Іисусъ Христосъ могъ почерпнуть столь высокую и столь чистую нравственность, которой Онъ одинъ былъ и наставникомъ и примѣромъ? — Изъ нѣдръ ужаснаго фанатизма Іудейскаго возникаетъ гласъ высочайшія премудрости и простота доблественнѣйшихъ добродѣтелей украсила презрѣннѣшій народъ во вселенной! — Смерть Сократа, спокойно бесѣдующаго съ своими друзьями, есть самая пріятнѣйшая смерть,

какой только можно желать; но смерть Іисуса Христа, умирающаго среди мученій, осмѣиваемаго, поносимаго, злословимаго и проклинаемаго цѣлымъ народомъ, есть самая ужаснѣйшая смерть, какой только можно страшиться. Сократъ, принимая смертоносный сосудъ съ ядомъ, благодаритъ того, который подноситъ ему оный и который притомъ плачетъ объ немъ; а Іисусъ Христосъ посреди ужаснѣйшихъ мученій молится за лютѣйшихъ своихъ гонителей! — Такъ, ежели жизнь и смерть Сократа показываютъ мудреца: то жизнь и смерть Іисуса Христа знаменуютъ Бога!

„Скажутъ ли, что Евангельская Исторія выдумана? Нѣтъ! не возможно такимъ образомъ выдумывать? Дѣла Сократовы, о которыхъ никто не сомнѣвается, не столько засвидѣтельствованы, какъ дѣянія Іисуса Христа. Еще нелѣпѣе было бы утверждать, что многіе согласившись, составили Евангеліе. Іудейскіе писатели никогда не нашли бы ни такого тона, ни такой нравствен-

ности, а Евангеліе содержитъ въ себѣ истины столь высокія, столь поразительныя и совершенно неподражаемыя, что изобрѣтатель онаго гораздо большаго былъ бы достоинъ удивленія, нежели самый Герой онаго!"

Вотъ что говоритъ въ пользу Религіи самый опаснѣйшій Софистъ!

Не оставляй, другъ мой, никогда Религіи. Она одна только есть вѣрный руководитель въ мірѣ семъ, въ етомъ вѣчномъ для ума человѣческаго хаосѣ. Не полагайся на бѣдный разумъ, который въ вещахъ самыхъ обыкновенныхъ, принимаетъ сегодня то, что отвергаетъ завтра и потомъ опять впадаетъ въ новое заблужденіе. На того, кто хочетъ убѣдить тебя повѣрять сію Религію, сей божественный разумъ съ бѣднымъ разсудкомъ человѣческимъ, взирай, какъ на злѣйшаго врага твоего, хотя бы онъ дѣлалъ то безъ всякаго умысла, по одному только заблужденію. — „Бѣгайте невѣрныхъ, говоритъ тотъ же Софистъ, бѣгайте тѣхъ, которые подъ видомъ из-

слѣдыванія и истолкованія природы вещей, всѣваютъ въ сердца человѣческія опечаливающее ученіе и которыхъ наружныя сомнѣнія во сто разъ утвердительнѣе и рѣшительнѣе, нежели голосъ ихъ противниковъ. Подъ высокомѣрнымъ предлогомъ истины они повелительно порабощаютъ насъ дерзкими своими рѣшеніями и нелѣпыя системы свои, созданныя блуждающимъ ихъ воображеніемъ, выдаютъ за истинныя начала; и такимъ образомъ низпровергая, разрушая и попирая все то, къ чему люди питаютъ благоговѣніе, они отнимаютъ у несчастныхъ послѣднее утѣшеніе ихъ бѣдности, а у сильныхъ и богатыхъ разрываютъ единственную послѣднюю узду ихъ страстей, умерщвляютъ въ сердцѣ разкаяніе о преступленіяхъ, надежду на добродѣтель и дерзаютъ мечтать еще, что они благодѣтели рода человѣческаго! Никогда, говорятъ они, истина не бываетъ вредна людямъ; въ етомъ я совершенно съ ними согласенъ, и ето-то самое есть наи-

лучшее доказательство, что все то, что они проповѣдуютъ, не есть истина!"

Извини, другъ мой, что я увлекся отъ первыхъ мыслей моихъ. Эти чувства невольно излились изъ души моей при имени Святой Религіи и при горестной мысли, что науки, долженствующія своими изслѣдываніями убѣждать насъ въ истинахъ Религіи, употреблены были къ опроверженію оной!

Оканчиваю письмо сіе прекраснымъ отрывкомъ изъ разсужденія Малт-Бруна о наукахъ: „Науки и Словесность, возклицаетъ онъ, вы принадлежите къ нравственному порядку міра; ваша колыбель въ небесахъ; земля — для васъ страна чуждая! Если вы озаряете мелькомъ глубокій мракъ вещественнаго міра: то вы остаетесь вѣчнымъ украшеніемъ міра нравственнаго — но однимъ только украшеніемъ! — Онъ можетъ существовать и безъ васъ, а вы, напротивъ того, снятыя съ безсмертнаго основанія, падете во прахъ и тогда вы не иное что, какъ ремесло́ или забава! Безъ начала

нравственнаго и богопочитательнаго, Науки и Словесность не имѣютъ ни чего такого, чтобы поставляло ихъ выше рабскаго занятія трудиться для грубыхъ потребностей тѣла. Мимо идите, игрушки народной забавы, мимо идите — на челѣ вашемъ нѣтъ святой печати безсмертія; небеса затворены для васъ!„ —

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

О воспитаніи.

Можетъ быть нѣтъ предмета, о которомъ бы болѣе писали въ наши просвѣщенныя времена, какъ о воспитаніи. Это доказываетъ, сколько важенъ предметъ сей; а потому никогда не будетъ излишнимъ говорить объ ономъ.

Безъ воспитанія человѣкъ не знаетъ своего разума, не чувствуетъ своего благородства — теряетъ все свое достоинство.

Существенною цѣлію воспитанія должно быть то, чтобы возбудить въ душѣ воспитанника *собственное* стремленіе къ нравственному и умственному усовершенствованію.

Для сего надлежитъ просвѣщенію ума и образованію сердца дать истинное направленіе и положить тому и другому вѣрное и твердое основаніе, которое бы во всѣхъ случаяхъ жизни могло служить надежнымъ руководствомъ.

Мы теперь, въ лѣтахъ мужества, многаго, очень многаго еще не знаемъ, но очень многому еще можемъ научиться. Много того, чему учились мы въ юности, остается для насъ теперь, а можетъ быть останется и на цѣлую жизнь безполезнымъ и ненужнымъ. Мы теперь легче и скорѣе научаемся, нежели чего стоило бы намъ сіе въ дѣтствѣ. Вотъ точки, которыми долженъ опредѣляться кругъ *умственнаго воспитанія*.

А потому, какъ не основательно, какъ даже вредно желаніе научить дѣтей всему, что только возможно и на что̀ только достанетъ времени.

Вредно не только для здоровья, которое, вмѣсто того, чтобы разви-

ваться и укрѣпляться на всю жизнь въ сіе драгоцѣнное къ тому время, истомляется и повреждается безпрерывными занятіями; вредно для самыхъ способностей, потому, что, обременяя память многими предметами, притупляетъ оныя. Ложно думаютъ, что умъ дитяти развивается отъ многоразличнаго ученія. Это значитъ судить по себѣ, по своимъ силамъ, по силамъ мужества. Способности дѣтей слабы. Память ихъ можетъ пріобрѣсти много свѣденій, но умъ не въ состояніи еще бываетъ связывать оныхъ въ надлежащій порядокъ, распредѣлять по настоящимъ мѣстамъ, словомъ: разсудокъ не въ силахъ еще въ нихъ дѣйствовать. Отъ того всѣ познанія ихъ бываютъ часто безобразною кучею. — Неосновательно также мнѣніе, что многимъ ученіемъ приготовляется запасъ свѣденій на будущее время. Въ состояніи ли дитя вынести огромную ношу своихъ познаній до того времени, когда они потребуются? Не растеряетъ ли оно ихъ на пути своемъ

или не сбросить ли съ негодованіемъ тяжесть сію при первомъ случаѣ свободы? Случалось ли вамъ замѣтить, что послѣ утомительнаго воспитанія, молодые люди съ отвращеніемъ смотрятъ на ученіе?

Не должно рано начинать учить дѣтей; чѣмъ болѣе разкроются и укрѣпятся ихъ способности, тѣмъ легче и скорѣе будутъ они понимать ученіе.

Цѣль ученія при воспитаніи, по моему мнѣнію, должна состоять въ томъ только, чтобы положить просвѣщенію ума вѣрное и твердое *основаніе*, развить способности и направить ихъ къ предметамъ полезнымъ и благороднымъ.

Основательность сія не въ томъ состоитъ, чтобы воспитанникъ подробно зналъ преподаваемое ученіе, но чтобы онъ точно уразумѣлъ каждый предметъ онаго и существенное въ немъ, чрезъ что могъ бы въ послѣдствіи пріобрѣсти правильный и твердый ходъ мыслей въ своихъ сужденіяхъ и заключеніяхъ.

Для сего при преподаваніи наукъ надлежитъ имѣть въ виду, чтобы по *возможности* т. е. соотвѣтственно возрасту и понятіямъ воспитанниковъ учить ихъ болѣе собственными разсужденіями и изслѣдываніями, а не машинальнымъ только заучиваніемъ преподаваемыхъ предметовъ, дабы ученіе въ умѣ каждаго какъ бы само произрастало и было бы собственнымъ его пріобрѣтеніемъ. Для высшаго же возраста преподаваніе ученія должно быть только *указаніемъ*, какимъ образомъ пріобрѣтать познанія.

Посему наставники не только должны наблюдать, чтобы самимъ хорошо преподавать ученіе, но чтобы ученики совершенно понимали оное.

Надобно избѣгать не свойственныхъ возрасту дѣтей, слѣдовательно скучныхъ для нихъ, а потому уже безполезныхъ подробностей, какъ потому, что таковыя подробности полезны только для ума, пріобрѣтшаго уже хорошія основанія, такъ и потому, что оныя

могутъ быть излишни. Получившій же хорошія основанія всегда удобно и безъ труда можетъ пріобрѣсти оныя.

Не должно много занимать дѣтей такими предметами, которые не привлекаютъ ума ихъ, а только обременяютъ память именами и числами, отъ чего раждается отвращеніе къ ученію.

Надобно чаще занимать молодыхъ людей сочиненіями; поелику они чрезъ то собираютъ различныя свѣденія свои въ одну сферу, упражняютъ способности ума, привыкаютъ къ порядку въ мысляхъ и въ головѣ ихъ образовывается, такъ сказать, система пріобрѣтенныхъ ими познаній.

Интересовать воспитанниковъ самимъ ученіемъ есть верхъ искуства наставника.

Воспитаніе *нравственное* имѣетъ болѣе важности и достоинства, нежели умственное образованіе. Человѣкъ безъ просвѣщенія не знаетъ своего разума; человѣкъ безъ нравственности не

чувствуетъ своего благородства, влечется одними побужденіями и самое просвѣщеніе свое употребляетъ во зло и себѣ и другимъ.

Цѣль нравственнаго воспитанія должна быть, ежели не совершенно утвердить характеръ молодаго человѣка во всемъ томъ, что есть добраго и благороднаго, по крайней мѣрѣ вѣрно направить ко всему таковому.

Цѣль сія достигается просвѣщеніемъ ума, истинными понятіями о добрѣ и нравственности и образованіемъ сердца соотвѣтственными онымъ чувствованіями.

Сердце дитяти не имѣетъ еще въ себѣ ничего постояннаго; оно стремится къ тому, чѣмъ окружено бываетъ; оно подвергается всѣмъ впечатлѣніямъ, руководится всякимъ вліяніемъ.

По сему при воспитаніи все должно быть такъ располагаемо, чтобы юныя сердца питались одними добродѣтельными чувствами, а умы благородными мыслями.

Наставники должны знать *время*, когда урокъ можетъ быть дѣйствительнымъ и *способъ*, какимъ образомъ сдѣлать его дѣйствительнымъ, а потому не всякую шалость должно исправлять и не всякую неисправность наказывать.

Они должны снисходить слабостямъ и неумышленнымъ проступкамъ дѣтей, но быть строгими и непреклонными къ такимъ, которыхъ неприличіе или вредъ дѣти сами знать и понимать могли.

Надобно избѣгать частыхъ выговоровъ и наказаній, чтобы дѣти не привыкли къ онымъ.

Запрещеніе игръ и забавъ есть самое тяжкое для дѣтей наказаніе, но самое безвредное по существу своему какъ въ Физическомъ, такъ и во всѣхъ нравственныхъ отношеніяхъ.

Въ обращеніи дѣтей съ наставниками и родителями надобно допускать полную свободу; ибо она обнаруживаетъ мысли, чувства и характеръ ихъ. Но надобно наблюдать, чтобы даваемая дѣтямъ свобода не превратилась въ свое

воліе. Вотъ важный и трудный пунктъ въ нравственномъ воспитаніи! — Отъ недостатка надлежащей свободы въ умахъ дѣтей могутъ скрываться и укореняться тайно дурныя мысли, а въ сердцахъ пагубныя чувства. Пользуясь же излишнею свободою они привыкаютъ къ своеволію и упрямству. Послѣдствія того и другаго равно вредны и гибельны.

Наставники должны дѣйствовать на умы и сердца дѣтей такимъ образомъ, чтобы они того не могли замѣтить, дабы не были во всегдашней опасности отъ надзора, не стѣснялись бы страхомъ и изъ боязни только не дѣлали худаго, отъ чего раждается въ нихъ притворство, скрытность и лукавство.

Родители и наставники тогда только могутъ быть твердо увѣрены въ успѣхѣ попеченій своихъ о воспитаніи, когда пріобрѣтутъ совершенную довѣренность дѣтей, когда сердца и умы ихъ до самой глубины будутъ открыты предъ ними; ибо тогда ясно будутъ видны самые малѣйшіе изгибы ихъ сер-

децъ и вѣрно могутъ быть изкоренены дурные и вредные зародыши.

При воспитаніи *Физическомъ* надобно имѣть въ виду не то только, чтобы стараться о сохраненіи здоровья и укрѣпленіи силъ дѣтей, но и внушить имъ еще самимъ о томъ заботиться.

Надобно постепенно приучать дѣтей къ холоду, жару и непогодамъ, дабы наконецъ самыя важныя перемѣны не разстроивали здоровья, но болѣе и болѣе укрѣпляли оное.

Надобно также постепенно приучать ихъ къ тѣлеснымъ упражненіямъ, трудамъ и терпѣнію, дабы ни какія тягости не могли останавливать въ послѣдствіи къ достиженію предположенныхъ цѣлей.

ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНА:

ТРАУРНЫЙ БИЛЕТЪ.

Балъ.

Грустенъ и задумчивъ сидѣлъ Вельскій въ углу на креслахъ. Шумно гремѣла музыка, быстро кружились мимо его пары въ котильонѣ, ярко пестрѣлись наряды и украшенія дамъ; а онъ ни чего не слышалъ и не видѣлъ, находясь въ странномъ разсѣяніи и глубокомъ уныніи.

Молодой человѣкъ, прекрасной и благородной наружности, одѣтый отлично въ провинціи, хотя не по послѣдней модѣ Столицы, которую оставилъ онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, не принимавшій ни какого участія въ забавахъ и удовольствіяхъ, натурально обратилъ на себя вниманіе цѣлаго общества.

„Кто етотъ молодецъ?“ Важно спрашивали сѣдые и полусѣдые головы,

закутанные по уши въ воротники Губернскихъ и Милицейскихъ мундировъ. „Не знаю“ — были обыкновенные вопросы и отвѣты ихъ. — Изрѣдка отзывались молодые люди: „онъ вѣрно изъ Москвы или изъ Петербурга; это видно по фасону его фрака; какой прекрасный жилетъ; вѣрно опять носятъ поджилетники въ Столицахъ; я завтра же закажу себѣ и пр. и пр.“

По симъ вопросамъ, отвѣтамъ и замѣчаніямъ можно было догадываться, что Вельскій не находилъ для себя общества въ этомъ обществѣ стариковъ и юношей. Могъ ли бы онъ отыскать себѣ компанію въ обществѣ дѣвицъ, отгадать было трудно; ибо онѣ въ провинціяхъ очень скромны, если не робки, отъ чего кажутся не ловкими, что столичные жители называютъ необразованностію, невѣжествомъ, даже варварствомъ, не смотря на чистоту нравовъ и скромность характера — лучшихъ украшеній дѣвицъ. Но онѣ не вольно заглядывались на милаго меланхолика и

натурально думали о немъ, а можетъ быть и разсуждали — только про себя.

Не то происходило въ обществѣ старушекъ, пожилыхъ дамъ и увядшихъ дѣвицъ, которыя всякой день собирались оставить неблагодарный грѣшный міръ съ его житейскими суетами и пріѣхали въ собраніе въ предпослѣдній разъ имъ откланяться.

„Нѣтъ, милая Марья Петровна, говорила въ полголоса своей сосѣдкѣ пожилыхъ лѣтъ дама, поправляя шали свои, изъ которыхъ нижняя была красная съ зеленымъ бордюромъ, а верхняя синяя съ желтою каймою, изъ подъ коихъ, обвившись около шеи, спускался на колѣни разноцвѣтный ешарпъ — быть не можетъ, чтобы онъ былъ изъ Москвы; я почти всѣхъ молодыхъ людей видѣла въ Московскихъ Собраніяхъ и въ Театрахъ Рускомъ и Французскомъ, а его лице мнѣ никогда не встрѣчалось.

— Вы вседа спорите, Агафья Карповна, а не всегда правы, отвѣчала ей сосѣдка, лѣтъ пятидесяти, одѣтая a l'

arlequin doré (*) и въ трех-этажномъ чепцѣ съ голубиными крылышками, осѣнявшими морщиноватое разрумяненное лице ея; натурально ли, чтобы вы всѣхъ, могли тамъ знать; въ Театрѣ и Собраніи не всѣхъ замѣтишь.

„Вы *суріозно* шутите; да какъ же мнѣ не знать всѣхъ, когда я и въ Магазинахъ всякой день бывала, а вы Москвы то и въ глаза не видали; да еще хотите ученыхъ учить.

— Ужъ вы Москвой то своей всѣмъ глаза выхлестали! Не дадите никому путнаго слова сказать. Что ужъ мы пошлыя дуры какія, что въ Москвѣ не бывали?

— О чемъ вы спорите кумушка, спросила первую дородная Совѣтница подсѣвши къ двумъ пріятельницамъ?

„Посудите, Анна Александровна, вы таки видѣли Божій свѣтъ, жили въ Москвѣ; не знаете ли етаго задумчива-

(*) Какъ полосатая божья коровка.

го молодаго человѣка? Я утверждаю, что онъ не изъ Москвы, а долженъ быть какой нибудь Французъ или Нѣмецъ. Онъ вѣрно не знаетъ и по руски, что ни съ кѣмъ не говоритъ.

— Мы сами толковали объ немъ съ Акулиной Кузминишной. Что онъ не танцуетъ, этому я не дивлюсь; въ Москвѣ не въ тонѣ танцовать лѣтомъ; а что онъ не иностранецъ, такъ это видно по его *физіонтропіи*. Да вотъ и Княжна Борская то же отказалась.

„Да, да, подхватила первая; видно нашъ кламатъ не по нутру столичнымъ жителямъ. Да ета Борская, кажется, слишкомъ горда; ну какъ бы отказать нашему *Фадонису* Трелину, когда онъ просилъ ее на валцъ? Если Николай Петровичь ей не пара, такъ и въ Москвѣ никто ей не понравится. Ужъ Зефировъ же и Амуровъ теперь нѣтъ на свѣтѣ. . .

Стукъ отъ повалившагося стула и стонъ упавшей дѣвицы, *ахи* и *охи* вскричавшихъ отъ испугу дамъ, избавили Вельскаго и Борскую отъ дальнѣй-

шей критики и злословія. Адонисъ Николай Петровичь Трелинъ, желая блеснуть быстротою вальса, распустилъ всѣ паруса своей ловкости и зацѣпившись ногою за стулъ, на всемъ лету выпустилъ свою даму, которая мгновенно повергласъ на полъ и застонала.

Тотъ же стукъ и тѣже крики пробудили Вельскаго отъ его усыпленія. Взглянувъ на сцену дѣйствія, онъ увидѣлъ лежавшую на полу дѣвицу, мгновенно бросился къ ней и поднялъ ее.

Сіе быстрое движеніе великодушія изумило самаго его. Увидѣвъ себя вдругъ на самой сценѣ дѣйствія послѣ своего уединенія, окруженнаго испуганными лицами и держащаго въ рукахъ своихъ полумертвую дѣвицу, онъ не могъ тотъ часъ понять, что съ нимъ произошло. Начиная по немногу оправляться отъ своего изумленія, онъ пробѣжалъ взорами устремленные на него въ безмолвіи глаза всѣхъ и между ими поразилъ его Ангельскій взоръ одной дѣвицы, наполненные слезами глаза и побледнѣвшее

лице которой остановили его вниманіе. Догадавшись, что блѣдность и слезы сей дѣвицы суть слѣдствіе испуга отъ паденія первой, онъ улыбнулся, понявши наконецъ, что значитъ все, происходившее какъ вокругъ его, такъ и съ нимъ самимъ. Румянецъ вспыхнулъ на томномъ, меланхолическомъ лицѣ его и отразился на лицѣ той, на которой онъ нечаянно и невольно остановилъ взоры свои, но отразился ли онъ на сердца ихъ — етаго видѣть не льзя было.

Услышавши отъ приближающейся къ падавшей дѣвицѣ дамы и отъ принявшаго изъ рукъ его оную старика изъявленіе благодарности, Вельскій поспѣшилъ оставить собраніе.

Такъ какъ паденіе не произвело ни какого другаго послѣдствія, кромѣ испуга упавшей и бывшихъ на балѣ прочихъ особъ: то порядокъ мало по малу возстановился, а великодушные Старшины, не желая терять напрасно времени, а можетъ быть желая поскорѣе изгладить непріятныя впечатлѣнія, сно-

ва приказали играть музыкѣ и снова начались танцы. Но сіи распоряженія заглушили, но не прекратили злословія . . .

Между тѣмъ Н. П. Трелинъ, принявъ видъ осужденнаго, съ нѣжнѣйшею покорностію испрашивалъ на колѣняхъ прощеніе у разбитой имъ дамы и у ея родителей, цѣлуя (*) поперемѣнно руч-

(*) Здѣсь надобно замѣтить, что въ провинціяхъ происходитъ непрестанное цѣлованіе дамскихъ ручекъ и что мущина, пропустившій хотя одинъ разъ сіе обыкновеніе, почитается большимъ невѣжею. Ета строгая обязанность представляетъ весьма забавную картину, когда мущина приходитъ въ домъ и находитъ много знакомыхъ дамъ. Онъ обязанъ непремѣнно приложиться къ каждой изъ нихъ, чтобы ни которую не оскорбить и не навлечь на себя упрека въ невѣжествѣ и даже грубости. Но еще забавнѣе видѣть, когда входятъ вдругъ много мущинъ и находятъ многихъ знакомыхъ дамъ. Тогда начинается преинтересный *танцетъ* съ суетливыми фигурами, съ каррикатурными позиціями и забавными гримасами.

ки то у матери, то у дочери, которыя, восхищаясь столь лестною покорностію перваго въ Губерніи Кавалера, какъ называла его Публика, мало по малу склонились на миръ и наконецъ торжествующій Адонисъ ввелъ опять даму свою въ кругъ танцующихъ и балъ продолжался и кончился, какъ обыкновенно.

Знакомство.

Около 30 верстъ отъ того Губернскаго города, гдѣ происходила представленная нами сцена, находится прекраснѣйшее романическое мѣстоположеніе, (описаніе коего мы не помѣщаемъ). Проѣзжая сіе восхитительное мѣсто Вельскій пораженъ былъ прелестями онаго, рѣшился провести здѣсь нѣсколько времени и остановился въ деревнѣ, предъ которою открытъ былъ почти весь видъ сего мѣстоположенія.

Сохраняя инкогнито, онъ въ простомъ платьѣ гулялъ по окрестностямъ,

срисовывалъ разные виды, а иногда въ рощахъ игралъ на флейтѣ.

Въ одну изъ своихъ прогулокъ, сидя въ тѣни деревъ и склонясь въ задумчивости, тихо наигрывалъ онъ разныя фантазіи и услышалъ позади себя легкій шорохъ. Не обративъ на оный своего вниманія онъ продолжалъ фантазировать. Новый шумъ заставилъ его оглянуться и онъ увидѣлъ за собою прелестную дѣвицу съ дамою среднихъ лѣтъ, по видимому гувернанткою, стоявшихъ между деревьями въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Такое явленіе натурально смѣшало его; онъ всталъ поспѣшно, раскланялся съ дамами и хотѣлъ итти. Гувернантка, почитая долгомъ извиниться, сказала ему: „мы помѣшали вашему удовольствію, но ваши прекрасныя мелодіи невольно заставили насъ приближиться. Просимъ извинить насъ.“

Промелкнувшее въ воображеніи Вельскаго сходство физіогноміи стоявшей предъ нимъ дѣвицы съ какою то знакомою особою невольно заставило его же-

лать продолженія разговора. „Прошу и меня извинить, сказалъ онъ, что я безъ позволенія гулялъ въ этой рощѣ и можетъ быть игрою своею обезпокоилъ васъ.“ — О, что касается до этаго, то мы чаще желали бы имѣть такое пріятное безпокойство, отвѣчала гувернантка. — „Благодарю за снисхожденіе.“ — Вы конечно путешественникъ? — „Артистъ, Мадамъ, сказалъ Вельскій и изумился, откуда пришла ему въ голову мысль сія; но — все равно, подумалъ онъ; мнѣ нужно только инкогнито, какое бы оно ни было.“ — О! такъ мы очень счастливы такою встрѣчею, а особливо, если вамъ не непріятно будетъ заняться когда нибудь нашимъ роялемъ. — „Готовъ къ услугамъ, сказалъ Вельскій и опять изумился. Да что жъ такое? подумалъ онъ; бѣды нѣтъ никакой. — Когда можно будетъ вамъ посѣтить насъ, спросила гувернантка? — „Когда прикажете.“ — Если вамъ свободно сегодня въ семь часовъ: то вы очень одолжите насъ своимъ посѣщені-

емъ. Нашъ домъ вотъ этотъ, продолжала она, указывая на оный. Да не забудьте также взять съ собою и флейту, чтобы доставить намъ еще удовольствіе васъ послушать. — Вельскій раскланявшись, направилъ путь къ своей деревнѣ.

Одѣвшись просто для сохраненія своего инкогнито, но очень опрятно, чтобы съ приличіемъ явиться въ хорошій домъ, Вельскій съ нѣкоторымъ внутреннимъ волненіемъ отправился въ назначенное время въ домъ Д. Сказавши о себѣ слугѣ, онъ учтиво приглашенъ былъ въ садъ. Прошедши нѣкоторыя аллеи, вступилъ онъ на площадку, огороженную живымъ шпалерникомъ, изъ за коего столѣтніе дубы и ели разпростирали обширную тѣнь и укрывали отъ солнечныхъ лучей. Здѣсь нашелъ Вельскій цѣлое общество за чаемъ. Нѣкоторыя изъ сего общества молодыя дѣвицы играли въ кольцо, другія продолжали еще качаться на качеляхъ при его приходѣ. Нѣсколько молодыхъ людей занимались

кеглями, а нѣсколько малютокъ на деревянныхъ конькахъ, въ лодочкахъ и тележкахъ поворачиваемы были слугами на горизонтальныхъ качеляхъ.

Увидѣвши такое большое общество и въ столь разнообразныхъ занятіяхъ, Вельскій нѣсколько смутился. Гувернантка, узнавъ его, тотъ часъ обратилась къ почтенному старику и сказала ему: рекомендую вамъ нашего знакомца, это наша съ Анетою пріятнѣйшая находка, какой не возможно найти ни въ одной деревнѣ. — „Прошу садиться, сказалъ хозяинъ очень ласково; послѣ чего начался обыкновенный разговоръ любопытства. Умные отвѣты, благородный, не принужденный тонъ, скромность, прекрасная, но меланхолическая физіогномія, мало по мало обратили на Вельскаго взоры всего общества. Послѣ чая предложили ему участвовать въ общей прогулкѣ. Партіи разбрелись въ разныя стороны. Гувернантка почла долгомъ занимать приглашеннаго ею незнакомца и во время прогулки, въ пріятныхъ съ

нимъ разгогорахъ, забыла и про флейту и про рояль, а можетъ быть посовѣстилась дать на первый разъ работу человѣку, который казался ей достойнымъ быть товарищемъ ихъ благороднаго общества. Уже смерклось и незнакомецъ просилъ позволенія отправиться на свою квартиру. Тогда только гувернантка напомнила ему о его обѣщаніи и приглашала на другой день.

Такъ началось знакомство Вельскаго съ домомъ Д. Скромность, умъ и образованность его, мало по малу разкрывавшіяся, привлекли къ нему расположеніе всѣхъ членовъ сего благороднаго дома. Сохраняя свое инкогнито и довольно уже коротко познакомившись со всѣми, онъ держалъ себя всегда въ приличномъ отдаленіи, хотя сердца нѣкоторыхъ тайно на то досадовали. Сдѣлавшись мало по малу пріятнымъ компаніономъ и почти роднымъ въ домѣ семъ онъ учавствовалъ наконецъ во всѣхъ удовольствіяхъ и забавахъ онаго.

Прошло лѣто, наступала несносная въ деревнѣ осень. Дамы вопіяли на скуку; начались настоятельныя требованія къ отъѣзду въ городъ; но почтенчый хозяинъ, будучи страстнымъ охотникомъ, откладывалъ отъѣздъ по многимъ, весьма важнымъ причинамъ, сносилъ терпѣливо выговоры и упреки и *дожидался пороши*. Вельскій намекнулъ ему о составленіи консертовъ и вечеринокъ; онъ съ радостію схватился за мысль сію и учредилъ то и другое каждый день поперемѣнно, а Вельскій по сему случаю сдѣлался необходимымъ и съ однимъ слугою переѣхалъ въ домъ Д, оставивши другаго на квартирѣ, также нѣкоторыя вещи, которыя почиталъ онъ излишними для своего инкогнито. Наконецъ по первому пути всѣ отправились въ городъ. Городъ сей не былъ постояннымъ мѣстопребываніемъ Д, который пріѣхалъ по хозяйственнымъ дѣламъ въ находившіяся въ той Губерніи деревни свои. Долгое отсутствіе его требовало продолжительнаго пребыванія въ оныхъ

и заставило остаться въ сихъ мѣстахъ на всю зиму. — Вельскій по прежнему продолжалъ посѣщать домъ сей подъ именемъ учителя музыки.

Бѣдная Анета!

Адонисъ Николай Петровичь Трелинъ, какъ лучшій, по приговору публики, кавалеръ въ Губерніи, имѣлъ честь навязаться въ знакомство съ домомъ Д. Почитая себя первымъ изъ молодыхъ людей въ городѣ, онъ въ мечтахъ своего самолюбія началъ, какъ говорится, приволакиваться за Анетою и простеръ дерзость свою до селадонства. Милая, скромная, умная и добродушная Анета сносила его глупости по волѣ и по неволѣ, изъ учтивости и изъ жалости. Это возгордило бѣднаго Адониса; онъ сталъ питать надежды, начиналъ уже докучать своими нѣжностями и Анета обратилась къ скромному Вельскому. Шутки кузинъ на счетъ сего послѣдняго она отклоняла несносною назойливостію Трелина, какъ говорила

она. . . Но Николай Петровичь думалъ иначе и началъ досадовать на короткое обращеніе ея — съ учителемъ! Досада мало по малу превратилась въ гнѣвъ и онъ сталъ уже искать случая оскорбить Вельскаго и потомъ наказать примѣрно дерзость музыканта, какъ говорилъ онъ объ немъ съ презрѣніемъ. Въ такомъ расположеніи духа не долго найти и случай къ тому. Вельскій, понявши тайныя думы его, старался отъ него уклоняться, но кто спасется отъ злобы людей?

На одномъ изъ вечеровъ Д. милая Анета настоятельно требовала отъ Вельскаго, чтобы онъ прямо подходилъ брать ее танцовать, когда увидитъ безъ кавалера. „Это будетъ значить, прибавила она, что я отговорилась тѣмъ, что дала уже слово танцовать съ вами.“ — Танцуя въ продолженіе вечера съ разными кавалерами, раза три танцовала она съ Вельскимъ. Это бѣсило Николая Петровича, получившаго отъ ней нѣсколько разъ отказъ. Онъ выходилъ изъ терпѣнія,

видя, что Анета, отъ веселаго ли расположенія души или находя пріятнѣйшимъ на сей разъ общество умнаго, образованнаго Вельскаго, въ интермедіяхъ танца, была необыкновенно весела и разговорчива съ Вельскимъ. Наконецъ его взорвало, когда она, забывшись въ послѣднемъ съ нимъ танцѣ, разхохоталась почти на всю залу и никакъ не могла удержаться.

Получивъ неоднократный отказъ отъ Анеты и почитая себя предметомъ ея насмѣшекъ, въ бѣшенствѣ скрылся Трелинъ изъ дому Д, что̀ нѣсколько встревожило Анету, когда она замѣтила его.

По возвращеніи Вельскаго съ бала на квартиру, слуга доложилъ ему, что какой то молодой человѣкъ два раза уже его спрашивалъ и приказалъ просить дождаться его, сказавши, что онъ не замедлитъ явиться съ весьма важнымъ письмомъ.

Не подозрѣвая ничего, Вельскій, не раздѣваясь, дожидался незнакомца, который въ самомъ дѣлѣ вскорѣ явился. „По-

корнѣйше прошу, сказалъ Вельскій, узнавши въ немъ одного изъ кавалеровъ бала. — Письмо отъ Н. П. Трелина отвѣчалъ послѣдній съ надменностію. — Вельскій, разпечатавъ оное, прочиталъ слѣдующее:

„Если вы человѣкъ благородный: то „должны завтра до свѣту явиться въ „рощѣ, что на третьей верстѣ за Мос„ковскою заставою. О пистолетахъ вамъ „не нужно заботиться. Они готовы.“

Трелинъ.

Прочитавъ столь грозное посланіе и не понимая, что̀ ето значитъ, Вельскій отвѣчалъ: не зная причинъ такого требованія, покорнѣйше прошу объяснить мнѣ оныя. — „Вы можете получить обьясненіе отъ самаго Н. П. Я сей часъ привезу его. Сказавши ето посланый удалился.

Черезъ пять минутъ, когда Вельскій не успѣлъ еще оправиться отъ своего изумленія, входитъ Трелинъ и поспѣшно спрашиваетъ его: благородный ли

вы человѣкъ? — Позвольте васъ спросить прежде, по какой причинѣ и по какому праву дѣлаете вы мнѣ такой вопросъ и въ такое время? — „Я не хочу марать рукъ моихъ съ какою нибудь тварью, бродягою; вотъ мое обьясненіе, отвѣчалъ Трелинъ.

Столь грубый отвѣтъ взбѣсилъ скромнаго Вельскаго. „Удались отъ меня, дерзкій человѣкъ, воскликнулъ онъ; я явлюсь на назначенное тобою мѣсто и въ назначенное время.„ — Того только намъ и надобно, вскрикнули молодцы и захохотавши, вышли вонъ. . . .

Къ назначенному времени Вельскій отправился за городъ. Оставивши въ отдаленіи кучера съ лошадьми и съ однимъ человѣкомъ, онъ съ другимъ пошелъ на назначенное мѣсто и не долго дожидался своего соперника. — „Отмѣривай мѣсто и заряжай пистолеты, вскричалъ Трелинъ своему товарищу. — Да у него нѣтъ благороднаго секунданта, сказалъ послѣдній, етотъ человѣкъ, кажется, его слуга. — „Я не имѣлъ возможности оты-

скать ночью секунданта, отвѣчалъ спокойно Вельскій, а взялъ съ собою людей на случай моей смерти.“ — Умно, очень умно, вскричалъ товарищъ Трелина; въ случаѣ бѣды дѣло кончится безъ всякихъ хлопотъ; крѣпостнымъ не повѣрятъ въ доносѣ. — Полно разсуждать, я слышу вдали колоколчикъ, сказалъ Трелинъ; отмѣривай и заряжай пистолеты.

Исправный секундантъ кончилъ все въ одну минуту. Съ согласія обоихъ противниковъ пригласилъ онъ слугу Вельскаго вынуть жребій, кому стрѣлять первому.—Жребій палъ на Трелина.—„Итакъ ты будешь по крайней мѣрѣ свидѣтелемъ, что здѣсь не было насилія, сказалъ секундантъ слугѣ“. — По данному знаку Трелинъ выстрѣлилъ; но отъ сильнаго ли раздраженія или отъ неумѣнія стрѣлять изъ пистолета, Вельскій, по разсѣяніи дыма, явился невредимымъ.

Отъ перваго изумленія и противники и секунданты стояли нѣсколько секундъ безъ движенія. — „Худо, вскричалъ товарищъ Трелина; теперь ваша очередь,

сказалъ онъ Вельскому. — „Я не хочу быть убійцею, отвѣчалъ послѣдній; зарядите снова пистолетъ и мы оба выстрѣлимъ въ одинъ разъ, чѣмъ и кончимъ. — „Пороху нѣтъ болѣе, сказалъ секундантъ, хотя пуля есть еще у меня въ карманѣ.“ — Между тѣмъ колокольчикъ, своротивши съ большой дороги, приближался къ рощѣ. — „Итакъ намъ остается спасаться; я не могу быть убійцею, повторилъ Вельскій.“ Быстро вскочили въ сани два друга и полетѣли въ противную сторону отъ приближавшейся къ рощѣ почтовой тройки. Вельскій также поспѣшилъ къ своимъ санямъ; но испуганныя выстрѣломъ лошади его, не бывши удерживаемы оставшимися при нихъ людьми, не предувѣдомленными о дуели, вздрогнули, начали биться и запутались въ кустарникѣ.

Прискакавшіе на двухъ тройкахъ люди, услышавши храпѣніе лошадей и шумъ, бросились къ тому мѣсту и схватили Вельскаго и людей его. То былъ Исправникъ съ своею командою. На вопросъ его о выстрѣлѣ Вельскій, желая

скрыть случившееся, отвѣчалъ, что онъ пробовалъ пистолеты.

„Такъ рано, до зари? вскричалъ Исправникъ; а что это за люди, которыхъ я замѣтилъ поскакавшими въ ту сторону?“ — Можетъ быть проѣзжіе, отвѣчалъ Вельскій. — „Покажите мнѣ мѣсто, гдѣ вы изволили забавляться, сказалъ подозрительный Исправникъ.„ — Вельскій спокойно пошелъ съ нимъ туда. Не нашедши ничего на ономъ Исправникъ потребовалъ пистолетъ. Вельскій подалъ ему находившійся у него въ рукахъ. Исправникъ подулъ въ оный; потомъ попробовалъ шомполомъ и сказалъ: етотъ заряженъ, а гдѣ тотъ, изъ котораго вы выстрѣлили? — Я уронилъ его, отвѣчалъ Вельскій. — Исправникъ приказалъ зажечь огонь и отыскать оный. — „Да тутъ, Ваше Благородіе, что то много слѣдовъ, сказалъ одинъ изъ команды.„ — Да, вижу, отвѣчалъ Исправникъ; разсмотрите хорошенько, куда пошли слѣды.„ — Вотъ эти пошли туда, гдѣ нашли мы этаго господина, сказалъ тотъ

же; а вотъ другіе, ихъ кажется много, дайте сюда огонь. — По послѣднимъ слѣдамъ дошли до слѣду лошадей. — Эти слѣды пошли въ ту сторону, куда поскакали сани, сказалъ Исправникъ и обратясь къ Вельскому, продолжалъ: теперь вамъ запираться уже не льзя; вы лучше сдѣлаете, ежели откровенно скажете мнѣ, что здѣсь происходило.,, — Мил. гос. отвѣчалъ послѣдній, какъ честный и благородный человѣкъ увѣряю васъ, что не случилось никакого несчастія, но прошу васъ скрыть это произшествіе, отъ котораго можетъ послѣдовать несчастіе для двухъ безразсудныхъ молодыхъ людей. — ,,Уважаю ваши благородныя чувства, но, какъ исполнитель законовъ, я не могу быть симъ доволенъ, а потому прошу васъ отправиться вмѣстѣ со мною въ городъ и съ вашими людьми.,, — Ваше Благородіе, воскликнулъ испугавшійся слуга Вельскаго, баринъ мой слишкомъ добръ, а потому онъ желаетъ только спасти двухъ разбойниковъ, которые хотѣли убить его;

клянусь Богомъ, онъ ни въ чемъ не виноватъ. — Молчи, Иванъ, я самъ разкажу Г. Исправнику все дѣло на единѣ.,, — Да, сударь, а онъ засадитъ васъ въ Полицію, пока вы надумаетесь обьявить ему правду. Позвольте доложить Ваше Высокоблагородіе, вотъ въ чемъ дѣло и разсказалъ все произшествіе, какъ оно было. Вотъ здѣсь стоялъ мой баринъ, а вонъ тамъ етотъ проклятый разбойникъ, прибавилъ онъ, оканчивая свой разсказъ, а что Баринъ не стрѣлялъ, такъ вы уже изволили осмотрѣть его пистолетъ.,, —

Между тѣмъ Исправникъ началъ разряжать оный и къ удивленію своему нашелъ въ немъ одинъ только порохъ безъ пули и безъ дроби. Вельскій, обрадовавшись такому открытію, схватилъ съ поспѣшностію руку Исправника и пожимая оную съ чувствомъ сказалъ: видители, М. Г. что ето была одна глупость молодыхъ людей, которые хотѣли только напугать меня безъ всякаго другаго умысла. — ,,Какъ бы не такъ, сударь, вскричалъ слуга; я своими ушами

слышалъ, какъ пуля етаго разбойника щелкнула въ дерево; прикажите поискать ее В. Б.“ — Ты бредишь со страху, Иванъ; я не думалъ, чтобы ты былъ такъ золъ, сказалъ Вельскій. — „Да, сударь, если этимъ разбойникамъ не удалось убить васъ: то они можетъ быть, убьютъ на своемъ вѣку десять другихъ добрыхъ людей, спусти-ка имъ!“ — Между тѣмъ команда пристально отыскивала пулю, что и удалось наконецъ. Исправникъ приказалъ срубить дерево и взять съ собою. — „Не правду ли я говорилъ В. Б? сказалъ въ восторгѣ слуга. Да, эти разбойники, какъ видите, дали Барину пистолетъ безъ пули, которая у етаго сикундата осталась въ карманѣ; ибо, когда баринъ предлагалъ имъ стрѣляться въ другой разъ: то етотъ сикудатъ жалѣлъ, что не взялъ еще пороху, а пулю вытащилъ изъ кармана. Вотъ если Баринъ скажетъ фамилію етаго наглеца сикудабта: то можетъ быть В. Б. отыщите и пулю въ его карманѣ.„ — Твоя правда, сказалъ Исправникъ; ето быть можетъ и

потомъ обратясь къ Вельскому, продолжалъ: теперь намъ, кажется, нечего здѣсь болѣе дѣлать; но будьте спокойны, м. г; ваши благородныя чувства заслуживаютъ все снисхожденіе законовъ; только позвольте мнѣ вмѣстѣ съ вами отправиться въ городъ. — „По крайнѣй мѣрѣ позвольте мнѣ находиться на моей квартирѣ до рѣшенія дѣла, сказалъ Вельскій; вы можете оставить у меня караулъ изъ своей команды.„ — Охотно соглашаюсь и даже запрещу служителю показываться на дворѣ вашей квартиры. — Послѣ чего они отправились въ городъ, поспѣшая пріѣхать до свѣта.

Ударъ.

Какъ прекрасна кажется природа передъ бурею! Какъ чиста бываетъ тогда лазурь небесная! Какъ пышно разливаетъ солнце благодѣтельный свѣтъ свой, вызывая земнородныхъ и пернатыхъ къ радостямъ и веселію! Такъ

свѣтла была душа Анеты во время вчерашняго бала! Сердце ея, казалось, оживлено было новыми, невѣдомыми ей до того чувствами; взоры ея блистали чистою, небесною лазурью; душа изливалась въ необыкновенныхъ прежде для ней шуткахъ; каждое слово ея было словомъ радости и веселія! — Только скрытный отъѣздъ Трелина встревожилъ ее нѣсколько. Непріятное чувство закралось въ ея сердце и безпокоило ее во время ночи печальными сновидѣніями, отъ чего встала она на другой день съ небольшою головною болью и грусть изображалась на лицѣ ея. Рѣзвыя кузины не упустили пошутить надъ ея меланхоліею, но шутки сіи затерялись въ разговорахъ о вчерашнемъ вечерѣ.

Пріѣздъ Исправника, съ нѣкоторою поспѣшностію прошедшаго въ кабинетъ Д., показался нѣсколько необыкновеннымъ собравшемуся кругу семейства, а приказаніе послѣдняго, немедленно заложить сани, возбудило любопытство. Исправникъ вышелъ изъ кабинета и опять

съ замѣтною торопливостію уѣхалъ. Поспѣшность въ одѣваніи и отъѣздѣ Д. сильно уже всѣхъ встревожила. Призвали людей, стали спрашивать, за чѣмъ пріѣзжалъ Исправникъ, куда поѣхалъ Д., не слыхать ли чего въ городѣ? — Получая отрицательные и неудовлетворительные отвѣты, дѣвицы рѣшительно приступили съ вопросами къ людямъ, упрекали въ скрытности, настоятельно требовали и выпытали у одного, который послѣ затруднительныхъ предисловій о невѣрности слуховъ, какіе распускаются по городу, объявилъ наконецъ, что говорятъ, будто Исправникъ поймалъ ночью въ какой-то деревнѣ Вельскаго съ людьми. — „Ето вздоръ, вскричали всѣ въ одинъ голосъ, ето вздоръ; да онъ отъ насъ поѣхалъ уже во второмъ часу.“ — И я вамъ докладывалъ, что ето вздорные слухи, да чего не выдумаетъ народъ? Да и куда ему было вчера ѣхать; онъ такъ усталъ, что когда я подавалъ ему шубу: то онъ жаловался, что у него чрезвычайно

болятъ ноги; такъ онъ, я думаю, на силу добрался до постели. — „Это вздоръ, быть не можетъ, повторяли всѣ: Да чтожъ такое было съ нимъ, что онъ сдѣлалъ, за что его взяли, снова посыпались вопросы со всѣхъ сторонъ?“ — Да чего не выдумаютъ, сударыня; говорятъ, будто онъ убилъ Трелина — „Ахъ! раздалось въ одно мгновеніе изъ устъ всѣхъ, и всѣ невольно обратились къ Анетѣ...

Съ смертною блѣдностію на лицѣ, съ закрытыми глазами, съ опущенными руками и головою, Анета поразила всѣхъ картиною смерти. — Послѣ перваго оцѣпенѣнія снова раздался крикъ ужаса, но прибѣжавшія гувернантки и нянюшки, унявши крикъ, бросились къ Анетѣ и начали приводить въ чувство охладѣвшаго Ангела. Градомъ катились слезы по лицамъ дѣвицъ, горничныхъ и самыхъ даже слугъ; въ безмолвіи дрожащими руками старались возвратить жизнь общей любимицы всего дома и чрезъ нѣсколько времени восторгъ блеснулъ на лицахъ отъ перваго ея вздоха. — Еще нѣсколько

минутъ и заколыхалась грудь ея; судорожное движенiе пробѣжало по всему составу и ручьи слезъ изъ закрытыхъ глазъ возвѣстили о возвращенiи жизни. Наконецъ они открылись. — Смутными взорами посмотрѣла Анета на окружающихъ ее, какъ бы припоминая, гдѣ она и что съ нею сдѣлалось. Еще разъ осмотрѣла она вокругъ себя предметы; мать произнесла имя ея; просвѣтлѣвшiй отъ сего взоръ ея обратился къ матери. Еще посмотрѣла она на предстоящихъ; какая-то сильная мысль вдругъ блеснула въ глазахъ ея. „Боже мой! я его убiйца!„ произнесла она слабымъ голосомъ и снова впала въ безчувствiе. Послѣ сего почли лучшимъ перенести ее въ спальню и удалить отъ нее всѣхъ, напоминающихъ объ ужасномъ для нее происшествiи.

Такъ, мѣсто веселiя, гдѣ вчера разливалась живая, непритворная радость, превратилось нынѣ въ мѣсто скорби и отчаянiя! По всему дому отъ спальней дѣвицъ до очага кухни раздавались ти-

хія рыданія, какъ непритворная дань добродѣтелямъ и великодушію Анеты!

Судъ Соломоновъ.

Быстро вошелъ Д. въ квартиру Вельскаго, который вспыхнулъ отъ стыда при его появленіи. Съ жаромъ схватилъ руку его старикъ и слезы навернулись на глазахъ его, а изъ глазъ Вельскаго полились ручьями.

„Не тревожься, любезный, черезъ силу промолвилъ почтенный Д., съ чувствомъ сжимая руку Вельскаго. Это пустяки, совершенные пустяки; жаль только, что ты не взялъ меня сикудатомъ, какъ говоритъ твой Иванъ, продолжалъ шутя Д., желая какъ нибудь разсѣять его; хоть бы ты сказался мнѣ, хоть-бы ты запискою далъ мнѣ о томъ знать. — Какъ я смѣлъ это сдѣлать, отвѣчалъ Вельскій. — Эхъ, братецъ; кажется, ты знаешъ, что мы тебя любимъ, а въ такихъ дѣлахъ можно отнестись и къ незнакомому. . .

Въ это время взъѣхалъ на дворъ Исправникъ и вошедши въ комнату, съ радостію сказалъ: отыскали молодца и съ пулею въ карманѣ. — „Спасибо, спасибо почтенный человѣкъ, вскричалъ Д., пожимая руку его; теперь отправимся вмѣстѣ къ Губернатору, а ты, любезный другъ, забудь и думать объ этомъ: выкинь изъ головы все, какъ будто ничего и небыло.“ —

— Ради Бога не сдѣлайте имъ какого нибудь несчастія, или я буду требовать отъ законовъ равнаго себѣ наказанія. — „Не безпокойся, любезный; много, много, что ихъ посѣкутъ, какъ ребятишекъ.“ — Но .... вскричалъ Вельскій. — Д. хлопнулъ дверью и уѣхалъ съ Исправникомъ.

Когда вошли они въ кабинетъ Губернатора: то нашли уже тамъ родителей Трелина и его секунданта. Послѣ долгаго разсужденія, всѣ вмѣстѣ рѣшили наконецъ: *въ удовлетвореніе правосудія посадить двухъ героевъ на трое сутокъ въ домъ съумасшедшихъ.*

Губернаторъ, родители и Д. подписали составленный о семъ подробный протоколъ, присовокупивъ къ оному допросы и признаніе осужденныхъ и рапортъ Исправника; а молодцовъ самъ Губернаторъ съ Д. и Исправникомъ повезли на квартиру Вельскаго просить торжественно у него прощенія, не сказавъ имъ о своемъ рѣшеніи.

Вельскій смутился, когда сія торжественная процессія вступила въ его комнаты, а когда Губернаторъ объявилъ ему о причинѣ своего прибытія; то онъ со слезами бросился въ объятія Трелина и потомъ его друга, которые также были тронуты до слезъ. Губернаторъ, отпустивши ихъ потомъ домой, гдѣ ожидали ихъ его распоряженія, успокоилъ Вельскаго и приглашалъ Д. къ себѣ обѣдать. — „Да мнѣ за это достанется отъ моихъ, если я не представлю имъ его здрава и невредима, сказалъ Д., указывая на Вельскаго, и простившись съ Губернаторомъ, принудилъ его одѣться и ѣхать къ себѣ обѣдать. „А васъ те-

перь не приглашаю, сказалъ онъ Исправнику, хотя бы намъ и слѣдовало вмѣстѣ подкрѣпить силы свои послѣ такихъ хлопотъ. Боюсь напугать вами домашнихъ; подумаютъ еще, что ихъ любезный другъ подъ арестомъ. Увидимся, почтенный человѣкъ, прощайте!" — Послѣ чего Д. отправился съ Вельскимъ домой; но они и не воображали, какія горести ожидаютъ ихъ тамъ обоихъ!

Тревога.

По пріѣздѣ Д., слуги съ потупленными взорами вышли принять его. Увидѣвъ ихъ замѣшательство, Д. спросилъ о причинѣ онаго. Не получивъ отвѣта, снова спросилъ, что это значитъ, говорите? — Анна Алексѣевна больна, отвѣчалъ одинъ сквозь слезы. „Надѣюсь, не при смерти?" — Нѣтъ, она жива, слава Богу, торопливо сказали многіе. — Такой отвѣтъ встревожилъ старика и онъ поспѣшно вошелъ въ комнаты, а въ слѣдъ за нимъ потащился и Вельскій. — Про-

ходя залу, слухъ Д. пораженъ былъ тихими рыданіями изъ другихъ комнатъ. — „Да скажите, ради Бога, что это значитъ, вскричалъ онъ, не зная самъ, кому дѣлаетъ вопросъ сей, ибо тутъ никого не было. — На крикъ его выбѣжала гувернантка: ради Бога тише, ради Бога тише, сказала она ему. — Да скажи мнѣ, хоть ты матушка, жива ли Анета? — Слава Богу, жива, насилу проговорила добрая гувернантка. — „Ну?" — Да съ нею то и дѣло, дѣлаются обмороки. — „Отъ чего?" — Да кто-то изъ людей, послѣ вашего отъѣзда, проболтался, что Вельскій убилъ Трелина, такъ съ того времени ей то и дѣло дурно. — „Экіе глупцы, сказалъ Д. и поспѣшилъ въ спальню къ больной.

Взоры его поразились печальною картиною. То жаръ, то холодъ попеременно разливались по лицу Анеты; сильныя волненія смѣняли временную безчувственность; тяжкія, глухія стенанія слѣдовали за судорожными восклицаніями: я его убійца! Ахъ, его разстрѣляютъ! —

Открывъ глаза и увидѣвъ Д., она приподнялась и простирая къ нему руки, съ умоляющими взорами сказала: дѣдушка, спасите несчастнаго, простите меня; я не желала ему зла. — Схвативъ ее въ свои обьятія, Д. отвѣчалъ ей: успокойся, другъ мой; тебѣ солгали; ничего не случилось. Это ошибка, пустой слухъ. — „Не обманывайте меня, гдѣ Трелинъ, гдѣ Вельскій?“ — Ты знаешъ, милая, что Трелинъ не всегда бываетъ, а Вельскій въ залѣ. — „Гдѣ жъ онъ? Дайте хоть услышать голосъ его.“ — Я тебѣ и всего покажу его; только сядь, другъ мой и успокойся не много; а я сію минуту приведу его и вышелъ въ залу: — но Вельскаго тамъ уже не было.

Услышавъ слова гувернантки: *Вельскій убилъ Трелина* и что отъ сего извѣстія Анета лишилась чувствъ, стремительно бросился онъ изъ дому и убѣжалъ со двора. Ему показалось, что весь домъ обрушился на него. „Гдѣжъ онъ, гдѣ Вельскій? кричалъ Д., не нашедши его въ залѣ. — Онъ ушелъ, отвѣчалъ

слуга. — „Куда жъ ушелъ онъ? Бѣгите скорѣе, ворошите его сію минуту.“ — Всѣ люди бросились со двора и пустились въ разныя улицы и на квартиру Вельскаго отыскивать его, а встревоженый Д., вышедши на крыльцо разсылалъ послѣднихъ людей отыскивать Вельскаго, гдѣ бы онъ ни былъ и привести его немедленно. Послѣ чего возвратясь къ Анетѣ и скрывая волновавшія его чувства, увѣрялъ ее, что Вельскій сей часъ будетъ, что услышавши о болѣзни ея онъ ушелъ на свою квартиру, не желая собою безпокоить. — Недовѣрчивость изобразилась на лицѣ Анеты и снова ожидали припадковъ; но пособія Доктора, надежды и ожиданія самой ея поддержали силы ея. Д., вышедши снова и узнавъ, что посланные за Вельскимъ еще не возвращались, почелъ нужнымъ увѣдомить Губернатора о несчастномъ приключеніи и просить его прислать къ нему немедленно на нѣсколько минутъ Трелина, потомъ возвратился опять къ больной и увѣрялъ ее, что не

только Вельскій, но и Трелинъ будутъ къ нимъ черезъ четверть часа, чѣмъ и успокоилъ ее.

Слухи о бѣготнѣ по городу людей для отысканія Вельскаго дошли до почтеннаго Губернатора, а записка Д. заставила его самаго отправиться въ домъ съумасшедшихъ за Трелинымъ. Сдѣлавши ему надлежащія наставленія и присовокупивъ нужные угрозы, онъ привезъ его въ домъ Д.

Съ просьбами Д. и съ новыми наставленіями и угрозами Губернатора Трелинъ вступилъ въ спальню больной. „Я васъ оскорбила вчера, Г. Трелинъ, сказала Анета, простите меня. . . и слезы полились изъ глазъ ея ручьями.„ — Я не былъ оскорбленъ вами, проговорилъ сквозь зубы Н. П. — „Вы такъ великодушны. . . но скажите, ради Бога, правда ли что у васъ была дуель съ Вельскимъ?“ — Это пустые слухи, которыми напрасно васъ обезпокоили. — „Ахъ! чѣмъ я могу благодарить васъ! Гдѣ жъ Вельскій? Нѣтъ! мнѣ не вѣрит-

ся. . . . — Успокойся, другъ мой! сказалъ Д.; онъ скоро будетъ; я уже давно послалъ за нимъ; да вотъ я попрошу и Н. П. поискать его. — Сими словами хотѣлъ онъ поскорѣе удалить Трелина съ глазъ Анеты. — „Я не заслуживаю такой милости, сказала она при ихъ удаленіи. — Вышедши въ залу: ради Бога прикажите поскорѣе отыскать Вельскаго, сказалъ Д. Губернатору, который и поспѣшилъ съ Трелинымъ отправиться.

По отъѣздѣ Губернатора привезли Вельскаго блѣднаго, полумертваго. Д., ухвативъ его за руку, потащилъ къ Анетѣ. „Вотъ тебѣ и Вельскій! вскричалъ онъ отъ радости почти на всю комнату.

Вельскій бросился на колѣни у кровати Анеты и схвативъ руку ея, обливалъ оную горькими слезами. Съ сильнымъ чувствомъ обратились глаза Анеты къ образу. „Боже мой! воскликнула она и упала въ безпамятствѣ на подушки. Но етотъ припадокъ не былъ

уже прежнимъ убійственнымъ припадкомъ; онъ произошелъ отъ сильнаго волненія радости, которую, можетъ быть, хотѣла скрыть Анеша; а потому легкія пособія Доктора скоро возвратили ей память; послѣ чего всѣ мало по малу начали успокоиваться. Для большаго же развлеченія Д. приказалъ накрывать столъ. „Нельзя ли, дѣдушка, здѣсь обѣдать сказала, Анеша, а то мнѣ одной скучно будетъ оставаться.“ Всѣ изъявили на то свое согласіе и желаніе ея въ минуту было исполнено.

За обѣдомъ по немногу всѣ развеселились. Только Вельскій напрасно принуждалъ себя ѣсть, напрасно принуждалъ себя говорить. То и другое намѣреніе худо было исполняемо имъ на самомъ дѣлѣ. За всѣмъ тѣмъ общія усилія довели разговоръ до шутокъ. Дѣвицы не оставили въ покоѣ Вельскаго; приписывали блѣдность лица его вчерашнимъ танцамъ, а иныя осмѣлились даже намекнуть на испугъ отъ дуели. „А вотъ я бы послалъ васъ самихъ, рѣзвушки, про-

тивъ грознаго Льва на сраженіе, сказалъ Д.: такъ вы бы не такъ хохотали. Знаете ли какъ онъ лихо стрѣляетъ? Въ десяти шагахъ мѣтилъ въ Вельскаго, а попалъ въ осину, которая на десять же шаговъ была въ сторонѣ? — Пожалуста, дѣдушка, разскажите намъ объ этой блистательной дуели, сказали дѣвицы. — „Пожалуй.“ — Тутъ Д., стараясь, какъ можно болѣе представить въ смѣшномъ, каррикатурномъ видѣ всѣ обстоятельства, разсказомъ своимъ произвелъ всеобщій смѣхъ. Даже Анета и самый Вельскій не одинъ разъ улыбнулись.

Но почтенный Д. — для чего, разсказывая о [illegible]ѣхъ и подлостяхъ Трелина и его [illegible] то воспом[illegible] не скрылъ ты великодушіе [illegible]аполнять все [illegible]ихъ поступковъ Вельскаго, но разительнымъ контрастомъ съ первыми очаровательно разрисовалъ ихъ въ воображеніи и глубоко напечатлѣлъ въ сердцѣ слушавшихъ тебя?

Письмо Вельскаго.

Слабою, еще дрожащею отъ тяжкой болѣзни рукою пишу къ тебѣ, милый другъ, письмо сіе. Недуги мои прекратились, слабость не позволяетъ мнѣ однакожъ выходить изъ комнаты; но надежда — надежда живо обновляетъ мои силы и наполняетъ душу мою восторгомъ. — Вчера — о милый другъ мой, для чего не было тебя со мною? Вчера — слезы радости ручьями лились изъ самаго, кажется, сердца! — Вчера все семейство Д. цѣлый вечеръ гровело у меня на квартирѣ. Великодушный Д. пригласилъ даже Губернатора и еще двухъ почтеннѣйшихъ особъ, чтобы, какъ шепнулъ о[illegible]мъ тѣмъ оухо, отклонить всякіе [illegible]ъ до шутокъ не окончились еще [illegible] бла[illegible]ѣ В[illegible]го поступки. Гу[illegible] необыкновенно веселъ или стараясь, по крайней мѣрѣ, таковымъ казаться, онъ взялъ на себя [illegible]сѣ хлопоты. Явилось фортепіано, яви[illegible] карточный столъ; кузины Анеты т[illegible]

черъ кончился ужиномъ — въ два часа! Непринужденность, шутки, веселость быстро умчали сей — никогда незабвенный для меня вечеръ. — Здоровье Анеты совершенно поправилось, кромѣ появляющейся иногда на лицѣ ея какой-то грусти и меланхоліи, оставшихся послѣ болѣзни. — Ахъ, другъ мой! Тяжела для меня мысль, что я причиною сей грусти, сей меланхоліи ея! Но какъ ужасна была бы для меня мысль, если бы я былъ, хотя невинною причиною ея смерти, — если бы я былъ . . . ея убійцею! — Прощай, я не могу писать болѣе.

P. S. Когда мы увидимся съ тобою, напоминай мнѣ почаще объ этомъ вечерѣ, другъ мой! Если бы я всего лишился, если бы низверженъ былъ въ бездну несчастій: то воспоминаніе объ ономъ [illegible]ъ наполнять все существо мое [illegible] !

[illegible]ое письмо.

[illegible]сверширо?

Для чего я не могу излить въ сердце твое часть того блаженства, которымъ преисполнена душа моя! — Вчера совершилось обрученіе мое съ Анетою, а теперь поспѣшаю сообщить тебѣ упоеніе души моей. Всѣ преграды уничтожены, всѣ противорѣчія и возраженія кончены. Самая бабушка, которая рѣшительно противилась общему согласію, наконецъ насъ благословила.... Но мой милый, все еще нѣкоторая сухость, нѣкоторая принужденность показывается на лицахъ семейства. О! лети, лети скорѣе разрушить мое инкогнито, чрезъ которое я достигъ цѣли своей — получилъ чистую, безкорыстную руку истиннаго Ангела. Теперь оно болѣе не нужно. Забери всѣ мои деньги, вещи и экипажи. Умоляй, умоляй тетушку, ку-
зину немедленно сюда отправиться
знательность моя къ нимъ
предѣльна! Мнѣ
продолжать бо
вполн
ца
н

„Траурный билетъ отъ Д., сказалъ вошедшій слуга, подавая *писанный* билетъ Вельскому.“ — Что это? спросилъ въ разсѣяніи послѣдній, не вслушавшись въ слова человѣка. — „Траурный билетъ о кончинѣ Анны Алексѣевны Борской.“

Быстро схватилъ Вельскій билетъ и трепеща всѣми членами, мутными глазами пробѣжалъ его; потомъ, вскочивши съ креселъ, изъ всѣхъ силъ вскричалъ: такъ это былъ сонъ!.. Такъ это-то предвѣщалъ мнѣ сонъ мой? Такъ . . . я ея убійца! и полумертвый упалъ на полъ. . . .

РАЗНЫЯ МЫСЛИ.

Было время, когда умъ человѣческій совершенно коснѣлъ въ невѣжествѣ, и лютое варварство было эпохою онаго! За симъ слѣдовало время освобожденія ума отъ тяжкихъ оковъ; но гнусное корыстолюбіе скрывало открытія онаго въ глубочайшихъ тайнахъ. Было потомъ время, когда старались подавить испытующій духъ и истина стѣснялась въ пути своемъ и человѣчество не переставало терпѣть и страдать. — Настало наконецъ время, когда вѣкъ вырвался на свободу, разодралъ мудранныя завѣсы жрецовъ, свергъ съ себя оковы корыстолюбія и педантизма. Истина вступила въ борьбу съ невѣжествомъ, заблужденіями и предразсудками, возторжествовала надъ ними, разлила повсюду благодѣтельный свѣтъ свой и отъ

какихъ бѣдствій и страданій избавила человѣчество! Сколько невинности и добродѣтели спасла отъ оковъ и заточенія!

*

Когда волнуется горизонтъ политическій, когда свирѣпствуютъ страшныя бури и вихри страстей, когда ревутъ громы и грозятъ разрушеніемъ, когда мрачныя тучи скрываютъ свѣтъ истины, а ярящіяся молніи, ослѣпляя пустымъ блескомъ, обманываютъ зрѣніе, чѣмъ спасетъ себя гражданинъ отъ ошибокъ, заблужденія и преступленій? — *Знаніемъ своихъ обязанностей.* — Онъ, какъ съ компасомъ, пройдетъ съ онымъ камни и отмѣли и выйдетъ чистъ отъ преступленій и злодѣяній. Минутное ослѣпленіе изчезнетъ отъ противоборствующаго дѣйствія обязанностей. Коварство и злоухищренія не найдутъ себѣ вѣрной подпоры и помощи въ заблужде-

ніи и легкомысліи — стрѣлы ихъ притупятся о твердый эгидъ должностей.

*

Вся нравственность — частная, общественная политическая состоитъ въ слѣдующемъ: *уважай особу каждаго, какъ самаго себя.* Сколько истины, мудрости и добродѣтели заключается въ сихъ не многихъ словахъ! Напечатлѣйте оныя въ сердцахъ вашихъ и смѣло идите по пути жизни. Вы явитесь къ престолу Вышняго съ чистымъ сердцемъ и непорочною душою. Не учитесь мудрости мудрствующихъ объ обязанностяхъ человѣка. Помните только слова сіи, исполняйте ихъ и вы исполните весь долгъ вашъ на земли: *ижє, аще любитъ Бога, брата же своего ненавидитъ, ложь есть. — Сія есть любовь, да душу свою положитъ за брата своего. — Богъ есть любы и иже пребываетъ въ любви, въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ.*

*

Знаете ли вы міръ нравственый? Знаете ли вы, что дѣлая добро одному человѣку, вы дѣлаете добро цѣлому человѣчеству и напротивъ — дѣлая зло одному, оскорбляете все человѣчество? Такъ! тотъ, кто съ искреннимъ чувствомъ подаетъ руку помощи ближнему, кто жертвуетъ всѣмъ, даже самимъ собою единому: тотъ сдѣлалъ бы все это для цѣлаго человѣчества, *если бы только было для него возможно.* Да будетъ же любовь чистая, святая, непрестаннымъ изліяніемъ сердца вашего на *окружающихъ* васъ, ежели вы не можете простирать оную далѣе! О! и этаго довольно для человѣчества!

*

Если бы люди и вымыслили Бога: то и это было бы спасеніемъ для человѣчества!

*

Мы живемъ такъ, какъ будто бы приготовляемся жить, а не живемъ. Всегда думаемъ только о будущемъ и всѣмъ жертвуемъ для него въ настоящемъ; даже въ то время, когда дѣйствительно наслаждаемся настоящимъ, мысли наши стремятся въ будущее.

*

Удивительна слабость человѣческая! Въ счастіи мы забываемъ совершенно о минувшихъ бѣдствіяхъ, какъ будто бы ихъ совсѣмъ и не бывало; напротивъ того несчастіе не только покрываетъ для насъ мрачнымъ покровомъ настоящее, но и самое прошедшее. Намъ кажется тогда, что протекшія радости какъ будто для насъ и не существовали, мы не можемъ оживить въ душѣ своей даже образъ ихъ и если бы не *надежда*, оставленная намъ благимъ Провидѣніемъ, поддерживала насъ для будущаго: то всякое несчастіе было бы погибелію для человѣка.

*

Ежели неблагодарность есть гнусный, отвратительный порокъ: то мы должны любить свое Отечество. Оно хранило колыбель нашу, питало сосцы нашей матери; оно пеклось о нашей юности, защищало ее отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ; воспитало, образовало подругъ нашихъ и усыпало цвѣтами брачный путь нашъ. Оно стоитъ вѣрнымъ, неусыпнымъ стражемъ у вратъ нашихъ, да не нарушится сонъ и покой нашъ; оно печется о нашихъ радостяхъ; оно заботится и о будущей нашей старости и дряхлости!

Еслибы дѣти столько же любили своихъ родителей, сколько родители любятъ дѣтей своихъ, говорила одна почтенная дама: тогда бы на землѣ было царствіе небесное.

*

У насъ есть законы противу похитителей и грабителей, такъ сказать, физическихъ; но нѣтъ законовъ противъ похитителей и грабителей нравственныхъ. Мы довольно обезопасены противу первыхъ и отъ того хранится наружная тишина въ обществѣ, но ни мало не обезпечены противу послѣднихъ. Въ наши просвѣщенныя времена можно бы подумать и объ нихъ, когда уже безопасность отъ первыхъ обезпечена и утверждена.

*

У насъ называютъ *безчестнымъ* только того, кто беретъ взятки; но, безчестенъ равно и тотъ, кто не право судитъ изъ другихъ видовъ; безчестенъ и тотъ, кто изъ какого бы то ни было угожденія нарушаетъ справедливость; безчестенъ и тотъ, кто уклоняется отъ исполненія своихъ обязанностей, когда не боится дурныхъ для себя послѣдствій или имѣетъ законный предлогъ уклониться отъ оныхъ; без-

честенъ и тотъ, кто пользуется несчастіями, слабостями, ошибками и заблужденіями другаго; безчестенъ и подлъ наконецъ и тотъ, кто обманомъ или обольщеніемъ пользуется трудами и способностями другаго.

*

Господи! Кто судитъ у насъ о нравственности и что такое называютъ нравственностію?

АНЕКДОТЫ.

Новый способъ быть всегда въ пріятной компаніи.

Г-нъ Р., человѣкъ весьма достаточный, обладающій всѣми способами счастливо и пріятно проводить жизнь свою, имѣетъ однакожъ свои минуты скуки. Имѣетъ ли онъ минуты грусти, не могу сказать, потому, что мнѣ не удалось заглянуть къ нему въ сердце.

Но бываютъ ли скучныя минуты у людей богатыхъ, спросите вы? Смѣло отвѣчаю: часто, очень часто, потому, что они все таки люди. Всякій изъ нихъ можетъ въ этомъ сознаться, но не всякой изъ нихъ умѣетъ такъ отдѣлываться отъ скуки, какъ Г-нъ Р.

Въ эти несчастныя минуты Р. обыкновенно садится къ стому передъ зеркаломъ и тотъ часъ является къ нему другъ

его лучшій, вѣрный, искреннѣйшій другъ его т. е. собственный его образъ. Р., увидѣвши его, начинаетъ съ нимъ раскланиваться, спрашиваетъ о здоровьи, заводитъ разговоръ, а между тѣмъ кричитъ: Карлъ, Карлъ. . . ? (Надобно сказать къ стати, что у него есть особенная мысль держать при себѣ слугъ изъ иностранцевъ. Это относится къ чувствамъ его патріотизма, какъ онъ самъ говоритъ; а можетъ быть тутъ скрывается чувство какого нибудь оскорбленія, которое выражается у него въ сихъ словахъ: мы во многомъ служимъ иностранцамъ, такъ я хочу, чтобы они мнѣ хоть дома служили. Мнѣ право совѣстно заставлять любезныхъ соотечественниковъ одѣвать меня, мести комнаты, чистить мое платье, сапоги и пр.") . . . Карлъ подай Шампанскаго для любезнаго друга. . . (Какъ патріотъ, онъ держится старой руской пословицы: *пити — веселіе Русскихъ.*) — При появленіи Шампанскаго начинается у него самый живой разговоръ

объ Отечествѣ, о настоящемъ его могуществѣ, о видахъ онаго въ будущемъ, о его герояхъ и великихъ мужахъ, за славу перваго и за здоровье послѣднихъ онъ выпиваетъ по бакалу. Между тѣмъ является новый пріятель т. е. у него начинаетъ *двоиться* въ глазахъ. — Тутъ опять новыя привѣтствія, новые разговоры и новая бутылка! — Наконецъ жаръ бесѣды ослабѣваетъ, пріятели расходятся, т. е. у него темнѣетъ въ глазахъ. — Ка . . . арлъ . . . рзд . . . дѣнь . . . меня; всѣ . . . раз . . . зошлись, говоритъ онъ своему календинеру; уже н . . . ночь, пора . . . спать. — Такимъ образомъ Р. всегда избавляетъ себя отъ скуки.

Дѣйствіе привычки.

Однажды случилось мнѣ зайти къ старому товарищу по школѣ, вышедшему изъ военной службы въ отставку и еще не опредѣлившему себѣ ни какого рода занятій. Я нашелъ его спящимъ на диванѣ; у ногъ его сидѣлъ слуга

и звенѣлъ колокольчикомъ. При входѣ моемъ слуга прервалъ свое занятіе. Скрыпъ двери и остановка колокольчика пробудили нѣсколько моего пріятеля, который поворотясь съ просонья и толкнувъ ногою слугу, вскричалъ: пошелъ! — Слуга началъ опять звенѣть; но случившаяся остановка разсѣяла сонъ моего пріятеля, который приподнявшись нѣсколько, сказалъ: стой! Деньщикъ! достань погребецъ, что-то холодно.“ — Слуга, переставъ звенѣть, наклонился подъ диванъ за погребцомъ. — Между тѣмъ пріятель мой, поднявшись на диванѣ, и съ просонья не узнавши меня спросилъ: развѣ пріѣхали на станцію? — Да-съ, отвѣчалъ слуга.

Въ послѣдствіи объяснилъ онъ мнѣ [illegible]нную мною странность. Служивши [illegible]военной службѣ, часто былъ онъ у[illegible]пребляемъ на посылки и такъ привы[illegible]къ звону колокольчика, что до сихъ поръ не можетъ безъ онаго уснуть ни днемъ, ни ночью, а чтобы порядочно

выспаться: то и погребецъ для него необходимъ.

Упрямство.

Нѣкто предъ послѣднею Турецкою компаніею утверждалъ, что Рускіе не иначе могутъ пройти въ Турцію, какъ только черезъ Венгрію; ибо на прямомъ пути, говорилъ онъ, находятся непроходимыя болота. Когда стали увѣрять его въ противномъ, показывали и изъясняли ему карту: то онъ, упорствуя въ словахъ своихъ, говорилъ, что карты не всегда вѣрны, что на нихъ не льзя изобразить всѣхъ неудобствъ и затрудненій пути и наконецъ рѣшительно объявилъ, что ему объ этомъ сказывалъ Офицеръ, который въ прежнюю войну самъ съ своимъ отрядомъ ходилъ въ Турцію черезъ Венгрію, и потомъ опять чрезъ Венгрію и Польшу возвратился въ Россію.

Много бываетъ такихъ спорщиковъ, которые, хотя и не говорятъ, что имъ

Офицеръ сказывалъ, но упорствуютъ на подобныхъ доказательствахъ.

Удивительный способъ открывать вора.

Одинъ пріятель мой отстроивалъ на дачѣ домъ, и будучи занятъ постройкою, долго не былъ въ городѣ. Желая съ нимъ повидаться, я отправился къ нему съ другимъ знакомымъ, N. N. Мы нашли его окруженнаго работниками, съ которыми толковалъ онъ о покражѣ у одного изъ нихъ топора. Услышавши объ этомъ, N. N. сказалъ имъ, что онъ тотчасъ отыщетъ виноватаго, если они безпрекословно согласятся слѣдовать его распоряженіямъ. Желая очиститься отъ подозрѣній, каждый изъ нихъ охотно согласился на его предложеніе.

N.N. приказалъ имъ стать въ три шеренги, (дабы дать вору способъ укрыться за другими, какъ онъ объяснилъ послѣ). Поставивши ихъ въ надлежащій

порядокъ, онъ приказалъ всѣмъ говорить за собою: Господи помилуй! Господи помилуй! и послѣ нѣсколькихъ повтореній, остановивъ ихъ, спросилъ: всѣ ли они говорятъ молитву? — „Всѣ, всѣ, было единогласнымъ отвѣтомъ. — Смотрите же, говорите всѣ, а не то, я тотчасъ узнаю, кто не говоритъ и началъ опять повторять: Господи помилуй! — Потомъ, снова остановивъ ихъ, спросилъ: да всѣ ли вы говорите? — „Всѣ, всѣ, опять было отвѣтомъ. — „А кто укралъ топоръ, говоритъ ли, спросилъ онъ поспѣшно? — „*Какъ же, батюшка, говорю*, отвѣчалъ одинъ.

Неправда ли, что способъ удивительный?

Прекрасная резолюція.

Нѣкоторый Судья, при слушаніи уголовнаго дѣла о многихъ преступникахъ, задремалъ. Секретарь, прочитавши записку изъ дѣла и не замѣтивши его дремания, спросилъ его. что дѣлать съ ни-

ми? — „Что дѣлать, сказалъ Судья съ просонья; половину сварить, а половину изжарить.“

Ему приснилось во время чтенія Секретаря, что поваръ принесъ ему на показъ рыбу и спрашивалъ, что съ нею сдѣлать, на что и послѣдовала сказанная резолюція.

Любовь къ Отечеству.

Одинъ Русскій, возвратясь изъ-за границы, жаловался, что въ чужихъ краяхъ ѣсть нечего. Чернаго хлѣба тамъ знать не знаютъ, говорилъ онъ; о щахъ и понятія не имѣютъ, каши хоть не спрашивай, а о квасѣ и думать позабудь. Гдѣ лучше матушки Россіи?

Сборы къ тяжбѣ.

Два крестьянина, поссорившись за что-то, грозили другъ другу судомъ. Болѣе вспыльчивый сказалъ, что онъ сей часъ же ѣдетъ въ городъ. — „Экъ угрозилъ мнѣ, отвѣчалъ другой, и я не ос-

танусь въ дуракахъ и оба потомъ разошлись по домамъ собираться въ дорогу.

Спустя нѣсколько времени одинъ приходитъ къ двору другаго и увидѣвъ, что сей собирается, закричалъ ему черезъ заборъ: чтожъ ѣдешъ что-ли судиться?" — Ѣду, отвѣчалъ сей рѣшительно. — „Ну и я ѣду, мнѣ не угрозитъ. Вмѣстѣ что-ли ѣдемъ, продолжалъ онъ потомъ? — Пожалуй, отвѣчалъ первый. — „Ну чтожъ, твоя лошадь, а моя телега; аль твоя телега, а моя лошадь?" — Моя кобыла не кована, боюсь, не вывезетъ въ гору двоихъ. — „Ну быть такъ, я приведу своего мѣрена, а ты подмазывай телегу, медлить нечего."

Вскорѣ потомъ прискакалъ онъ верхомъ на своей лошади съ хомутомъ и съ возжами. По пріѣздѣ его хозяинъ ушелъ въ избу, неговоря ни слова, а соперникъ, осмотрѣвши телегу, началъ искать дугу и не нашедши оной, подошелъ къ избѣ и не отворяя дверей, началъ стучать въ оныя и требовать дуги.

„Какъ бы не такъ, отвѣчалъ ему изъ избы хозяинъ, твоя лошадь, такъ твоя и дуга.“ — Жиренъ будешъ; моя лошадь, да моя еще и дуга! Давай свою кобылу, я приставлю и телегу и дугу. — „Да вѣдь я тебѣ говорилъ, что моя кобыла не кована.“ — Ну такъ давай дугу.“

Споръ о дугѣ продолжался съ великимъ жаромъ черезъ двери. На крикъ сей сошлись сосѣди и проходящіе. Осаждающій предложилъ споръ свой на судъ ихъ. Голоса сначала раздѣлились, но потомъ мало по малу склонились на его доказательства и рѣшили: чья телега, того должна быть и дуга. Осажденный не сдавался и не выходилъ изъ своей цитадели. Наконецъ одинъ изъ пришедшихъ предложилъ для капитуляціи — дать свою дугу. Но на сіе предложеніе не послѣдовало согласія ни той, ни другой стороны. — „Что будешъ дѣлать съ упрямымъ, сказалъ наконецъ осаждающій; вѣдь онъ крутаго нрава, его и до завтра не переспоришь. Быть такъ,

пусть будетъ и моя дуга и верхомъ поскакалъ за нею домой, не желая терять напрасно времени.

Привезши наконецъ дугу и заложивши лошадь, выѣхалъ онъ за ворота и закричалъ: ну ступай же, пора ѣхать, а то Судъ разойдется. — „Подожди, позавтракаю, отвѣчалъ ему голосъ изъ избы.“ — Экъ онъ не наѣлся! Да вѣдь я ужъ не отстану отъ тебя; до завтра не сойду съ мѣста.

Болѣе получаса дожидался онъ своего противника, который не торопясь, позавтракалъ, какъ слѣдуетъ, помолился Богу, одѣлся, вышелъ на улицу и не смотря на своего соперника, помѣстился на другомъ концѣ телеги; и такимъ образомъ оба, отворотясь другъ отъ друга, перекрестились и отправились вмѣстѣ въ городъ.

Молча ѣхали они большею частію шагомъ; ибо дорога отъ бывшихъ дождей черезвычайно была испорчена. Наконецъ доплелись они до горы, находившейся подъ самымъ почти городомъ. Хо-

тя лошадь была изрядная и кованная, но густая грязь, выбоины и колеи довольно уже утомили ее, а гора, на которую имъ надобно было взбираться, была нѣсколько крута и велика. Кой-какъ взтащились они на половину оной, но здѣсь лошадь оступилась и желая поправиться, своротила съ хорошей дороги и телега увязла въ колею. Сначала хозяинъ лошади, не говоря ни слова любезному сопутнику, понуждалъ только лошадь; но видя, что она выбивается изъ силъ, не имѣя возможности вытащить изъ грязи телегу, рѣшился предложить ему, чтобы онъ всталъ для облегченія лошади. —„Какъ бы не такъ, отвѣчалъ сей; телега моя, такъ я и сижу на ней.“ — Да ты опять сядешь, дай только ее вытащить. — „Когда твоей лошади тяжело, такъ ты и встань для ней.“ — Какъ бы не такъ, а ты будешь бить ее; нѣтъ, шелишъ! — и оба потомъ замолчали.

Давши отдохнуть лошади, хозяинъ снова началъ погонять ее, но она толь-

ко болѣе и болѣе завязала въ грязь колеса. Видя невозможность вытащить такимъ образомъ телегу и не желая уступить противнику „когда такъ, сказалъ онъ наконецъ, такъ мы сдѣлаемъ свое; всталъ съ телеги, отпрягъ лошадь, сѣлъ на нее верхомъ и не оборачиваясь къ своему сопернику, сказалъ ему: оставайся же съ своею телегою, а я въ Судъ одинъ не поѣду, чтобы не было навѣту и спокойно отправился назадъ въ деревню.

Страшная загадка съ маловажнымъ рѣшеніемъ.

„На Петербургской дорогѣ грабежь, совершенный грабежь, говорилъ съ жаромъ возвратившійся въ Москву житель оной. — Какъ? спросили съ удивленіемъ слушавшіе его, да у насъ въ Россіи теперь — въ глуши, въ лѣсахъ и степяхъ не слышно о разбойникахъ, а то на Петербургской дорогѣ, гдѣ и днемъ и ночью нѣтъ проѣзда экипажамъ

и обозамъ; быть не можетъ! — „Увѣряю васъ честью, что меня всего ограбили на Станціяхъ. Да, сударь, на всякой Станціи грабили и еслибы еще было до Москвы двѣ, три Станціи: то я умеръ бы съ голоду. Возможно ли подумать, не только видѣть и чувствовать, чтобы порція кофе, изъ которой всего то выходитъ четыре чашки, стоила *три рубли!* Ну разсудите сами: фунтъ кофе, какой они подаютъ, стоитъ рубль; фунтъ сахару тоже, цѣлая бутылка сливокъ гривень шесть, или восемь. Не ужели же въ порцію кладутъ они цѣлый фунтъ кофе? На четыре чашки не выйдетъ и четверти фунта сахару, а сливокъ не болѣе, какъ на десять копѣекъ. Не грабежь ли это?“— Только-то, сказалъ одинъ изъ слушавшихъ, а я думалъ и Богъ вѣсть что такое? — „Да, только-то; а что прикажете дѣлать недостаточному человѣку, котораго нужда заставитъ прокатиться изъ одной Столицы въ другую?“ — Не пить кофе, было отвѣтомъ.

Мысли о бракѣ.

„Ah, maman! Онъ меня не любитъ, со вздохомъ говорила матери о своемъ мужѣ молодая Графиня.“ — Помилуй, другъ мой, что ты? Развѣ у тебя нѣтъ прекраснаго экипажа и превосходныхъ бриліантовъ? Развѣ у васъ дуренъ столъ, развѣ онъ не даетъ тебѣ всякой мѣсяцъ по тысячѣ карманныхъ денегъ, кромѣ всего прочаго? — „Что мнѣ до всего этаго! На что мнѣ это, когда онъ меня не любитъ.“ — Fi donc! Я не ожидала, чтобы ты мыслила *по мѣщански!* Ради Бога, не остыди себя и меня въ Свѣтѣ этимъ вздоромъ. О! да еслибы нашелся другой такой богатый женихъ, какъ твой мужъ: то я съ радостію отдала бы ему обѣихъ сестеръ твоихъ. — „У меня и то, кажется, есть сестрицы. . . . . едва проговорила сквозь слезы несчастная Графиня.“ — Тебѣ какое дѣло? Развѣ мужъ долженъ быть рабомъ жены своей? И ты развѣ *унизила бы себя передъ нимъ рабскою покорностію*, когда бы онъ вздумалъ

препятствовать волѣ твоей? — Тутъ мать начала изчислять примѣры. . . . . Но и этаго довольно.

Не толкай другихъ въ яму, самъ попадешь.

Не давно въ обществѣ знатныхъ людей зашелъ споръ о Русскихъ, объ ихъ способностяхъ, умѣ и характерѣ. Самый жаркій изъ спорившихъ, Камергеръ, рѣшительно объявилъ, что Русскіе дураки, что если они имѣютъ что нибудь въ себѣ хорошаго и умнаго: то все переняли только отъ иностранцевъ. — Одинъ изъ бывшихъ тутъ же гостей, подошедши къ Камергеру, прехладнокровно сказалъ ему: извините меня, Ваше Превосходительство, что я до сего времени считалъ васъ въ числѣ умныхъ людей. Мнѣ никогда бы не пришло въ голову, что вы дуракъ, еслибъ вы сами не благоволили объявить о томъ, а собственное признаніе паче свидѣтельства всего свѣта, сказано въ нашихъ законахъ.

Вы можете вообразить себѣ, какъ взбѣсился Камергеръ, но приличное указаніе на законы привело его въ оцѣпенѣніе; ибо ему нельзя уже было и помыслить объ удовлетвореніи за нанесенное безчестіе.

Нѣмецкая Лекція о природѣ и человѣкѣ.

. . . . Итакъ все, познаваемое разумомъ въ высшихъ сферахъ любомудрія, все, имъ испытуемое внѣ предѣловъ грубаго эмпиризма, разрѣшаемое чистымъ созерцаніемъ и воззрѣніемъ на всеобщность и всеобъемлемость, не касаясь частностей и индивидуальностей низкаго *опыта*, или, какъ говорятъ жалкіе эмпирики, *опытности*, о чемъ я вамъ уже неоднократно повторялъ, заключается въ слѣдующихъ высокихъ, недоступныхъ для грубаго эмпиризма идеяхъ: *Я* и *Не-Я*.

Это *Я*, вращаясь въ собственной своей и въ окружающихъ его сферахъ, можетъ познавать *Не-я*, равно какъ и

свое *Я* или само себя, не иначе, какъ только противополагая свое *Я* — *Не-Я*, существующему самобытно, самоустройно и самодвижно. Изъ сего вы видите, что *Я* безъ *Не-Я*, какъ бы не существуетъ — какъ бы нуль; но сей нуль, прилагаемый къ оной самобытной единицѣ, уже не иначе проявляется, какъ въ 10, 100, 1000, милліонѣ и. т. д. до безконечности, т. е. въ превосходнѣйшемъ количествѣ и качествѣ.

Самобытность *Не-Я* вращается въ собственныхъ своихъ безчисленныхъ и разнообразныхъ сферахъ, включающихся въ общей сферѣ *всеобьемлемости*; посему то всѣ сферы частностей и индивидуальностей, при безпрерывномъ движеніи своемъ, сохраняютъ порядокъ и гармонію, не могши выдвинуться за периферію всеобъемлемости.

Въ томъ состоитъ самоустройство и самодвижность *Не-Я*. Показавъ вамъ съ высшаго воззрѣнія сомобытность Не-Я, подробности о самоустройствѣ и самодвижности онаго разкрою въ послѣдующихъ лекціяхъ, а теперь обращаюсь къ

бытности самаго Я, чтобы болѣе утвердить васъ въ понятіи о самобытности *Не-Я*.

Мы упомянули уже, что *Я*, по видимому въ существѣ своемъ означающее нуль, проявляется въ превосходнѣйшихъ величинахъ, а *Не-Я*, какъ бы оно ни было, не можетъ быть болѣе *единицы*, изъ сего смѣло можете вывести слѣдующій результатъ: что *Не-Я* безъ *Я* было бы, можетъ быть, ничто, не существовало бы, о чемъ я разовью идеи въ слѣдующій разъ. Но за всѣмъ тѣмъ сіе высокое *Я*, превосходящее даже сферу *всеобъемлемости* Не-Я, ибо можетъ разсуждать о самомъ безконечномъ и о небытіи, ничтожествѣ т. е. даже о томъ, чего нѣтъ и чего не было, чего не будетъ и чего быть не можетъ — словомъ: *о ничемъ*, за всемъ тѣмъ, говорю, сіе высокое *Я* не можетъ проявляться въ формѣ и во времени, какъ только относительно къ *Не-Я*, которое оно оживляетъ и само имъ оживляется, а точнѣе сказать: оно *довременно* существуетъ только въ противоположности

къ существованію *Не-Я.* И такъ чистое *Я*, хотя существующее само въ себѣ, есть произведеніе *Не-Я*, а потому оно само собою безъ *Не-Я* проявляться не можетъ; ибо безъ *Не-Я* оно не можетъ познавать ни само себя, ни *Не-Я*, а равно безъ *Не-Я* не можетъ и дѣйствовать; ибо дѣйствіе не можетъ быть безъ противодѣйствія, иначе не будетъ дѣйствія, поелику *не на что* будетъ дѣйствовать. Сіе противодѣйствіе для дѣйствія *Я* есть *Не-Я.* Итакъ *Я* безъ *Не-Я* не можетъ ни познавать, ни дѣйствовать т. е. почти тоже, что не можетъ существовать въ формѣ и во времени, но за всемъ тѣмъ это *Я*, не могущее познавать и дѣйствовать безъ *Не-Я*, можетъ само по себѣ *не дѣйствовать и не познавать*, или дѣйствовать и познавать не такъ, какъ представляютъ ему условія *Не-Я.* Въ томъ состоитъ воля, свобода *Я* и высокое торжество онаго надъ *Не-Я*! Это человѣкъ, по физической части своего состава, хотя включающійся въ общихъ сферахъ

всеобъемлемости, но котораго могущее *Я* или душа паритъ внѣ периферіи оной и можетъ по произволу располагать отдѣльными сферами частностей и индивидуальностей, въ которыхъ включается и собственная сфера его физики и которою однакожъ оно также по произволу можетъ располагать, какъ и прочими; о чемъ и продолжимъ наше разсужденіе въ слѣдующій разъ.

„Г. Профессоръ! сказалъ одинъ изъ слушателей, мнѣ кажется, что смыслъ высокой лекціи вашей заключается въ слѣдующемъ: что природа есть природа и что человѣкъ, хотя включается въ природѣ, но есть отдѣльное отъ оной существо.“ — Именно, отвѣчалъ Профессоръ. Въ васъ видѣнъ Геній; ибо одни только Геніи способны возвыситься до трансцендентальныхъ идей и только для нихъ оныя доступны.“

Ударилъ звонокъ, Профессоръ взялъ шляпу и оставилъ каѳедру.

О РАЗНЫХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПРЕДМЕТАХЪ:

Взглядъ на Политику прежнихъ временъ.

Когда варвары разрушили преграду дикихъ набѣговъ своихъ, когда изчезъ страхъ Римскаго имени: тогда различныя орды ихъ наводнили всю Европу, неся съ собою огнь и мечь, разрушая всѣ произведенія жизни гражданской и развивавшейся образованности народовъ, а смѣнявшіе одни другихъ варвары, спорившіе между собою о побѣдахъ и завоеваніяхъ, погрузили наконецъ всѣ области Европы въ первобытное состояніе невѣжества! „Тогда земля была не иное что, какъ сцена кровавыхъ побоищъ; война не другое что означала, какъ разбойничество, а люди были вар-

вары, которые думали, что они родились только для насилія, грабежа и убійства подобныхъ себѣ, говоритъ одинъ Писатель."

Хотя наконецъ варварство лютыхъ ордъ насытилось бѣдствіями, упиталось кровію, хотя сами онѣ рѣшились перемѣнить кочующую жизнь на постоянное мѣстопребываніе: но духъ злобы поселился вмѣстѣ съ ними и въ жизнь гражданскую. Хотя мирная гражданская жизнь и налагала узы на дѣйствія Правителей, но дышавшіе разрушеніемъ военачальники сообщили имъ свой характеръ и духъ варварскій сталъ прикрываться только видами политики, и вражда, прежде открытая запутывала теперь мнѣніе народовъ въ обманчивые виды оной и не преставала свирѣпствовать подъ разными предлогами. Невѣжество тогдашнихъ временъ покровительствовало сей мрачной политикѣ. „Вообразите пустыню, говоритъ Волтеръ, по которой рыщутъ тигры, волки и лисицы и терзаютъ стада робкія и распуган-

ныя — таково было состояніе Европы въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій!"

Но заря просвѣщенія и гражданской образованности занялась на горизонтѣ Европы и хотя мрачными тучами невѣжества, предразсудковъ и суевѣрія замедлялось дѣйствіе свѣта ея, но отблески оной падали на омраченную землю и освѣщали пути разуму. Наконецъ разлилась она по горизонту Европы, но остатки прежняго варварства и невѣжества еще тяготили оную.

Послѣ наглыхъ нападеній и грабежей, хитрые честолюбцы перешли къ новымъ предлогамъ, составили новыя идеи для своихъ цѣлей к. т. о политическомъ равновѣсіи, объ округленіи государствъ, объ ослабленіи и униженіи сильнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ и присоединеніи слабѣйшихъ и пр. и пр. Первенство степени Державъ, преимущество въ церемоніалахъ, даже титулы были важнѣйшими политическими предметами;

Сіи идеи питали непрестанные раздоры между государствами; разоряли, опустошали области и угнетали народы, а временный отъ того выигрышъ снова терялся въ разсчетахъ губительной мечтательности или отъ мщенія притѣсненныхъ. Тогда слава государствъ ознаменовывалась только кровію человѣчества и коварною политикою Правительствъ.

Все было запутано въ сей коварной политикѣ — мысли, чувства и желанія! Самые лучшіе Государи увлекались общимъ духомъ или общимъ ходомъ произшествій и обстоятельствъ. Такимъ образомъ Правительства, обманутыя и обольщенныя сказанными идеями, думая единственно о нанесеніи ударовъ другимъ государствамъ, истощали собственныя и удручали бѣдствіями свои народы. Отсюда же произтекли и всѣ вредныя учрежденія, тяготившія народы, и человѣчество теряло свое достоинство, будучи унижаемо для достиженія ложныхъ политическихъ видовъ.

Листокъ изъ Новѣйшей Исторіи.

Начиная съ Гуго Гроція ученые непрестанно твердили объ истинныхъ правилахъ войны; но невниманіе къ онымъ гибельно было для народовъ. Великодушный Александръ первый внялъ гласу истины и отвратилъ отъ мирныхъ гражданъ ужасы и бѣдствія войны. Великій Преемникъ Его послѣдовалъ его духу и среди грома оружій заставилъ самыхъ враговъ своихъ благословлять Свое Имя! Грозные въ битвѣ, побѣдоносные воины Его, поражая на полѣ брани строптивыхъ, свято уважали личность, честь и достояніе мирныхъ и покоренныхъ гражданъ, даже самыхъ враговъ своихъ, взятыхъ съ оружіемъ на полѣ битвы. Сколько остановлено симъ преступленій, сколько отвращено бѣдствій и страданій человѣчества и какая произтекла изъ того польза для самой Политики отъ предупрежденія замысловъ и коварныхъ злоумышленій ожесточаемыхъ прежде враговъ и сколько сохранено симъ для Отче-

чества сыновъ его! Хвала просвѣщенію честь и слава наукамъ, пекущимся о спасеніи и благосостояніи человѣчества! Персидская и Турецкая войны составляютъ прекраснѣйшія страницы въ Исторіи человѣчества! —

О Французской Революціи.

Что дѣлали Французы въ теченіе прекрасныхъ дней своей свободы, какъ воспѣвали они въ Одахъ и краснословили на каѳедрахъ и въ журналахъ? — Изображеніе ада отразилось на лицѣ Франціи! — Республиканцы разодрали Монархическую Конституцію, принятую народомъ съ трогательнымъ единодушіемъ и восторгомъ и выгнали изъ Отечества защищавшихъ оную. Демократы Республики единой и нераздѣлимой убили демократовъ республики федеративной. Кровожадные Монтаньеры предали сѣкирѣ гильотины партію Жирондистовъ и потомъ сами раздѣлились на разныя партіи, которыя всѣ поглощаетъ

въ одного себя лютый Робеспьеръ. Тальень и Фреронъ низвергаютъ сего варвара, котораго имя содѣлалось гнуснѣйшимъ пятномъ даже для самыхъ ужасныхъ злодѣевъ. — На развалинахъ его партіи Фукье-Тіонвиль основалъ адское свое владычество. Конвентъ и Совѣтъ Мѣщанства, подобно лютымъ тиграмъ, свирѣпствовали другъ противъ друга и терзали все, встрѣчавшееся имъ на пути ихъ. Тринадцать Комитетовъ были тринадцать самовластныхъ Правительствъ, питавшихъ взаимно между собою раздоры и препятствовавшихъ одинъ другому въ дѣйствіяхъ. Собственные члены сихъ Правительствъ открыто неистовствовали другъ противъ друга и одержавшая верхъ партія уничтожала на другой день предписанія побѣжденной и издавала совершенно противныя повелѣнія народу. Окровавленными штыками и кинжалами писали законы, а разкаленными ядрами направляли мысли законодателей. Всякая вооруженная шайка бродягъ, всякая толпа площад-

ныхъ и безчестныхъ женщинъ предписывали законы просвѣщенной и образованной націи! — Все сіе поглощается ужасною Директоріею, которая, неистовавъ и противъ самой себя, низвергается наконецъ коварствомъ счастливаго воина — словомъ: тысячи партій, тысячи явныхъ политическихъ раздоровъ, тысячи тайныхъ адскихъ замысловъ производилось во имя Отечества. . . . Вотъ что было Правительство Республики.

А народъ? — былъ ли онъ свободенъ и счастливъ? — Онъ не имѣлъ уже Монарха, который низвергнулъ бы тирановъ его; на мѣсто блистательнаго трона во всѣхъ предѣлахъ Отечества и на всѣхъ почти улицахъ онъ обрѣталъ однѣ только гильотины; вмѣсто возбуждающихъ зависть отличій за заслуги онъ видѣлъ только оковы; для веселаго характера его осталось одно оцѣпенѣніе ужаса и вмѣсто прежняго Монархическаго спокойствія ежеминутная мысль о грабежахъ и убійствахъ оледенила душу и сердце его; для добродѣтели и

невинности единственнымъ спасеніемъ оставались темницы или воинскій лагерь. Во имя прекраснѣйшей свободы, безъ всякаго суда и безъ всякаго разбора виновныхъ и невинныхъ, тысячи потопляемы были на новоизобрѣтенныхъ судахъ и тысячи разстрѣливались картечами или погибали съ голоду въ темницахъ. „Ничто не могло укрыться отъ тирановъ, говоритъ Графъ Сегюръ; нигдѣ не было для жертвъ ихъ вѣрнаго убѣжища; никакая помощь не спасала отъ гоненія; ни какой лучь утѣшенія не озарялъ мрака темницы и безсмысленная чернь съ дикою радостію взирала на муки осужденныхъ. Развратъ, разливаясь повсюду, истребилъ нравственность. Злодѣйство возымѣло во всѣхъ мѣстахъ сообщниковъ, добродѣтель враговъ, невинность палачей и мучителей. Сынъ доносилъ на отца, бѣдный обвинялъ богатаго, слуга измѣнялъ господину, братъ повергалъ въ оковы брата, честный человѣкъ не смѣлъ изъявлять негодованія, чувствительная женщина таила слезы.“ —

„Теперь во Франціи, говорилъ Министръ Ролланъ въ Конвентѣ, одинъ только порокъ свободенъ отъ преслѣдованія и чтобъ быть сочтену преступникомъ, для сего довольно оказать одно только уваженіе къ добродѣтели.“ — По сему то защищать невиннаго отца, проливать слезы на могилѣ матери, брата и друга почиталось преступленіемъ и злодѣяніемъ. Узы супружества, связи родства, союзъ дружбы считались вещами, недостойными существа разумно-свободнаго, словомъ: въ прежнемъ царствѣ просвѣщенія и образованности кипѣла геенна варварства и злодѣяній и Смерть со всѣми своими ужасами безпрепятственно ходила по Франціи, опираясь на свободу и равенство, какъ говоритъ Шатобріанъ!

О наукѣ Права Естественнаго.

Горестно въ наши времена видѣть полезную и необходимую для каждаго образованнаго человѣка Науку безслави-

мою криками невѣжества и предразсудковъ. Но не столько вредны для ней вопли невѣжества, какъ предразсудки людей, пользующихся титломъ образованныхъ. Сколько ни случалось мнѣ слышать возраженій противу сей науки, я всегда находилъ въ нихъ только неправильное и изуродованное объ ней понятіе или совершенное незнаніе оной.

Грубо ошибаются тѣ, которые думаютъ, что Право Естественное толкуетъ о какомъ то *естественномъ состояніи* и одобряетъ оное. Старые бредни прежнихъ ученыхъ и распространившіеся о томъ слухи, до нынѣ поддерживаемые невѣжествомъ, были причиною такой пошлой клеветы на сію благородную науку. Примѣсь естественнаго состоянія въ науку Права Естественнаго равнялася бы совершенно той нелѣпости, если бы кто нибудь нынѣ издалъ Астрономію, примѣшавши къ ней Астрологію.

Право Естественное разсматриваетъ въ началѣ природу человѣческую въ са-

мой себѣ или природныя и, если угодно назвать, *естественныя* права, принадлежащія мнѣ, вамъ и всякому другому, не внѣ общественнаго состоянія, но въ обществѣ живущему, независимо только отъ условій и положеній, въ какихъ находимся мы въ обществѣ. Оно изслѣдываетъ оныя такимъ образомъ для того чтобы выяснить существенныя понятія о правахъ, приличествующихъ разумному существу, въ образованномъ ли обществѣ или въ дикомъ состояніи находящемуся.

Поступая далѣе т. е. разсматривая человѣка вступившимъ въ общество, во первыхъ: въ супружеское и потомъ въ другія, Право Естественное ясно доказываетъ, что при вступленіи человѣка въ самое даже первое общество, природныя или естественныя права его, принадлежащія ему неотъемлемо по его природѣ, сталкиваясь, такъ сказать, съ таковыми же, принадлежащими также неотъемлемо всякому другому разумному существу, должны необ-

ходимо ограничиться. На семъ только ограниченіи правъ или добровольномъ пожертвованіи части оныхъ можетъ основаться и утвердиться общество, къ которому природа влечетъ человѣка непреодолимою силою.

Итакъ только *внѣ* всякаго общества, *внѣ* всякой связи и сношеній съ другими человѣкъ можетъ безпредѣльно, неограниченно пользоваться естественными правами своими. Вотъ, если угодно, настоящее *естественное состояніе*, совершенно противное природѣ человѣка и отвергаемое наукою Права Естественнаго.

Разсматривая человѣка, вступившаго въ самое первое общество, Право Естественное на первомъ шагу указываетъ уже ему его *обязанности* (*), основанныя на взаимномъ уваженіи правъ другаго и чѣмъ болѣе разпространяют-

(*) Излишнимъ почитаю говорить здѣсь о томъ, что *тамъ нѣтъ права, гдѣ нѣтъ обязанности.*

ся для него связи общественныя, тѣмъ большее разкрывается предъ нимъ число его обязанностей, за нарушеніе которыхъ натурально слѣдуетъ для него лишеніе тѣхъ выгодъ, которыя произтекаютъ отъ общества.

Проходя постепенно различное состояніе обществъ человѣческихъ, Право Естественное показываетъ наконецъ, что всѣ сіи общества, всѣ связи и соотношенія между людьми, могутъ утверждаться, сохраняться и совершенствоваться только силою и властію Правительства и предписываетъ *повиновеніе* и *покорность* оному.

Итакъ Право Естественное, изъяснивъ въ началѣ права, принадлежащія человѣку, какъ существу разумно-свободному, продолжаетъ и оканчиваетъ уроки свои *обязанностями.* Изъ сего ясно видно, что нравственность въ сей наукѣ составляетъ, если не первую, то важнѣйшую часть оной.

Вообще называютъ сію науку Философіею положительныхъ правъ. Это

опредѣленіе не полно, односторонне. Естественное Право есть вмѣстѣ и Философія общественныхъ обязанностей — гражданской нравственности. — Со второй части сей науки т. е. начиная съ правъ общественныхъ, обязанности одерживаютъ полную побѣду надъ правами, а въ изложеніи права народнаго наука сія учитъ нравственности цѣлые народы.

Вотъ польза (*) сей науки; необходимость ея заключается въ томъ, что

(*) Кто бы подумалъ, что есть люди, называющіеся образованными, которые даже Политическую Экономію почитаютъ наукою вредною? Послѣ сего останется ли хотя одна наука не вредною? — Но повѣрятъ ли, что и невинную, какъ младенецъ, Азбуку называютъ вредною? — О вы Христіанскіе Омары, Европейскіе Музульмане, отродіе Тарасовъ Скотининыхъ! Ѣште, пейте и веселитесь! Смѣло, не зазорно служите вашему мамонѣ; ибо вы, по *собственному* вашему мнѣнію, суть самые полезные члены человѣчества и истинные сыны Отечества. — Но, ежели

человѣкъ безъ помощи оной ни когда ясно не пойметъ, что такое право и обязаность, безъ чего будетъ ошибаться не только въ понятіяхъ объ оныхъ, но, къ несчастію, и въ самыхъ поступкахъ своихъ, а для Юриспрудента, у котораго въ рукахъ находится имущество, честь и самая жизнь людей, вы можете представить, сколько необходима наука сія.

Объ Исторіи.

Исторія не Мораль и не Политика; она не должна разсуждать. Здѣсь должна

не стерпимъ для вашихъ глазъ, привыкшихъ ко мраку, чистый свѣтъ просвѣщенія: то не мѣшайте, по крайней мѣрѣ, наслаждаться имъ людямъ образованнымъ! Смотрите на великодушнаго Монарха Вашего, подающаго вамъ столь блистательный примѣръ, разторгающаго могущею рукою препоны, противопоставляемыя просвѣщенію вашимъ невѣжествомъ и мрачными предразсудками вашими!

быть Математическая точность, а не произвольныя сужденія.

Вся обязанность Историка состоитъ въ вѣрномъ изображеніи картины, а рѣшеніе, заключенія принадлежатъ читателямъ, изъ которыхъ *каждый судитъ и рѣшитъ по своему*, не смотря ни на какія умствованія Историка. Его дѣло представить произшествія со всѣми обстоятельствами въ тѣхъ краскахъ и съ тѣми оттѣнками, въ какихъ онѣ являлись, а не размалевывать ихъ по своему; не приписывать имъ того, чего въ нихъ не было, не опускать по своимъ капризамъ того, что было и не извращать всего этаго по своей фантазіи.

Когда составляютъ Исторію по какимъ либо идеямъ: тогда всѣ произшествія необходимо и невольно направляются къ онымъ, самые характеры по нимъ измѣняются. Не идея должна предшествовать Исторіи, но изъ Исторіи раждаются идеи, заключенія.

Ложно то мнѣніе, что Исторія должна быть анализомъ философскаго син-

тезиза; ложный синтезисъ можетъ испортить всю Исторію. Не было въ мірѣ ни одного произшествія, которое бы совершилось по одинакому направленію отъ начала до конца. Стеченіе разныхъ обстоятельствъ и случаевъ, частное положеніе и даже мѣстности не престанно уклоняли оное въ его ходѣ и направленіи; совершенно одинакія причины являлись въ совершенно различныхъ и даже противоположныхъ послѣдствіяхъ.

О процентахъ.

Не давно во Франціи Правительство уменьшило проценты банковъ. Между сужденіями по сему случаю замѣчательнѣйшимъ было то, что частные люди, не находя выгодъ имѣть въ банкѣ небольшіе капиталы, возмутъ оные и промотаютъ. Виновато ли въ томъ Правительство? Оно ли заставляетъ таковыхъ проматывать свои капиталы?

Банкъ есть самое вольное заведеніе. Никого, никогда и ни какимъ образомъ нельзя принудить отдавать въ оный

свои капиталы и по сему же нельзя воспрепятить брать ихъ назадъ, когда кому угодно. Но, говорили, при упомянутомъ случаѣ во Франціи, что частнымъ людямъ нѣкуда употребить своихъ капиталовъ. Чтожъ оставалось дѣлать Правительству, когда оно находило излишнимъ и даже тягостнымъ по напрасну платить лишніе проценты? Обременять ли народъ новыми налогами, дабы платить оными нѣсколькимъ частнымъ лицамъ?

Россія въ сказанномъ отношеніи представляетъ противное положеніе. Въ Россіи милліоны предметовъ, тысячи естественныхъ капиталовъ ожидаютъ рукъ, труда и содѣйствія денегъ; вотъ главнѣйшая выгода, почему уменьшеніе процентовъ можетъ имѣть важное вліяніе на развитіе и умноженіе нашей промышленности и вотъ почему новое Постановленіе о процентахъ есть благодѣтельное постановленіе, не говоря о другихъ выгодахъ онаго.

Но вліяніе одного Правительства на успѣхи благосостоянія народнаго не

можетъ быть достаточнымъ, ежели не поддерживается движеніемъ и ходомъ тѣхъ же предметовъ обществѣ, а особливо, если встрѣчаетъ противодѣйствіе внутри самаго общества. Это въ наши времена совершенно доказано и оправдано опытами. Тоже должно сказать и о процентахъ. Доколѣ внутри общества будутъ существовать 20, 40 и 60 процентовъ: тогда 4, 3 и даже два процента Правительства не произведутъ всей той пользы, какая могла бы отъ того произойти, тѣмъ болѣе, что проценты Правительства требуютъ невозможнаго для многихъ, но не обходимаго обезпеченія.

Ежели банкъ Правительства есть вольное заведеніе, какъ мы сказали выше, то и банкъ частныхъ людей или ихъ сундуки, шкатулки, кошельки и карманныя книжки должны быть также свободными во всѣхъ отношеніяхъ. Иначе рискъ, опасность, боязнь всегда будутъ держать проценты въ невѣроятной степени къ выгодѣ однихъ только безпеч-

ныхъ капиталистовъ и лишать нашу промышленность милліардовъ способовъ къ развитію, успѣхамъ и умноженію оной. — Проценты между частными лицами суть добровольная сдѣлка и эта сдѣлка можетъ унизить проценты до неожиданной степени.

О машинахъ.

Странны сужденія о вредныхъ слѣдствіяхъ машинъ для народнаго благосостоянія, въ доказательство чего указываютъ на Англію, гдѣ будто бы отъ нихъ работники остаются безъ работы и безъ пропитанія. Чернь политическая, равно, какъ и чернь народная, не видитъ далѣе своего носа, и потому можно простить ей безсмысленную клевету на отличнѣйшее произведеніе ума.

Вотъ какую задачу можно дать ея соображенію за клевету на верхъ искуства человѣческаго: *если бы въ Англіи работы не производились машинами: то послѣднее число работ-*

никовъ, находящихся нынѣ при оныхъ, осталось бы безъ пропитанія. Предоставляю нашимъ чувствительнымъ политикамъ разгадывать сію истину. — Вѣдь они ломаютъ же себѣ голову надъ политическими умствованіями.

Нигдѣ столько не нужны машины, какъ въ Россіи. Недостатокъ рукъ къ работѣ, безчисленныя богатства всякихъ матеріаловъ для промышленности, ясно указываютъ на это. Жаль только что у насъ мало просвѣщенныхъ, образованныхъ хозяевъ, а машины могутъ еще долго давать у насъ на рубль по два рубли и болѣе; ибо онѣ могутъ замѣнять собою сто, тысячу рукъ и болѣе. Время и попечительное Правительство конечно разкроютъ со временемъ глаза хозяевамъ; но право жаль смотрѣть, что наши богатства гніютъ предъ глазами нашими, а уши вянутъ отъ стыда, слыша горестные вздохи помѣщиковъ, что доходы уменьшаются, что доходовъ нѣтъ. Отъ чего? спраши-

ваете вы. Хлѣбъ не продается, обыкновенный жалкій отвѣтъ; какъ будто у насъ не чего другаго дѣлать, кромѣ хлѣба. Такъ можетъ говорить только крестьянинъ, но и умный крестьянинъ въ такомъ случаѣ беретъ въ руки топоръ или заступъ и находитъ себѣ работу, пропитаніе и получаетъ доходъ.

*

Коммерція въ существѣ своемъ есть не иное что, какъ факторъ или коммиссіонеръ народной промышленности. Это опредѣленіе можетъ служить отвѣтомъ на разные вопли объ упадкѣ торговли. Лишь бы не связывали рукъ сему фактору, лишь бы не мѣшали ему въ пути его, а все прочее не къ нему относится.

*

Хотите ли имѣть блистательнѣйшій перевѣсъ въ торговомъ балансѣ?

Продайте иностранцамъ самою дешевою цѣною весь лѣсъ въ государствѣ и вы получите нѣсколько сотъ миліоновъ въ вашу пользу противъ иностраннаго привоза.

*

Сколько уже десятковъ лѣтъ прорѣкаютъ о неизбѣжномъ паденіи Англіи; но Англія никогда не падетъ; ибо тамъ дѣйствуетъ умъ во всей силѣ своей, который всегда отыщетъ и откроетъ способы къ поддержанію благосостоянія оной.

*

Когда остановится умъ человѣческій въ своихъ изобрѣтеніяхъ? Тогда, когда откроетъ, что воздухомъ можно питаться и землею одѣваться. Но и тогда еще онъ уразнообразитъ воздушныя

питанія и усовершенствуетъ земляныя одежды.

*

Прежде политика Европы была рыцарскою, а теперь становится коммерческою, или точнѣе сказать, экономическою.

ВОЙНА

РАКОВЪ СЪ ЛЯГУШКАМИ (*).

Фантазія.

Въ тихой, илистой рѣкѣ Соснѣ въ одно лѣто расплодилось необыкновенное множество раковъ. Сіе разумноженіе рода осьминогихъ животныхъ съ дополненіемъ клещей и чрезвычайно знойное лѣто, заставлявшее прочихъ обитателей влажной стихіи искать убѣжища во глубинѣ и на самомъ днѣ рѣки, были причиною страшной войны, не бывавшей дотолѣ между мирными обитателями водныхъ пространствъ.

Вамъ извѣстна, Мм. Гг. механическая привычка раковъ схватывать кле-

(*) Подражаніе Гомеровой Ватромахіомахіи или войнѣ мышей съ лягушками.

щами все, чтобы ни попадалось въ оные — палецъ ли то человѣка, щепка ли, камень или какая несчастная рыбка — все равно — безчувственно, безъ всякаго умысла и намѣренія слѣдуютъ оной незлобивые по характеру раки. Но сія невинная привычка, (я называю ее невинною потому, что раки не извлекаютъ изъ оной ни какой для себя выгоды, никакого удовольствія; даже улыбка не оживляетъ вѣчно сёрьезной ихъ физіогноміи во время такого неучтиваго со стороны ихъ привѣтствія, которымъ даютъ они о себѣ знать встрѣчающимся съ ними, хотя кривлянія и конвульсіи отъ оной живыхъ существъ могли бы разсмѣшить даже мрачнаго Плутона), сія говорю невинная привычка вооружила однакожъ противу нихъ другихъ подводныхъ обитателей въ означенное нами время и въ сказанномъ мѣстѣ.

Сосенскіе обитатели, принужденные, какъ мы упомянули, удушливымъ зноемъ лѣта удалиться во глубину рѣки для снисканія прохлады, стали весь-

ма часто сталкиваться съ раками и ощущать дѣйствіе ихъ невольной привычки, въ которой они сами себѣ не могли отдать отчета, какъ мы видѣли. — Согласитесь сами, Любезный Читатель, что принявъ въ уваженіе сказанное нами о сей привычкѣ раковъ, по всей справедливости нельзя ихъ винить въ оной. Но не всегда смотрятъ на чистоту намѣренія, а большею частію вооружаются противъ послѣдствій. — Люди, самые люди, называющіе *сами себя* разумнѣйшими изъ всѣхъ земнородныхъ, земноводныхъ и воздушныхъ существъ, часто не хотятъ и слышать даже объ ошибкахъ, недоразумѣніяхъ и невольныхъ проступкахъ подобныхъ себѣ! Какъ же требовать, чтобы не столь разумныя животныя брали во вниманіе причины и ломали бы головы свои надъ соображеніемъ оныхъ съ послѣдствіями? Всякому дорога своя голова! Къ тому же производимыя упоминаемою нами привычкою болѣзненыя ощущенія не были чувствительны для самихъ раковъ, а потому и

не побуждали дѣйствовать способности соображенія въ мозгу ихъ, ежели только оный у нихъ находится; ибо доселѣ еще не рѣшенъ между учеными споръ о существованіи головы у раковъ, а тѣмъ менѣе мозга — обыкновеннаго обиталища означенной способности, по увѣренію Анатомиковъ, а особливо придерживающихся Галевой системы.

И такъ водныя пространства стали часто оглашаться взвизгами, воплями и стенаніями, которыя нарушили тишину и спокойствіе кристальнаго царства. Начались неудовольствія, ропоты и даже заговоры противу первобытныхъ обитателей дна и глубины Сосны — раковъ, между тѣмъ, какъ сіи аборигине по прежнему хладнокровно и важно разхаживали, ничего не слыша и даже не замѣчая прибытія новыхъ пришельцевъ въ свои владѣнія, думая, что часто попадающіяся въ ихъ клещи мягкія тѣла сосѣдей суть тоже щепки или подводныя растѣнія.

Я сказалъ, что дѣло дошло до заговоровъ между новыми пришельцами. Разумѣется, что оные начались съ храбрѣйшихъ и удалѣйшихъ изъ нихъ и вы, Читатель, сами отгадаете, что то были ѣрши и щуки! Составился между ими скопъ прогнать аборигиновъ и завладѣть ихъ царствомъ. Рѣшено открыть наступательныя дѣйствія.

Ѣрши ужасно взъѣрошили свои щетины, а щуки до крови раздирали рты свои, чтобы какъ можно болѣе оскалить зубы и однимъ разомъ проглотить по нѣскольку десятковъ враговъ своихъ и такимъ образомъ пустились въ атаку. Но вооруженія ѣршей только ломались о твердыя черепокожныя щиты, которыми природа оградила любимцевъ своихъ отъ вражескихъ нападеній, а наносимыя ими пораженія клещами распарывали брюшки и бока удалыхъ наѣздниковъ — ѣршей, а часто размазживали и даже совсемъ срывали маленькія, хотя храбрыя головки ихъ, не говоря уже о потерѣ глазъ и хвостовъ. Муже-

ственные натиски щукъ съ разверсты-ми страшными пастями, вооруженными острыми, какъ иглы, зубами, хотя въ первомъ пылу и помяли нѣсколько раковъ, но механическая привычка сжиманія клещей наносила такія же пораженія бокамъ и брюхамъ сихъ послѣднихъ, какъ и ѣршамъ, а желанію ихъ пожрать раковъ живыми препятствовали какъ нескладная конструкція ихъ тѣла, такъ и пораженіе клещами языковъ и челюстей.

Кровь полилась ручьями, обагрила дно и вознеслась на поверхность тихой Сосны. Но воинскій жаръ не охладѣвалъ, атаки усиливались и кровопролитіе страшно увеличивалось; ибо раки, почувствовавъ измятіе своихъ покрововъ, а можетъ быть и болѣзненныя ощущенія, начали почаще похлопывать клещами. Наносимыя ими пораженія и смертельныя раны стали наконецъ разрѣжать ряды нападающихъ и ослаблять первый пылъ мужества ихъ. Ѣрши — первые смѣшались и начали отступать. Еще по мѣстамъ ратовали щуки, но

видя себя оставленными своими союзниками, почувствовали также необходимость удалиться нѣсколько къ поверхности, а раки, переставъ быть обезпокоиваемы, не разсудили за благо ихъ преслѣдовать — не умѣя подняться со дна. Снова стали они расхаживать по своему царству и натыкаясь на пораженныхъ ими мертвыхъ и полумертвыхъ непріятелей, хладнокровно начали пиршествовать надъ тѣлами безразсудныхъ, хотя храбрыхъ враговъ своихъ.

Можетъ быть симъ и кончилось бы описанное нами кровопролитіе, если бы прибытіе самаго *безпокойнаго* изъ земноводныхъ народа въ мѣста сіи не приготовило новыхъ, ужасныхъ бѣдствій. Это были лягушки, какъ безъ сомнѣнія догадался уже Читатель по прилагательному названію сего народа.

Удушаемыя зноемъ лѣта, лишенныя убѣжища въ высохшихъ отъ жару болотахъ и понизившихся отъ онаго берегахъ рѣки и наконецъ гонимыя вѣчными, непримиримыми врагами своими —

долгоногими и долгоносыми Цаплями, которыя, какъ по природной прожорливости, такъ и по усилившейся отъ жару жажды, сотнями приносили ихъ въ жертву своей ненасытности вмѣсто устресъ, которыхъ не водится въ мутной Соснѣ — сіи злощастныя бросились толпами ко дну искать спасенія отъ преслѣдующей ихъ со всѣхъ сторонъ явной погибели!!! — Но едва опустились они во глубину, какъ покрытое кровію дно и валяющіяся по мѣстамъ мертвыя тѣла ѣршей и щукъ поразили ужасомъ сердца ихъ. Страшная мысль, что непримиримые враги ихъ, Цапли, проникли и въ самую глубину рѣки, удержала ихъ на нѣсколько футовъ надъ окровавленнымъ дномъ.

Увидѣвъ плавающихъ въ томъ же разстояніи разныхъ рыбъ, они трепещущимъ голосомъ вопросили ихъ о причинѣ видимаго ими. Умный окунь, всегда держащійся средины рѣки и наблюдавшій бывшее побоище, увѣдомилъ ихъ о безразсудности своихъ собратій и совѣ-

товалъ не пускаться ко дну; ибо, говорилъ онъ, раки теперь раздражены, узнали страшную силу свою и свои смертоносныя орудія и вѣроятно, возгордившись побѣдою, сдѣлаются смѣлѣе и непотерпятъ уже сами въ царствѣ своемъ чуждыхъ пришельцевъ. Мы ожидаемъ даже всякую минуту, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, что они поднимутся со дна и сами нападутъ на насъ!

Разсказъ сей, подобно гальваническому пруту, произвелъ во всѣхъ членахъ лягушекъ страшныя судороги. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе было отчаянное. Смерть отъ Цаплей угрожала имъ ежеминутно на понижающихся берегахъ, а невозможность, поставленная для нихъ законами природы — жить въ чистой водѣ, подобно рыбамъ, и нужда въ пищѣ, которую они могли найти себѣ только въ илѣ на днѣ рѣки, угрожали имъ повальнымъ голодомъ! — Что дѣлать? — Составили совѣтъ; думали, разсуждали, предлагали тысячу мнѣній и опровергали милліономъ противорѣчій. Но мало по

малу природный, буйный характеръ ихъ началъ выказываться. Стали по не многу ободряться; заквакали, зашумѣли и наконецъ рѣшили: учинить новое нападеніе, во чтобы то ни стало; ибо смерть равно вездѣ насъ ожидаетъ, завопили они единогласно.

Оживясь таковою рѣшимостію, стали думать о средствахъ нападенія и манёврахъ дѣйствія; составляли разные планы и во всѣхъ усматривали, что у нихъ не достаетъ орудій пораженія т. е. ни зубовъ, ни клещей. Оставалось одно средство: прибѣгнуть съ просьбою къ ѣршамъ и щукамъ и постараться также склонить на свою сторону великолѣпнаго Царя Сосны — Сома. „Хотя онъ и слишкомъ неповоротливъ, сказали предложившіе послѣднее мнѣніе, но все таки проглотитъ десятка два враговъ нашихъ, а для насъ и меньше будетъ работы и больше останется простора; для его же безчувственности ничего не будетъ стоить нѣсколько пораженій въ толстое брюхо и въ жирные бока.“ —

Но какъ упросить вступить снова въ бой претерпѣвшихъ уже пораженіе щукъ и ершей? — „Задорныхъ ершей не трудно будетъ намъ склонить на свою сторону, сказала возвысивъ голосъ свой старѣйшая изъ членовъ совѣта лягушка. Мы имъ польстимъ славою, которая достигла будтобы до нашихъ болотъ объ ихъ удальствѣ и храбрости. Зубастымъ щукамъ представимъ, что они права свои повелѣвать въ тинахъ поносно уступили безмозглымъ, неповоротливымъ ракамъ, отъ чего честь ихъ подверглась униженію и всеобщему посрамленію. Не станемъ пренебрегать и другими рыбами. Толкнемся къ лещамъ и язямъ, которые также не безъ зубъ и имѣютъ довольно просторныя пасти, чтобы проглотить хотя по одному небольшому раку. Вообще же поставимъ на видъ всѣмъ, что пища каждой изъ рыбъ находится въ тинѣ и илѣ, которыми завладѣли оныя жадныя твари; что какъ намъ, такъ равно и всѣмъ имъ останется умирать съ голоду или

задохнуться отъ жару при поверхности." — Столь превосходное мнѣніе единодушно было принято и всѣ пришли въ такой восторгъ, что чуть было не грянули общимъ хоромъ: *ква, ква, ква*, если бы старыя лягушки не напомнили имъ, что они крикомъ своимъ могутъ.... встревожить раковъ.

Послѣ сего разосланы были послы ко всѣмъ родамъ рыбъ склонять ихъ на общій подвигъ и назначить депутатовъ для общаго совѣщанія о мѣрахъ нападенія. Успѣхъ посольства превзошелъ ожиданіе. Общія несчастія и убѣдительное краснорѣчіе соединили всѣхъ въ единомысліе и депутаты немедленно явились. Сомъ также изъявилъ готовность участвовать въ семъ великомъ предпріятіи; ибо чувствовалъ неполнымъ свой желудокъ.

На общемъ Совѣтѣ рѣшено было: проворнымъ лягушкамъ открыть нападеніе — шумѣть, кричать, скакать, прыгать по ракамъ и между ими и утомлять ихъ, какъ можно болѣе, избѣгая

при томъ положенія противъ клещей. Когда такимъ образомъ неповоротливые раки будутъ довольно утомлены: то, продолжая тотъ же манёвръ, къ лягушкамъ присоединиться разнымъ беззубымъ рыбамъ для той же цѣли; а когда уже замѣтно будетъ явное истощеніе непріятелей; тогда рѣшительно броситься щукамъ, язямъ, лещамъ, карасямъ, ѣршамъ и прочимъ для пожранія ихъ, или по крайней мѣрѣ для переломленія и поврежденія клещей. Сому же вступить въ дѣло, когда будетъ ему угодно и дѣйствовать, какъ заблагоразсудитъ его милость.

Послѣ сего рѣшенія нетерпѣніе лягушекъ вступить въ бой было столь велико, что онѣ въ то же мгновеніе бросились со всѣхъ ногъ ко дну; депутаты же отъ рыбъ пустились опрометью извѣщать довѣрителей своихъ объ общемъ рѣшеніи и побуждать ихъ поспѣшать на знаменитый подвигъ.

Не смотря на ужасное, отчаянное нападаніе непріятелей, раки хладнокро-

вно двигались по дну и кажется не понимали дружественнаго натиска и отличнаго манёвра новыхъ враговъ своихъ, а также и угрожавшихъ имъ опасностей. По старой привычкѣ они расширяли клещи свои и хватали оными, что попадалось: щепки, илъ, траву и . . . . лапки атакующихъ. Шумъ, крикъ и вой лягушекъ были совсемъ для нихъ нечувствительны; возня же ихъ, прыганье и шмыганье только возмутили воду и сокрыли въ оной и нападающихъ и атакуемыхъ.

Подоспѣвшій сикурсъ изъ мѣлкихъ рыбъ для усиленія атаки, не видя ни тѣхъ, ни другихъ, вздрогнулъ и остановился; но доходившіе до слуха торжественные вопли нападающихъ извѣстили ихъ, что дѣло идетъ хорошо и они бросились въ мутную воду на удалую.

Наконецъ явились въ стройныхъ колоннахъ: храбрые наѣздники удалые ерши, быстрыя въ нападеніяхъ и увертливые въ ретирадѣ щуки, важные лещи, смѣлые язи, красивые окуни, бодрые кара-

си и прочія рыбы и рыбки, а Сомъ давно уже разгуливалъ въ своей сферѣ — мутной водицѣ. Не видя сражающихся, но слыша крикъ и шумъ, вѣроятно, побѣдителей и думая, что непріятель бѣжалъ, всѣ колонны дружно двинулись въ Омутъ. . . Все теперь сокрылось предъ нами, любезный Читатель; остается только прислушиваться къ побѣдному кваканью и бурчанію лягушекъ.

Но вотъ поднимается на поверхность воды страшная кровь; вотъ умножается она болѣе и болѣе; вотъ начинаетъ уже ослабѣвать и кваканье лягушекъ, отзывается какое-то глухое клокотаніе и едва внятныя стенанія, вѣроятно раненныхъ и удавленныхъ раками лягушекъ и рыбъ; ибо не возможно же, чтобы въ сраженіи не было потери съ обѣихъ сторонъ. Вотъ все мало по малу умолкаетъ и вода начинаетъ прочищаться. Вѣроятно сраженіе кончено, раки разбиты въ пухъ. Подождемъ еще минуту, вода свѣтлѣетъ. Вотъ уже видѣнъ Сомъ, съ раздутымъ брю-

хомъ, важно удаляющійся съ поля сраженія, а вотъ проскользнула и щука, довольно полная на видъ. О какое печальное зрѣлище ожидаетъ взоры наши! Мы увидимъ жалкіе трупы любезныхъ раковъ! Мы увидимъ разтерзанными вкусныя шейки ихъ, переломанными и разгрызанными клещи и ноги! — А вы. . . о бѣдные жители города О. . . вы лишились, можетъ быть, на цѣлую недѣлю пріятной пищи вашей; ибо не скоро отыщете побѣжденныхъ и разсѣянныхъ раковъ. Вѣроятно оставшіеся въ живыхъ далеко, далеко бѣжали изъ мѣстъ своего пораженія, или со страха глубоко зарылились въ норы и въ тину — единственное, послѣднее убѣжище. Легкія въ плаваніи рыбы и быстро прыгающія лягушки конечно не оставили жестоко преслѣдовать ихъ, дабы довершить побѣду совершеннымъ разсѣяніемъ враговъ. Но скрѣпимъ сердце свое, взглянемъ на дно; вода совершенно прочистилась.

Какъ ошибочны бываютъ преждевременныя умозаключенія всѣхъ вообще

жителей нашей планеты! — На днѣ успокоившейся рѣки представилось совершенно противное ожиданію и предположеніямъ нашимъ зрѣлище. Хладнокровные раки, по прежнему спокойно и важно разхаживали мимо полумертвыхъ, истомленныхъ лягушекъ, которыя съ трепетомъ и униженіемъ давали имъ дорогу. По мѣстамъ валялись изрѣзанные клещами трупы лягушекъ и разныхъ рыбъ; по-всюду разбросаны были оторванныя лапки первыхъ и разныя части послѣднихъ и, о! ужасъ! прожорливыя щуки пировали надъ несчастными трупами и частями своей братіи — рыбъ и своихъ союзниковъ — лягушекъ! Лещи, ѣрши, язи и караси также подбирали не большія кусочки тѣхъ и другихъ, и самый Сомъ, котораго мы уже видѣли удалявшимся съ поля сраженія, наполнилъ огромное чрево свое первыми и послѣдними и только два несчастныхъ рака попалось въ его страшное вмѣстилище утробы, какъ оказалось на другой день при анатомированіи его ры-

баками. — Какъ же случилось такое превратное послѣдствіе?

Когда лягушки подняли возню на днѣ рѣки и возмутили воду и когда сикурсъ беззубыхъ рыбъ увеличилъ еще болѣе таковое возмущеніе: то отважныя колонны зубатыхъ, бросившись въ омутъ съ разверстыми ртами, въ ярости своей терзали и пожирали все, что имъ ни попадалось. А какъ раки, по натурѣ своей, волею и неволею держались дна: то остервененіе пало на самыхъ рыбъ и лягушекъ, которыхъ въ мутной водѣ не могли различить нападающіе. Сверхъ того, по причинѣ темноты, сіи послѣднія сами бросались на зубы своихъ друзей въ произшедшей суматохѣ. Наконецъ ожесточеніе дошло до того, что даже, при совершенномъ уже просвѣтленіи воды, раздраженные желудки, требуя полнаго удовлетворенія, заставили добирать валявшіеся остатки смертнаго пиршества.

Когда окончилось сіе страшное пиршество и все успокоилось, лягушки

видя, что важные раки ни мало не намѣрены ихъ безпокоить, когда даютъ имъ дорогу, мало по малу начали оправляться отъ своего ужаса, а наблюдая окончаніе трапезы щукъ, ѣршей и другихъ рыбъ, поняли наконецъ, что вражда и кровопролитіе произошли не отъ мирныхъ раковъ, что они напрасно оклеветаны, что, не безпокоя ихъ, съ ними легко ужиться и что одна задорливость и безразудность самихъ рыбъ были причиною послѣдовавшихъ бѣдствій и несчастій и только собственное самосохраненіе, защита своего бытія и невинная привычка хлопать клещами произвели кровопролитіе со стороны раковъ.

Ежели, Любезный Читатель, вы не разгадали еще смысла сей исторіи: то обратитесь съ просбою къ почтеннѣйшему Ивану Андреевичу Крылову. Ему

очень хорошо извѣстны дѣла, обычаи и языкъ всякихъ животныхъ, а я при немъ не смѣю разрѣшать сей исторіи. Не осмѣливаюсь также обезпокоивать его моею просбою; боюсь, что онъ откажетъ въ истолкованіи презираемой Поэтами прозы и, можетъ быть, неудостоитъ отвѣта бѣднаго Прозаика.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО АНЕКДОТОВЪ.

Въ одномъ иностранномъ обществѣ, гдѣ находились и Русскіе Офицеры, зашла рѣчь о воинскихъ подвигахъ Наполеона. Нѣкоторые изъ иностранныхъ военныхъ людей находили большія погрѣшности въ его побѣдахъ. Они утверждали и доказывали, что онъ здѣсь долженъ былъ такъ-то поступить; тамъ онъ того-то не здѣлалъ; въ томъ мѣстѣ то-то упустилъ, а тутъ учинилъ такую-то ошибку. — Вѣроятно онъ также противъ правилъ Стратегіи и билъ вездѣ васъ? спросилъ одинъ изъ Русскихъ.

Послѣ того коснулась рѣчь о жалобахъ Суворова въ Италіанскую компанію. Суворовъ не имѣлъ права на насъ жаловаться, подхватилъ одинъ старый Генералъ; ибо онъ не хотѣлъ слѣдовать планамъ, начертаннымъ въ нашемъ Ка-

бинетѣ и основаннымъ на самыхъ лучшихъ стратегическихъ вычисленіяхъ. Я самъ служилъ съ нимъ въ ету компанію. Мы совершенно не знали, что намъ дѣлать у такого Главнокомандующаго, который безъ всякаго опредѣленнаго плана бросается то туда, то сюда и дѣлаетъ, что ни придетъ ему въ голову. Отъ того-то и побѣды его были нарушеніемъ всей Стратегіи, всѣхъ правилъ, утвержденныхъ вѣковыми опытами. — Баста! сказалъ усатый Русскій кавалеристъ; объ Эриванскомъ и говорить нечего! (*)

*

Во время штурма Ахалцихскаго Графъ Паскевичь — Эриванскій, увидѣвъ солдата, посланнаго изъ крѣпости за

(*) Когда Графъ принялъ начальство надъ Арміею въ Польшѣ: то въ иностранныхъ Газетахъ было сказано, что онъ дѣйствуетъ противъ Стратегіи.

какимъ-то дѣломъ, спросилъ его: что, каково тамъ? — Жарко! Ваше Графское Сіятельство! отвѣчалъ рядовой. — „Что дѣлаютъ Турки?“ — Да трудно съ ними сладить; упрямятся, Ваше Сіятельство! — „Знаю; они молодцы; не поддавайтесь, ребята!“ — Молодцы-то, молодцы; грѣхъ на нихъ солгать. Да съ чего они бьются? Вѣдь они знаютъ, что мы назадъ не попятимъ.

*

Однажды Русскіе Офицеры, бывши долгое время въ иностранномъ городѣ, вздумали отъ скуки составить театръ и сыграть Трагедію съ надлежащими пропусками. Любопытство слышать языкъ и видѣть игру ихъ привлекло множество тамошнихъ жителей въ театръ ихъ. Во время представленія одинъ изъ Офицеровъ, читая самый сильный монологъ, забылъ продолженіе онаго; но, не потерявши духа, со всемъ жаромъ продолжалъ: *какъ и шелъ, прошелъ дѣтинка.*

голубой на немъ кафтанъ; фалды машутся, раздуваются; а на шеѣ-то платочикъ, словно алинькой цвѣточикъ. . . . Но забывши и сію пѣсню, онъ не смутился и началъ считать: 2×2=4, 7×9=45, 5×8= 60 и пр. и считалъ до тѣхъ поръ, пока Суфлеръ успѣлъ навести его на продолженіе роли, на которую попалъ онъ наконецъ надлежащимъ образомъ. Офицеры-зрители, видя съ одной стороны необыкновенное присудствіе духа и ловкость своего товарища, а съ другой стороны желая скрыть ошибку его предъ иностранцами, поддержали его громкимъ апплодированіемъ. Иностранцы же, видя отличную мимику и жаръ, съ коими произносилъ онъ и пѣсню и умноженіе числъ, закричали: форо, форо! — Офицеръ-актеръ, ни мало не смѣшавшись, снова повторилъ и пѣсню и умноженіе и снова осыпанъ былъ рукоплесканіями какъ иностранцевъ, такъ и своихъ товарищей.

*

Одинъ мущина лѣтъ тритцати, но чрезвычайно молодый на лице, говорилъ, что ему не болѣе 18 лѣтъ, если еще не менѣе. Знавшіе настоящее число лѣтъ его смѣялись такому самолюбивому увѣренію. Онъ заспорилъ, рѣшительно утверждалъ, что онъ *точно живетъ* 18 *лѣтъ*, вызвался доказать это точнымъ счетомъ и предложилъ большой закладъ. На его предложеніе охотно согласились и утвердили закладъ честнымъ словомъ. — „Слушайте же, сказалъ онъ: въ первой годъ жизни моей я жилъ не болѣе осьми часовъ въ сутки т. е. когда не спалъ; во второй годъ до десяти часовъ и т. д. Такой счетъ продолжалъ онъ до послѣдняго времени, а по сложеніи всѣхъ часовъ вышло, что онъ дѣйствительно жилъ т. е. не спалъ, менѣе 18 лѣтъ.

По взятому имъ искусно честному слову отъ споривших съ нимъ, онъ выигралъ закладъ.

*

Въ одномъ семействѣ ожидали молодаго человѣка, долгое время бывшаго на службѣ и послѣ первоначальнаго отъѣзда въ первый разъ возвращавшагося домой. Натурально, что онъ былъ предметомъ разговоровъ всего семейства. Всѣ заняты были приготовленіями къ его пріему, а сестры готовили для него разные подарки; но меньшая изъ нихъ казалась равнодушною ко всему этому. Когда мать упрекнула ей въ томъ, то она отвѣчала: *Я, маминька, съ нимъ не знакома.* — И дѣйствительно — при его отправленіи на службу ей было только три года.

*

На одной Станціи встрѣтился купецъ съ Генераломъ, который, пріѣхавъ прежде, расположился уже пить чай. Купецъ, вошедши въ комнату и помолясь Богу, по обычаю Русскихъ, раскланялся на всѣ четыре стороны. Вѣжливый Генералъ, кромѣ взаимнаго покло-

на, спросилъ у него о здоровьи, о пути и дорогѣ и просилъ садиться безъ церемоніи. Ласка сія ободрила купца, а шумящій самоваръ возбудилъ у него аппетитъ къ чаю. Доставая изъ погребца нужныя къ оному принадлежности, онъ повелъ съ Генераломъ такую рѣчь: осмѣлюсь спросить, Ваше Превосходительство, вы конечно изволили служить на полѣ чести Государю и Отечеству въ славный и достославный для русскихъ двѣнатцатый годъ? — Да, любезный, имѣлъ счастіе служить всю компанію. — „Теекъ-съ, сказалъ протяжно купецъ, расправляя волосы, и конечно изволили быть ранены?“ — Нѣсколько разъ. — „Теекъ-съ, а не изволили быть въ томъ сраженіи, гдѣ храбрый Генералъ Кульневъ на полѣ брани изволилъ положить животъ свой за Мать Пресвятую Богородицу и Святый домъ Ея — Церковь Божію.“ — Я былъ у него подъ командою. — „Теекъ-съ, не позволители, Ваше Превосходительство, присоединить мой чайничикъ къ вашему самоварцу? —

Изволь, любезный, сколько угодно. — „Теекъ-съ, повторилъ купецъ и нацѣдивши горячей воды, перекрестился и занялся безмолвно своимъ чаемъ.

*

Скажите пожалуста, спрашивалъ въ одномъ собраніи чиновникъ у сидѣвшаго подлѣ него купца, кто эта пригожая женщина? — „Которая-съ. — Вотъ та, что сидитъ подлѣ толстой своей сосѣдки въ лиловомъ платьѣ. — „Это-съ? Моя фамилія-съ.“ — Какъ? — „Да-съ, моя фамилія-съ, повторилъ купецъ, поглаживая себя по головѣ и улыбаясь. — Да я не о вашей фамиліи васъ спрашиваю, а о той женщинѣ, на которую вамъ указалъ. — „Да и я вамъ говорю-съ, что это моя фамилія-съ.“ — Да какъ же она ваша фамилія? — „Законная, сударь, которою меня Богъ благословилъ.“

Чиновникъ, затрудняясь отвѣтами сосѣда, сдѣлалъ слѣдующій оборотъ сво-

имъ вопросамъ: скажите пожалуста, какъ ваше имя? — „Мое-съ? Меня зовутъ Прохоромъ-съ. — А ваше отчество? — „Максимовичь. — А фамилія ваша?“ — Пелагея Семеновна-съ. — Такъ стало быть эта женщина ваша жена? — „Такъ, точно-съ.“

*

Въ одномъ иностранномъ городѣ Русскій путешественникъ, прогуливаясь по улицѣ, увидѣлъ проѣзжающіе дрожки, заложенные вятскими лошадьми, которыми правилъ кучеръ въ русскомъ кафтанѣ и съ бородою. Такое явленіе въ чужихъ краяхъ полнаго рускаго экипажа привело въ восхищеніе путешественника и онъ не утерпѣлъ, чтобы не спросить кучера: Русскій ли ты? — Кучеръ, услыша радостные родные звуки, закричалъ: русской, сударь; ей Богу, русской и въ увѣреніе снялъ шляпу и перекрестился.

ДВѢ ГЛАВЫ.

изъ Историческаго Романа:

БИРОНЪ,

ГЕРЦОГЪ КУРЛЯНДСКІЙ.

Полуодѣтый сидѣлъ Графъ Биронъ въ тайномъ Кабинетѣ своемъ за письменнымъ столомъ, на которомъ находилось нѣсколько богатыхъ портфейлей. Доставши изъ секретнаго ящика различной величины ключи, онъ попеременно отпиралъ портфейли, вынималъ бумаги и письма, перечитывалъ оныя, дѣлалъ на нихъ отмѣтки и потомъ вносилъ замѣчанія въ особую тетрадь, раздѣленную на нѣсколько частей, что замѣтно было по находившимся въ оной разныхъ цвѣтовъ лентамъ.

Ожиданіе и нетерпѣніе изображались на лицѣ Бирона. Часто обращалъ

онъ взоръ свой къ двери и при малѣйшемъ шумѣ за оною измѣнялось лице его. Наконецъ глухой звукъ колоколчика привѣшеннаго подлѣ двери, заставилъ его схватить лежавшій на столѣ колокольчикъ и сдѣлать отвѣтъ на звукъ перваго. Дверь отворилась и вошедшій слуга доложилъ о пріѣздѣ Гюнтера изъ Митавы.

„Впустить, вскричалъ Биронъ съ нетерпѣніемъ и вошедшій курьеръ радостною миною разсѣялъ тучи сомнѣнія на лицѣ его.

— Отъ Генерала Бисмарка *Герцогу Курляндіи*, сказалъ задыхающимся голосомъ Гюнтеръ, подавая письмо и упавши на колѣни.

„Какой хочешъ награды счастливый вѣстникъ, воскликнулъ Биронъ, схвативъ поспѣшно письмо и распечатавъ оное, началъ читать, забывши о стоявшемъ передъ нимъ на колѣняхъ Нѣмцѣ, который не смѣлъ пошевелиться до окончанія чтенія. — „Дѣло кончено, сказалъ Биронъ, но враги мои не должны остать-

ся безъ наказанія, дабы и впредь не осмѣлились противиться волѣ моей, а другіе не дерзали бы и подумать о сопротивленіи." —Потомъ, отодвинувъ ящикъ письменнаго стола, досталъ свертокъ червонцевъ и отдавая оные Гюнтеру, сказалъ: вотъ тебѣ за надлежащую поспѣшность, а за пріятную вѣсть, ты можешъ просить для себя, чего хочешъ послѣ, а теперь оставь меня успокоиться. До офиціальнаго же извѣстія, ты не долженъ говорить никому ни слова. — Гюнтеръ поклонившись вышелъ изъ кабинета.

„И такъ первый шагъ сдѣланъ, сказалъ въ восторгѣ Герцогъ. Отнынѣ Биронъ будетъ уже носить титло Владѣтельнаго Князя, чего недоставало ему къ будущимъ его планамъ. Отнынѣ въ его особѣ станутъ привыкать видѣть не подданнаго, но Властителя, освященнаго Политикою. Но тебѣ много еще трудовъ Герцогъ, чтобы достигнуть главной цѣли твоей. Всѣ враги твои побѣждены тобою. Время, одно только тя-

желое въ ходу своемъ время, осталось опаснѣйшимъ для тебя врагомъ.... Ускорить его... Нѣтъ! это угрожаетъ еще большею опасностію.

Возбужденныя сими словами мысли отяготили его умъ и погрузившись въ минутную забывчивость, онъ склонилъ голову, но снова пробудилась его дѣятельность. Онъ разкрылъ свою тетрадь и началъ перебирать ее.

„Теперь дѣла въ Курляндіи кончены, сказалъ онъ, вырвавъ изъ тетради зеленую ленту, и бросивши оную на полъ. Остается внести имена противниковъ въ *черную книгу*, но подождемъ обстоятельнѣйшихъ извѣщеній.—И снова началъ перебирать тетрадь свою.

„Императрица окружена моимъ семействомъ, продолжалъ онъ; ни одно слово, ни одно желаніе, ни одна мысль ея не скрыты предо мною. Я всѣмъ жертвовалъ для тебя, Государыня, и ты должна увѣнчать труды мои. Я благодаренъ тебѣ за исполненіе моихъ плановъ, но ты должна исполнить и цѣль оныхъ.

О! за чемъ такъ мало думалъ я о себѣ, что почиталъ за счастіе сблизиться съ этимъ надменнымъ и ничтожнымъ Курляндскимъ Дворянствомъ, которое теперь будетъ пресмыкаться у ногъ моихъ? За чѣмъ вступилъ я въ этотъ бракъ, который спуталъ мнѣ руки и препятствуетъ схватить. . . . .

Испугавшись, кажется, собственной мысли, Биронъ осмотрѣлся кругомъ, но снова успокоившись, продолжалъ:

Я спасъ тебя Елизавета отъ монастыря, хотя самъ направлялъ къ тому мысли Императрицы и ты небудешъ препятствовать моимъ намѣреніямъ, ежели не захочешъ участвовать въ оныхъ. Впрочемъ ты необходима мнѣ для противодѣйствія этому младенцу— Принцессѣ Аннѣ, которая стоитъ на моей дорогѣ. Но ежели я не могу истребить любви къ тебѣ, Принцесса, въ сердцѣ Императрицы: то ты не иначе вступишъ на престолъ, какъ раздѣливши оный съ моимъ семействомъ; въ противномъ случаѣ взойдетъ на оный Елизавета. Поче-

му же не вступить въ бракъ съ моимъ сыномъ, котораго кровь облагородствовала теперь политика и безъ чего никоторая изъ васъ не надѣйся быть на престолѣ? Да, трудно мнѣ истребить материнскую привязанность Императрицы къ Принцессѣ. Не успѣлъ я поддержать интригу съ Графомъ Линаромъ, которая повела бы къ цѣли моей. Нѣтъ, Минихъ! ты не столько оскорбилъ меня личною обидою, сколько открытіемъ сей тайны Императрицѣ. Но — врагъ опасный, ты недолженъ быть никогда предъ лицемъ Государыни. Торжествуй побѣды свои надъ Турками, прославляйся болѣе Евгенія и Марборуга, но ты не долженъ быть совѣтникомъ Государыни! — Ты не будешъ Меньшиковымъ, хотя гораздо способнѣе его; тебѣ недостаетъ къ тому нужной силы и ты никогда не успѣешъ приобрѣсти оной. Я взволную всю Европу, чтобы удалить тебя снова отъ сцены моихъ дѣйствій. Не удалось мнѣ лишить тебя уваженія Императрицы за протедшую компанію, но я

поссорю тебя съ Австріею. Разрывъ союза съ сею Державою падетъ на главу твою. А вы, Русскіе Бояре, — я не мѣшаю вамъ наслаждаться Азіатскимъ блаженствомъ вашимъ: ѣсть и пить, ничего не дѣлая, жить, ни сколько не трудясь; — не мѣшайте жъ и мнѣ трудиться для своего счастія! Дерзновенному смерть и всему роду его погибель. . . .

Глухой звукъ колокольчика у другой двери прервалъ слова его. Биронъ сдѣлалъ отвѣтъ и въ кабинетъ вошелъ слуга. — „Шутъ Педрилло проситъ доложить о немъ Вашему Сіятельству. — Отказать, отвѣчалъ Биронъ. — „Ему было отказано, но онъ шумитъ и дерется, требуетъ непремѣнно видѣть Ваше Сіятельство, чтобы поздравить васъ Герцогомъ.“ — Какимъ Герцогомъ, съ изумленіемъ спросилъ Биронъ? — „Онъ говоритъ, что Ваше Сіятельство избраны Герцогомъ Курляндіи.“ — Что это значитъ? — Ступай, я выду. — Такъ ты Гюнтеръ не умѣешь помолчать и двухъ минутъ? ну я заставлю тебя молчать

цѣлый вѣкъ, сказалъ Биронъ по уходѣ слуги.

Прибравши бумаги и заперши портфейли, ящики и двери тайнаго кабинета своего, Биронъ прошелъ не большую комнату подлѣ онаго, въ которой находился входившій слуга, вышелъ въ настоящій свой кабинетъ и приказалъ впустить Педрилло. Шутъ сей, вбѣжавши со всѣхъ ногъ, началъ прыгать и кувыркаться. „Здравствуй, здравствуй, Герцогъ, сказалъ онъ Бирону, что дашъ Педрилѣ за радостную вѣсть? Вотъ, никто тебѣ вѣрнѣе не служитъ, какъ тотъ дуракъ, котораго ты за службу часто дерешъ за волоса. Что дѣлаютъ твои Нѣмцы? Только грабятъ, да обдираютъ Русскихъ, а обрадовать тебя не знаютъ; что же дашъ за радостную вѣсть?

Слова сіи, которыми кольнулъ шутъ Бирона, едва не вывели его изъ терпѣнія; но желая выпытать у него прежде, отъ кого и какимъ образомъ узналъ онъ о его избраніи, Биронъ хладнокров-

но сказалъ: ты знаешъ, что я позволяю тебѣ шутить со мною только во Дворцѣ; но здѣсь, въ моемъ кабинетѣ, ты долженъ говорить со мною безъ глупостей. Скажи мнѣ, во первыхъ: отъ кого ты слышалъ, что я Герцогъ? — „Отъ кого, отъ кого? вскричалъ шутъ; отъ Миниха — отъ сына такого же Нѣмца, который хочетъ проглотить тебя, также, какъ и ты его.“ — Развѣ молодой Минихъ пріѣхалъ? —„ И пріѣхалъ и привезъ вѣсти и скоро къ тебѣ будетъ.“ — Да какъ же ты встрѣтился съ нимъ? — Какъ встрѣтился? Я увидѣлъ его экипажъ и побѣжалъ къ нему, *ты знаешъ для чего*, а онъ мнѣ сказалъ: хочешъ Педрило денегъ — поди, поздравь Графа Герцогомъ Курляндіи. Что же ты не даешъ денегъ?

— Хорошо, я тебѣ дамъ сто рублей за это и прибавлю еще сто, если ты скажешъ мнѣ, что такое говорилъ ты, что Нѣмцы грабятъ и обдираютъ Русскихъ?

„Хорошо — ты дашь мнѣ двѣсти рублей и еще двѣсти. . . — Нѣтъ, Педрилло, этого много, я за все дамъ двѣсти. — „Такъ я не скажу. — Ну, ну, дамъ всѣ; я знаю, что ты пустаго не скажешъ. — „Давай же деньги, такъ скажу много, много; а то, не скажу ничего, хоть выдери всѣ волосы. — Биронъ отодвинулъ ящикъ и отщитавши деньги, сѣлъ въ кресла, приготовясь выслушать и сообразить доносъ своего шпіона.

„Ну слушай-же теперь: ты знаешъ, что Матушка Анна Іоановна сердилась на тебя за что-то на прошедшей недѣлѣ. Вотъ мнѣ больно захотѣлось узнать, за что она прогнѣвалась на тебя. Она о томъ не велитъ спрашивать, а ты бы меня завтра же кинулъ въ Неву, еслибы я у тебя спросилъ. Что мнѣ было дѣлать, а узнать больно захотѣлось. Вотъ я замѣтилъ, что нѣкоторые господа Русскіе стали повеселѣе, а всѣхъ веселѣе Волынскій. Я и смекнулъ, что чрезъ него можно будетъ довѣдаться. Зная, что онъ по четвергамъ ходитъ

къ Машушкѣ въ кабинетъ, я и залѣзъ за черный шкапъ предъ его приходомъ. Вотъ онъ и пришелъ. Прочитавши дѣла и потолковавши съ нею, онъ сказалъ наконецъ: „что осмѣливается доложить де Вашему Величеству, что Графъ Биронъ во зло употребляетъ Ваши милости. Вашему Величеству извѣстно о нѣсколькихъ милліонахъ недоимки податей, оказавшихся на народѣ при вступленіи Вашемъ на престолъ. Вы повелѣли взыскать оную особо учрежденному для сего Приказу. Сей недоимки въ одинъ годъ собрано болѣе половины и сверхъ того не маловажная сумма въ штрафъ за неплатежъ въ свое время. Вся сумма сія поступила въ секретное казначейство по распоряженію Графа Бирона, который не даетъ въ оной отчета ни Кабинету, ни Сенату. Между тѣмъ, какъ извѣстно Вашему Величеству, годовыхъ податей оказывается недостаточно для поддержанія войны и Сенатъ принужденнымъ находится раскладывать на крестьянъ заготовленіе провіанта, лоша-

дей и фуража для арміи, кромѣ самой доставки онаго на мѣсто. Графъ же Биронъ, когда случится рѣчь объ упомянутой суммѣ, всегда отзывается, что собранная сумма употребляется на расходы Вашего Величества, но Ваше Величество Сами не однократно изволили говорить, что Вы, кромѣ опредѣленнаго содержанія, денегъ не истрачиваете, что мы сами знаемъ, если бы Вамъ и неугодно было обьявить о томъ. Такимъ образомъ крестьяне совершенно разорены. Но этаго мало, Государыня; недоимка сія взыскивается именемъ Вашего Величества и производится съ крайнею жестокостію и безъ всякой пощады; отъ чего изъ пограничныхъ мѣстъ нѣсколько тысячь несчастныхъ бѣжало за границу для спасенія своей жизни и множество селеній осталось пустыми. Не смотря на то, по повелѣнію Графа Бирона, доимочный Приказъ, именемъ Вашего Величества, насылаетъ строжайшіе указы объ окончательномъ сборѣ недоимки. А какъ

Воеводы и товарищи ихъ осмѣлились представить, что нѣтъ ни какой возможности исполнить повелѣнія Приказа: то Графъ Биронъ разослалъ во всѣ таковыя мѣста приверженныхъ себѣ Офицеровъ съ командами для понужденія къ платежу, которые производятъ ужасныя буйства и безчеловѣчія надъ несчастными крестьянами. Все, что находятъ у нихъ въ домахъ: хлѣбъ, скотъ, домашнюю рухлядь — все отнимаютъ въ счетъ платежа, а самихъ ихъ ставятъ раздѣтыми въ жестокіе морозы на снѣгъ, бьютъ палками и обливаютъ холодною водою, отъ чего нѣсколько уже тысячь погибло. Помѣщиковъ же и Старостъ заключаютъ въ оковы, отвозятъ въ города, и держатъ цѣлые мѣсяцы въ тюрьмахъ, гдѣ также множество умерло отъ голоду и мученій. По всей Россіи раздаются только палочные удары, звуки оковъ, стонъ и крики терзаемыхъ безщадно, вопли и плачь мучимыхъ голодомъ и умирающихъ женъ и дѣтей. И все это произ-

водится именемъ Вашего Величества. (*) Никогда Руское сердце не трепетало за Государей иначе, какъ только радостію и веселіемъ; а теперь страхъ и ужасъ оковалъ души и сердца подданныхъ Вашего Величества.“ —

— Вотъ, братъ, что пѣлъ Матушкѣ о твоихъ Нѣмцахъ Волынскій!

„Чтожъ отвѣчала Императрица? спросилъ Биронъ.

— Она потребовала у него доказательствъ и Волынскій отдалъ ей какія то бумаги, прибавивъ, что онъ отвѣчаетъ головою за правду, въ нихъ написаную и просилъ Государыню изслѣдовать дѣло и спасти честь Русскихъ Царей отъ неслыханнаго посрамленія; послѣ чего Она отпустила Волынскаго, не сказавъ ни слова.

„Оставь теперь меня Педрило; ты всегда будешъ получать хорошую плату за хорошія вѣсти.

(*) Историческое показаніе.

— Давай только денегъ, а ужъ мы тебя потѣшимъ вѣстями. Денегъ то у тебя много, говоритъ Волынскій. —

Биронъ, отпустивши шута, вошелъ опять въ тайный кабинетъ и позвавши слугу, приказалъ немедленно послать за Капитаномъ Зейдлеромъ и Графомъ Остерманомъ. Потомъ разкрывши тетрадь свою и вписавши въ оную нѣсколько замѣчаній, сказалъ: о! когда изкореню я всѣхъ враговъ моихъ! Вотъ, Остерманъ, плоды твоихъ совѣтовъ! Ты не допускаешь меня занять всѣ мѣста Правительства Нѣмцами, а я въ каждомъ изъ Русскихъ нахожу только злѣйшихъ враговъ моихъ. Поносная, ужасная смерть тебѣ, Волынскій, и друзьямъ твоимъ!

Вошедшій слуга доложилъ о Капитанѣ Зейдлерѣ. — Впустить, сказалъ Герцогъ — и Капитанъ побледнѣлъ, встрѣтивъ свирѣпый взглядъ своего повелителя: „я пошлю тебя служить Сатанѣ, если ты не умѣешъ служить мнѣ,

сказалъ Биронъ. Тебѣ порученъ надзоръ за Волынскими, а ты объ нихъ менѣе знаешъ, нежели какой нибудь придворный шутъ.,, — Все, что я могъ, все, что только возможно знать объ нихъ, все извѣстно Вашему Сіятельству. Тайны же кабинета сего Министра не доступны не только для меня, но и для собственнаго его сына. По любви послѣдняго ко мнѣ я могу быть только на его половинѣ, но проникнуть въ кругъ его семейства — не возможно. Чрезъ содержимаго мною, по повелѣнію Вашего Сіятельства, на жалованьи Министрова камердинера я узналъ только о частомъ особенномъ посѣщеніи слѣдующихъ особъ: Президента Коммерціи Графа Муссина-Пушкина, Тайнаго Совѣтника Хрущова, Директора надъ строеніемъ зданій Еропкина, Кабинетъ-Секретаря Эйхлера и Секретаря Зуды; но о причинѣ таковыхъ посѣщеній, до сего времени ничего узнать не могъ. Вотъ изготовленная мною о семъ записка . . . .

Звукъ колокольчика заставилъ прекратить дальнѣйшія объясненія. Биронъ, приказавъ Зейдлеру выйти и дожидаться, далъ знакъ войти слугѣ, который и доложилъ о пріѣздѣ Миниха. Биронъ вышелъ въ пріемный кабинетъ и съ веселымъ лицемъ простеръ объятія къ входящему Миниху.

„Здравствуйте, мой любезный Минихъ! сказалъ Биронъ; я очень радъ счастливому пріѣзду вашему и желалъ бы быть первымъ, что бы доставить столь доброму сыну пріятнѣйшія извѣстія о славныхъ подвигахъ его родителя. Азовъ, Козловъ и Кинбургъ пали предъ его геніемъ и я увѣренъ, что также падетъ къ стопамъ его страшный Очаковъ и вся Молдавія. Предъ славою вашего родителя померкли лучи славы Принца Евгенія и Герцога Марборуга.

— Изъ первыхъ вашихъ устъ слышу я столь драгоцѣнныя для меня извѣстія, Ваша Свѣтлость! и очень счастливымъ почитаю себя, что не останусь за то у васъ въ долгу и первый имѣю

честь поздравить васъ Герцогомъ Курляндіи.

„Какъ, любезный, спросилъ съ притворнымъ изумленіемъ Биронъ, что вы говорите?

— Точно такъ, Ваша Свѣтлость! —

„Ну, если это правда; то я очень радъ, продолжалъ хладнокровно Биронъ, очень радъ, что достояніе Нашей Всемилостивѣйшей Государыни не досталось въ чужія руки. Согласитесь сами, что было бы непростительно и постыдно для Русскаго Правительства упустить оное. Что нужды въ томъ, на мое ли имя или на чье либо другое сдѣлано таковое пріобрѣтеніе. Вы знаете, что наша жизнь и владѣнія наши принадлежатъ волѣ Государыни. Поспѣшите же теперь къ Ея Величеству и обрадуйте Ее возвращеніемъ прежняго Ея владѣнія.“

Биронъ хотѣлъ поскорѣе отпустить такимъ образомъ Миниха, ожидая Остермана, о которомъ вскорѣ потомъ и доложили.

„Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ васъ Графъ, сказалъ Биронъ вошедшему Остерману. Я имѣю сообщить вамъ очень важныя новости. Вопервыхъ: дѣла въ Курляндіи кончены и вы можете, если хотите, поздравить меня Герцогомъ.“

Остерманъ обнялъ Бирона, который послѣ поздравленія сказалъ: вашимъ совѣтамъ единственно обязанъ я счастливымъ исполненіемъ плана и я это вполнѣ чувствую. Но я не могу не сказать вамъ откровенно при семъ случаѣ, что ваши же совѣты навлекаютъ на меня съ другой стороны большую опасность.

— Что такое, спросилъ съ изумленіемъ Остерманъ?

„А вотъ что, любезный Графъ, что вы препятствуете мнѣ всѣ высшія должности занять Нѣмцами. Вы знаете ненависть къ намъ Русскихъ и можете быть увѣрены, что они насъ погубятъ.“

— Я перерву слова ваши, Герцогъ, и не зная еще объ опасности, вамъ угрожающей, повторю, что ваше желаніе прямо поведетъ насъ къ погибели. Ос-

корбить цѣлое Дворянство удаленіемъ его отъ Правленія, оскорбить всю массу народа таковымъ своевольствомъ не сравненно опаснѣе, нежели десять такихъ опасностей, о какой вы хотите мнѣ сообщить и которую легко отклонить какимъ нибудь способомъ; но раздѣлить власти Правленія между Русскими и нашими кліентами — это довольно сносно и для Дворянства и для народа и ограждаетъ насъ съ обѣихъ сторонъ надлежащею безопасностію. —

„А я напротивъ думаю, что такая уступка рано или поздно непремѣнно доведетъ насъ до погибели. Надобно уничтожить пункты, при которыхъ могли бы соединяться и утверждаться заговоры.

— Не возможно же намъ, Герцогъ, управлять Россіею, какъ управляютъ Турки своими народами! —

„А почему же? Именно это и должно быть. Вы знаете о негодованіи и непрестанныхъ злоумышленіяхъ Русскихъ противу насъ; а потому остает-

ся одно средство для нашей безопасности — держать этотъ народъ въ узахъ, какъ Турки держатъ свои народы.

— Но вы забываете, Герцогъ, что Турки довольно сильны числомъ и притомъ народъ воинственный, а мы находимся въ обратномъ положеніи.

„Я вызову изъ всѣхъ странъ Нѣмцевъ, я выпишу всѣхъ Курляндцевъ, Естлянцевъ и Лифляндцевъ, отдамъ имъ всѣ мѣста Правленія и всѣ выгодныя должности и умножа такимъ образомъ свои силы и увеличивъ надзоръ за Русскими, не допущу ихъ до возмущеній, которыхъ конечно мы теперь выдержать не можемъ и заставлю трепетать ихъ, а не помышлять о своей участи! А чтобы вѣрнѣе былъ успѣхъ мой: то я вытащу для сего пресмыкающихся въ грязи и поставлю ихъ на такой высотѣ, что они, будучи одолжены мнѣ какъ возвышеніемъ, такъ и благосостояніемъ своимъ, будутъ держаться на сей высотѣ только моею силою и для собственнаго своего спасенія будутъ вѣр-

ными исполнителями моихъ желаній и рабами моей воли — безъ чего останется для нихъ одна гибель. (*)

— Вы, Герцогъ, переступаете уже границы Европейскаго отношенія Правительствъ къ народу.

„Что такое народъ! — Не ужели вы, Графъ, хотите чтобы онъ управлялъ нами? а для содержанія его въ узахъ нелѣпо было бы допустить Русскихъ, которые непрестанно осмѣливаются толковать о глупомъ своемъ патріотизмѣ и къ исполненію своихъ коварныхъ мыслей непрестанно затѣваютъ новыя злоумышленія противу насъ. Кто бы на пр. изъ Нѣмцевъ осмѣлился на меня или на васъ представить доносъ Императрицѣ?

(*) См. въ Полномъ Собраніи законовъ Россійской Имперіи Манифестъ 22 Генв. 1742 года. Также рѣчь Архіепископа Новгородскаго Амвросія, помѣщенную Москов. Вѣдом. въ No 30 прош. 1831 года.

— Не только осмѣлится, но я даже ожидаю этаго непрестанно. Вы забываете о Минихѣ.

„Не напоминайте мнѣ, Графъ, объ этомъ человѣкѣ, не отравляйте пріятныхъ минутъ отъ исполненія надеждъ моихъ!

— Нѣтъ, Герцогъ, я не престану напоминать вамъ о немъ, тѣмъ болѣе, что каждая побѣда его угрожаетъ намъ приближеніемъ опасности. Вотъ гдѣ истинная опасность, а не тамъ, гдѣ вы пугаетесь оной и я сей часъ докажу вамъ это, какъ скоро вы сообщите мнѣ объ оной.

„Волынскій, замѣтивши неудовольствіе Императрицы, о которомъ вы знаете, представилъ Ей письменный на меня доносъ.

Графъ Остерманъ, ненавидя равныхъ себѣ, а также и умныхъ Членовъ Правительства, давно уже желалъ вытѣснить изъ Кабинета Волынскаго, а потому обрадовался сему случаю и съ

перваго о немъ слова обрекъ его на погибель.

— Волынскій самъ ищетъ своей погибели, сказалъ онъ Бирону; онъ хочетъ быть умнѣе всѣхъ. Но ежели мы знаемъ объ умыслѣ прежде, нежели онъ исполнился, то оный не можетъ уже исполниться. Въ такомъ дѣлѣ Императрица не рѣшится ничего сдѣлать сама собою, а *тотъ*, съ кѣмъ бы она посовѣтовалась, далеко отъ лица Ея Величества.

„Но, Графъ, Минихъ скоро будетъ въ Столицу, какъ вамъ извѣстно.

— Въ такомъ случаѣ остается вынудить у Ея Величества объясненіе съ вами или со мною объ этомъ дѣлѣ прежде его прибытія и оно будетъ кончено.

„Но, Графъ, Волынскій долженъ изчезнуть съ лица земли . . . .

— Если хотите. Но надобно повременить, непремѣнно повременить.

„Чтобы онъ погубилъ насъ?

— Ежели Волынскій будетъ наказанъ вскорѣ послѣ своего доноса: то обвиненіе падетъ на насъ и увеличитъ къ

намъ болѣе ненависть и вражду Русскихъ. Но если онъ послѣ своей дерзости останется невредимымъ: то это охладитъ усердіе къ замысламъ противу насъ; ибо враги наши увидятъ тогда, что всѣ ихъ козни не могутъ имѣть успѣха, а Волынскій не избѣгнетъ въ свое время должнаго наказанія.

„Положимъ, что я соглашаюсь съ вами, чтожъ вы совѣтуете?

— Вопервыхъ: мнѣ или вамъ должно осторожно вынудить объясненіе у Императрицы, чѣмъ и кончится сіе дѣло, въ чемъ я вамъ ручаюсь. Вовторыхъ, надобно окружить Волынскаго надежными людьми. . .

„Но онъ недопускаетъ къ себѣ Нѣмцевъ, а на Русскихъ нельзя положиться!

— У меня въ запасѣ молодой Бестужевъ. За услугу свою онъ получитъ мѣсто Волынскаго. Кажется, этаго довольно.

Согласившись въ подробностяхъ своихъ замысловъ, Биронъ простился съ

Остерманомъ и вошедши въ тайный кабинетъ призвалъ опять Зейдлера.

„Ты будешъ отвѣчать мнѣ головою за поступки Волынскаго; ты долженъ проникнуть не только внутрь его кабинета, но даже внутрь самаго сердца его, чего бы то ни стоило. Для этаго пріищи себѣ помощниковъ и назначь имъ плату, какую нужно. Ступай.

Послѣ сихъ и другихъ разпоряженій съ разными шпіонами, Биронъ отправился къ Императрицѣ.

ДРУГАЯ ГЛАВА.

Не возможно изобразить всѣхъ коварныхъ и вѣроломныхъ поступковъ Бирона, алчнаго къ пріобрѣтенію сокровищъ и дерзновенно, нагло стремившагося къ похищенію власти. Утомительно было бы повѣствованіе о всѣхъ козняхъ и тайныхъ дѣйствіяхъ его въ томъ и другомъ случаѣ.

Еще сносно было для Русскихъ стремленіе сего честолюбца къ пріобрѣ-

тенію власти, но наглое униженіе Русскаго Дворянства, происки и дерзость его шпіоновъ, (отъ которыхъ давно уже было отвыкли Русскіе), проникавшихъ во внутренность жилищъ и заставлявшихъ подозрѣвать и трепетать пріятеля, друга и даже родственника, дѣлали нестерпимымъ тиранство его. Рѣдкая ночь проходила, чтобы кто нибудь не пропадалъ безъ-вѣсти и никто не смѣлъ о томъ спрашивать. На всѣхъ лицахъ изображались страхъ, уныніе и отчаяніе; никто не былъ увѣренъ въ свободѣ, безопасности и самой жизни своей ни днемъ, ни ночью. Прощаясь на свиданіи съ друзьями и родными, всякой прощался на вѣчность, не зная, проснется ли онъ по прежнему къ жизни. Не было ни одной, сколько нибудь извѣстной фамиліи, въ которой бы не было явной или тайной жертвы подозрѣнія или мщенія Бирона. Считали до 20,000 жертвъ лютости и тиранства его, а истязанія народа по взысканію недоимокъ наполня-

ли всѣ области Россіи воплями и стенаніями.

Доносъ Волынскаго, не имѣвшій успѣха, дѣйствительно оправдалъ слова Остермана — остановилъ усердіе Русскихъ довести до свѣдѣнія Государыни о несчастіяхъ и бѣдствіяхъ Отечества. Еще оставалась одна надежда. Ссора Фельдмаршала Миниха съ Бирономъ и поселившаяся послѣ того недовѣрчивость и холодность между ими, питали мысль, что чрезъ перваго, можетъ быть, удастся спасти Отечество отъ когтей тигра. Но Минихъ, такъ какъ и другіе временщики, думалъ только о самомъ себѣ и не хотѣлъ вступить въ опасную и сомнительную борьбу съ могущимъ властителемъ. Ему было хорошо, а Россія не была для него Отечествомъ!

Пріѣздъ Фельдмаршала ко Двору, во время прекращенія войны зимою, от-

нялъ послѣднюю надежду у Русскихъ, мечтавшихъ дѣйствовать чрезъ сего уважаемаго Императрицею человѣка къ прекращенію бѣдствій Отечества.

Едва Минихъ вступилъ въ домъ свой и не успѣлъ еще отдохнуть и осмотрѣться съ дороги, какъ является къ нему Биронъ съ распростертыми объятіями:

„Наконецъ пламенное желаніе души моей заключить въ объятія свои Героя исполнилось, вскричалъ въ восторгѣ Биронъ. Такъ, Графъ, я не ошибся подавши мой совѣтъ Государынѣ ввѣрить въ полное распоряженіе и благоусмотрѣніе ваше всѣ дѣйствія войны сей. Кто осмѣлился бы Генію предписывать планъ компаніи, не мѣшая и не вредя полету его?

— Вы ни чемъ не доказали мнѣ столько дружбы вашей, отвѣчалъ Минихъ, какъ доставивши гнусный доносъ Австрійца.

„Еслибы я былъ и врагомъ вашимъ, Графъ, то и тогда бы честь и слава Россіи, столь драгоцѣнныя для моего сердца, не заставили бы меня иначе

дѣйствовать. Тѣмъ болѣе для меня это пріятно, что вы принимаете поступокъ мой за доказательство моей къ вамъ искренности.

— Хотя вѣрное исполненіе моихъ плановъ и предначертаній, или, скажу прямо, мои побѣды и уничтожаютъ гнусную клевету и злословіе этихъ нетопырей-Австрійцевъ; но согласитесь, что весьма прискорбно чувствовать это тогда, когда дѣйствуешь со всѣмъ усердіемъ. Вы не повѣрите, какъ трудно, какъ тягостно было мнѣ на каждомъ шагу моихъ дѣйствій! Въ то время, когда начертишь планъ и предлагаешь оный къ исполненію этимъ людямъ, они поступаютъ совершенно противнымъ образомъ, и я не разъ находился отъ того въ самомъ критическомъ положеніи.

„Въ такомъ случаѣ, Графъ, я рѣшительно бы отдѣлился отъ нихъ.

— Но воля Императрицы. . . .

„Государыня не можетъ видѣть того, что происходитъ на полѣ сраженія, а ваши побѣды были бы лучшимъ оправданіемъ вашихъ поступковъ. При-

томъ же, Графъ, вы имѣете при Дворѣ вѣрнаго друга, который умѣлъ бы всегда очистить славу Героя въ глазахъ Государыни, если бы смрадъ клеветы силился помрачить оную предъ ея взоромъ, и я васъ прошу, Графъ, рѣшительно презирать этихъ эгоистовъ - союзниковъ, не бояться ихъ клеветы и злословія и быть увѣреннымъ во всегдашнемъ милостивомъ расположеніи Императрицы къ Герою.

— Но Графъ... Ахъ! Я виноватъ предъ вами, или лучше сказать, вы сами виноваты, что не дали мнѣ времени осмотрѣться съ дороги и поздравить Вашу Свѣтлость Владѣтелемъ Курляндіи.

„Вы приписываете мнѣ, Графъ, излишнюю честь. Титло владѣтеля не составляетъ еще существеннаго достоинства. Удерживаемый волею Императрицы при Дворѣ и завися отъ оной, я могу носить только имя владѣтеля, не имѣя способа заняться непосредственно благомъ моихъ подданныхъ.

— Однакожь согласитесь, Ваша Свѣтлость, что выдти изъ общей толпы

подданныхъ, хотя бы даже однимъ именемъ, уже довольно пріятная награда.

„Не говорите мнѣ о наградѣ, которой я не заслужилъ. Такая награда достойна только такого Героя, какъ вы, Графъ.

— Нѣтъ, Герцогъ, такой Герой, какъ я, блистаетъ только тогда, когда въ немъ есть надобность. По окончаніи же войны онъ вступитъ, можетъ быть, въ обыкновенную толпу подданныхъ, и объ немъ вспомнятъ только тогда, когда нужно будетъ поставить его опять на жертву глупаго ядра, которое не отличаетъ труса отъ Героя.

„Стыдно вамъ, Графъ, имѣть такія мысли объ Императрицѣ, которая почитаетъ васъ твердѣйшею опорою своего трона.

— Но эта опора не имѣетъ сама въ себѣ никакой силы. Всякой разъ, когда отправляюсь на войну, я это слишкомъ чувствую. Каждый разъ государство должно дѣлать напряженныя

усилія, чтобы изготовиться къ оной, а мы, Начальники, должны часто проводить безъ сна цѣлыя ночи, чтобы устроить способы не только вести войну, но даже приступить къ оной. Недостатокъ же времени или способовъ всегда подвергаетъ насъ несправедливымъ упрекамъ и помрачаетъ наше усердіе. Обширность предѣловъ Имперіи требуетъ непремѣнно учредить въ разныхъ мѣстахъ военные пункты, въ которыхъ бы запасались, устроивались и всегда были въ готовности всѣ способы къ войнѣ.

„Вы разсуждаете, Графъ, какъ древній Римлянинъ (*). Эта великая мысль достойна вашего Генія!

— Обозрѣвая положеніе Имперіи я назначилъ бы для сего вопервыхъ ваше владѣніе, Герцогъ, а во вторыхъ Украйну, какъ такую пограничную область, которая положеніемъ своимъ составляла бы ближайшій запасъ для войны съ Турціею и Польшею, а ваше владѣніе,

(*) Любимая поговорка Бирона.

вмѣстѣ съ Эстляндіею и Лифляндіею для дѣйствій противъ Швеціи, Пруссіи и Польши также. Разумѣется, Ваша Свѣтлость, что Эстляндію и Лифляндію надобно будетъ присоединить къ вашему Герцогству.

„Графъ, вамъ, какъ опытному Полководцу неупустительно слѣдуетъ представить эту мысль Императрицѣ, вскричалъ Биронъ!

— Но, Герцогъ, одинъ пунктъ безъ другаго не можетъ вполнѣ соотвѣтствовать цѣли. По моему мнѣнію Украйну должно поставить въ такомъ же положеніи, чтобы начальникъ оной могъ безпрепятственно устроить сію область для означенной цѣли.

„А, понимаю тебя, сказалъ про себя Биронъ. Разумѣется, продолжалъ онъ потомъ въ слухъ, дѣло это надобно ввѣрить человѣку опытному и вы конечно, Графъ, по окончаніи войны не откажетесь принять на себя исполненіе собственной мысли.

— Если угодно будетъ Ея Величеству, то я конечно не откажусь,

Герцогъ. Но чтобы цѣль сего предпріятія могла вполнѣ соотвѣтствовать своей важности, для этаго потребно слишкомъ великихъ основаній.

„Я понимаю, Графъ, что для сего нужны сила и независимость въ распоряженіяхъ. Но развѣ Императрица не можетъ уполномочить васъ оными?

— Такое полномочіе выходитъ изъ круга отношеній подданнаго къ Государынѣ.

„Напротивъ, оно можетъ выходить только изъ обыкновеннаго круга подданныхъ, не нарушая отношеній къ Государынѣ. Посмотрите на меня, Графъ. Я Владѣтельный Князь Курляндіи, независимый въ распоряженіяхъ моихъ въ сей странѣ, но я также подданный Ея Величества, какъ и всякой другой. Согласитесь сами, Графъ, что еслибы я вздумалъ отдѣлить интересъ моей области отъ интереса Имперіи и нарушить отношеніе подданнаго къ нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ, то я ни чего бы отъ того не выигралъ. Тѣмъ менѣе можно предполагать что-либо опаснаго въ отношеніи къ вамъ, пото-

му, что Украйна есть часть Россіи, а Курляндія не входила еще въ составъ сей Имперіи.

— Нѣтъ! Герцогъ; это мечта, мечта, родившаяся отъ усердія моего къ славѣ Ея Величества, для которой я не щадилъ моей жизни.

„Это-то самое и ручается за существенность великой мысли вашей, которую напрасно называете мечтою, и если вы не хотите сами предложить оной Государынѣ, то я беру на себя ходатайствовать у Ея Величества объ исполненіи.“

Долго старался Биронъ поддерживать дерзкую мысль честолюбиваго Миниха о возможности и необходимости основать въ Украйнѣ независимое для него Герцогство, и простившись съ нимъ, прямо отправился къ Остерману, съ которымъ и составилъ планъ питать честолюбивый замыслъ Миниха: отдѣлить для себя часть Имперіи. Они старались заставить Миниха самаго представить о томъ Императрицѣ, но дерзость предпріятія вливала робость въ

сердце честолюбца, и онъ согласился только, по отбытіи въ армію, прислать о томъ просьбу къ Императрицѣ, предоставивъ ходатайствовать объ оной вѣроломному Бирону, который и ожидалъ удобнаго къ тому случая. Когда слава побѣдъ Миниха болѣе и болѣе увеличивала уваженіе къ нему признательной Государыни: то Биронъ, по плану Остермана, съ которымъ они равно ненавидѣли и боялись Миниха, предложилъ просьбу его Императрицѣ въ такое время, и такъ искусно изложилъ замыслъ его, что Императрица съ перваго взгляда увидѣла не только нелѣпость и дерзость его желанія, но и опасность онаго. „*Минихъ очень скроменъ*, сказала она. *Напрасно не ищетъ онъ для себя Великаго Княжества Московскаго.*“ Но какъ Императрица находила въ Минихѣ великаго Полководца: то дерзость его и умыселъ Бирона и Остермана остались безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Отрывокъ изъ комедіи:

МАГИСТРЪ

или

Вотъ-те на!

(*Дѣйствіе въ Москвѣ*)

ЯВЛЕНІЕ I.

Тростинъ, жена его, Викторъ, *сынъ ихъ*, Сурина, *сестра Тростиной*, Настинька, *ея дочь*,

(*Викторъ, одѣтый въ Римской тогѣ, важно расхаживаетъ по комнатѣ*).

Тростина.

Вотъ, нарядился въ какую-то епанчу! Что̀ ты, батюшка, шутомъ что ли хочешь казаться; хочешь быть посмѣшищемъ цѣлой Москвы? Видѣлъ ли кто

хоть одного молодаго человѣка въ такомъ уродскомъ платьѣ?

Викторъ.

Не поносите сей священной одежды Римлянъ! Въ ней ходили великіе учители Европы и цѣлаго міра.

Тростинъ.

Конечно въ этой тогѣ заключается столько же учености, какъ и въ Парацельсовомъ колпакѣ?

Викторъ.

Ни Парацельсъ и никто изъ новыхъ Философовъ не можетъ сравниться съ древними Греками и Римлянами! Всякое сравненіе съ ними есть хула и святотатство!

Тростина.

Помилуй, Викторъ! Я хотѣла ѣхать съ тобою къ Бирюлькинымъ, чтобы познакомить съ невѣстою, а ты нарядился

какъ шутъ, чтобы она насмѣялась надъ тобою, да и надъ нами вмѣстѣ.

Викторъ.

Не говорите мнѣ объ этомъ вздорѣ! Никогда не соглашусь я терять драгоцѣнное для наукъ и учености время съ женою и въ сѣмейственныхъ обязанностяхъ. Ars longa, vita brevis (*).

Тростина.

Ну, неправду ли я говорила, что онъ совсѣмъ помѣшается отъ учености! Да знаешь ли ты, глупецъ, что Бирюлькина прекрасна, умна, добра и за нею двѣсти тысячь чистогану, да триста душъ крестьянъ? Ты будешь жить бариномъ!

Викторъ.

Съ вами, Греки и Римля́не,
Вѣкъ блаженный проведу!

(*) Науки обширны, а жизнь коротка.

Тростина.

Онъ помѣшался на Грекахъ, да на Латыни.

Викторъ.

"Ος μη ρομαϊκοις ἑλληνικα γράμματα ζευξη
Οὐ δυναται ξινετοῦ τουνᾶμα ἀνδρος ἐχεῖν (*).

Тростина.

Я тебѣ говорю дѣло, а ты мнѣ отвѣчаешь глупостями. Слышишь ли ты, поѣдешь ли со мною къ Бирюлькинымъ и бросишь ли эту шутовскую епанчу?

(*) Кто не соединяетъ изученія Литературы Римской съ Греческою, тотъ не можетъ назваться ученымъ.

Викторъ.

Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra? Quamdiu iste furor tuus nos eludet (*)?

Тростина.

Ну, правду говорилъ мнѣ Селифонтъ Андреевичь, что эти науки чума для молодыхъ людей. Теперь я вижу, что это правда истинная.

Викторъ.

Γνῶθι σε αυτόν — (**) вотъ великая истина!

(*) „Доколѣ, Катилина, будешь во зло употреблять терпѣніе наше? Доколѣ неистовство твое будетъ посмѣваться надъ нами?„ — Такъ начинается рѣчь Римскаго Консула Цицерона, произнесенная въ Сенатѣ Римскомъ противъ заговорщика Катилины, замышлявшаго ниспровергнуть Правительство.

(**) *Гноси се автонъ*, значитъ: познай самаго себя.

Тростина.

Каково? Онъ дядю называетъ *гнуснымъ Селифонтомъ*. Вотъ такъ Философія.

Викторъ.

Procul, o procul este profani, procul (*) !

Тростина.

Какъ? мы *прокляты* за то, что не слушаемъ глупой твоей Философіи?

Викторъ.

Философія не доступна для бѣдныхъ умовъ вашихъ!

Тростина.

И Философія и всѣ твои науки и ты самъ дуракъ!

(*) Прочь, непросвѣщенные, удалитесь!

Викторъ.

О Philosophia! Богиня просвѣщенія! Tu urbes peperisti; tu dissipatos homines in societatem vitae convocasti. . . . Tu inventrix legum, tu magistra morum et disciplinae fuisti! (*) И тебя дерзаютъ поносить и злословить! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же безъ Виктора.

Тростина.

Да онъ, батюшка, совсѣмъ помѣшался; чего ты смотришь?

Тростинъ.

Не безпокойся, милая; у него скоро пройдетъ эта горячка, я уже придумалъ лѣкарство.

(*) Ты собрала въ общества разсѣянныхъ людей и устроила города; ты изобрѣла законы и была наставницею нравственности и образованности.

Тростина.

Вотъ на радость пріѣхали въ Москву! Мы положили ему жалованье для баловъ и консертовъ, а онъ ѣздитъ только къ ученымъ и тратитъ деньги имъ за уроки, а они совсѣмъ свели его съ ума! Ужь я бы перевела весь этотъ ученый родъ, еслибы могла; до тла изкоренила бы всѣхъ. Они испортили всѣхъ молодыхъ людей, да и стариковъ-то смутили; вездѣ только и толкуютъ о наукахъ. Вотъ здѣсь въ Москвѣ завелась видно такая мода: только и кричатъ, что надобно дѣтей учить; цѣлый день морятъ ихъ надъ науками и увѣряютъ, что не льзя безъ нихъ обойтись. Ужь подлинно эти ученые всѣхъ обморочили, чтобы набивать свои карманы. А кто эти ученые? — Ни одного Князя, ни одного Графа, а только молодыхъ то Графовъ и Князей съ толку сбиваютъ.

Тростинъ.

На ученыхъ гнѣваться не должно, матушка; ты сама знаешь старую Рус-

скую пословицу: ученье свѣтъ, а неученье тьма.

Сурина.

Науки и ученые ни сколько не виноваты въ томъ, что иные дурачатся безъ толку.

Тростина.

Да какая польза отъ наукъ, кромѣ болтанья объ ученомъ вздорѣ? Смѣшно право слушать, что нынѣ въ обществѣ только и толкуютъ о наукахъ и сочинителяхъ. Ужь пусть бы въ городахъ развелась эта зараза, а то и въ деревни проникла.

Тростинъ.

Почемужь въ свободное время и въ деревнѣ не заниматься ученіемъ и чтеніемъ?

Тростина.

Да отцы и дѣды наши прожили же вѣкъ свой безъ наукъ; даже иные со-

всѣмъ не умѣли ни читать, ни писать, а жили-то побогаче насъ; денегъ на пустяки-то не тратили, а попить и поѣсть всего было вдоволь. Оно правда, не льзя обойтись безъ ученія; надобно писать приказы старостамъ и прикащикамъ другихъ деревень; надобно вести счетъ хлѣбу, сѣну, овсу, гусямъ, курамъ. Такъ нѣтъ! Этаго мало — давай еще разныя науки. Куда ни ткнись, вездѣ шкапы уставлены отъ полу до потолка книгами, а столы завалены журналами и газетами — да еще все учеными! А право, кромѣ Московскихъ Вѣдомостей, нигдѣ нѣтъ ни чего путнаго. Тутъ по крайней мѣрѣ узнаешь, гдѣ что продается, въ какой лавкѣ можно найти лучшій голландскій сыръ, хорошіе колбасы, сельди, икру, масло; знаешь, по чему говядина, баранина, мука, калачи; въ нихъ всегда увѣдомляютъ, гдѣ отпускаются въ наймы дѣвки, гдѣ продаются квитанціи на рекрута, лошади, собаки; черезъ нихъ только и узнаешь, кто изъ нашихъ знатныхъ господъ

пріѣхалъ въ Москву и выѣхалъ изъ оной и гдѣ остановился, откуда и куда ѣдетъ; даже можно разсчитать, кто изъ нихъ сколько пробылъ въ Москвѣ. А вотъ этихъ-то газетъ нынѣшніе умники и знать не хотятъ, а ищутъ все какой-то ученой дряни и такъ ею занимаются, что даже и на псарню сходить не хотятъ. Да ужь быть имъ безъ собакъ, а тогда и барами не будутъ. Не хотятъ даже побраниться съ прикащиками и поколотить крестьянъ. Заводятъ все какіе-то новые порядки и облегчаютъ мужиковъ. Мнѣ, правда, Максимъ Ѳедоровичь показывалъ, что онъ отъ новаго хозяйства получаетъ вдвое больше доходу, чѣмъ отъ прежняго; а еще бы больше получалъ, еслибы почаще колотилъ мужиковъ.

Сурина.

Да нынѣ, сестрица, не тѣ ужь времена. Не ужели же вамъ было бы прі-

ятно, когда бы Викторъ отставалъ отъ прочихъ молодыхъ людей?

Тростина.

Да для этаго, милая, не много надобно. Умѣлъ бы танцовать, да говорить пофранцузски и то только потому, что всѣ знатные господа не говорятъ иначе. Я сама это видѣла третьяго дня. Какая-то знатная барыня, уже въ лѣтахъ, ѣхала по Тверской; чудесная карета ея попалась въ мужичій обозъ, да никакъ и не выѣдетъ. Вотъ она, сударыня моя, сама высунулась изъ окошка и начала ругать этихъ мерзавцевъ мужиковъ, а лакеямъ-то приказала бить ихъ кнутьями. Она начала было кричать порусски, да никакъ и не могла продолжать, моя голубушка, такъ и кончила пофранцузски; я и сама что-то не поняла ничего изъ Русскихъ рѣчей ея. Да имъ, правду сказать, и не нужно говорить порусски; у нихъ и дѣвки и лакеи все французы. Такъ вотъ видишь, милая,

какъ бы отецъ выучилъ дурака только пофранцузски и научилъ бы лучше хозяйству; такъ онъ со временемъ и разбогатѣлъ бы еще; а сдѣлавшись богатымъ и говоря пофранцузски, онъ сдѣлался бы знатнымъ бариномъ — для этаго больше ни чего и не нужно. Такъ нѣтъ! вздумалъ еще, чтобы онъ служилъ, а чтобъ получить чины, такъ надобно Аттестатъ объ ученіи; надобно морить его десять лѣтъ надъ ученіемъ — а что проку? Вотъ съ ума сходитъ!

Тростинъ.

Да ты знаешь, матушка, что Правительство требуетъ, чтобы молодые люди учились.

Тростина.

Нѣтъ, неправда! наше Правительство, слава Богу, не писало еще такихъ законовъ, чтобы дѣтей морить надъ ученіемъ и еще не слышно, чтобы оно хотѣло, чтобы сынъ твой сходилъ съ ума отъ наукъ, какъ ты самъ

видишь. Оно ни кого ни къ чему не принуждаетъ силою. Вольному воля, а спасеному рай, говоритъ оно; а твой сынъ, слава Богу, не безъ Господней милости, не будетъ добывать себѣ хлѣба Науками. Посмотри-ка на Дюндиковыхъ: они ни чему не учились, а вѣдь служатъ же, и одинъ изъ нихъ уже Ротмистръ, а другой Офицеръ. Это все ученые только морочатъ людей и расплодили столько наукъ, что ихъ и не пересчитать, не только выучить. Правду читала ты мнѣ, сестрица, прошлую зиму, что какой-то знатный баринъ сказалъ: *чтобы зло пресѣчь, такъ всѣ эти книги взять, да сжечь* (*). А баринъ то этотъ былъ нашимъ Посланникомъ въ Персіи; какъ бишь его фамилія-то, неприпомню. Правду мнѣ и Селифонтъ Андреевичь говорилъ, что ихъ же какой-то ученый *Руссо́й* самъ признался, что науки вредны и пор-

---

(*) Скалозубъ, въ Комедіи: *горе отъ ума.*

тятъ нравы. Это и видно на нашемъ любезномъ сынкѣ. Да ужь дастъ онъ намъ себя знать съ своими науками; подожди, скоро увидишь. — Однакожь мнѣ надобно таки съѣздить къ Бирюлькинымъ, хоть извиниться; скажу, что дуракъ-то боленъ и не солгу (*уходитъ*).

Тростинъ.

Не успѣешь возвратиться, какъ мы его вылѣчимъ (*уходитъ*).

Сурина.

Да и намъ, Настинька, пора приниматься за лѣченіе Виктора (*уходятъ*).

номъ содѣйствіи между собою всѣхъ частей и отраслей оныхъ, доведены до высочайшей степени совершенства во всѣхъ отношеніяхъ. Страна сія не только для самой себя производитъ всѣ нужныя предметы, но готова въ одни сутки надѣлить оными цѣлый свѣтъ.

Сіе изобиліе всякихъ произведеній, сія готовность и легкость надѣлять ими цѣлый свѣтъ, родили въ Англіи желаніе, *чтобы всѣ народы позволили ей безпрепятственно заваливать рынки свои оными.*

Сіе обольстительное желаніе давно уже сладостно увивается въ сердцѣ Англичанъ и заставило умъ ихъ со всемъ напряженіемъ заняться изслѣдываніемъ сего предмета. Сколько вылилось прекрасныхъ рѣчей, сколько родилось у нихъ глубокихъ, чудесныхъ разсужденій объ ономъ! Сколько яркихъ мыслей, сколько блистательныхъ надеждъ для общаго благосостоянія всего человѣчества отправлено сердобольными Англичанами къ другимъ народамъ, чтобы убѣдить ихъ

послѣдовать очаровательному предложенію (*)!

Но Правительства, охраняющія благо своихъ подданныхъ, не внимаютъ таковому обольщенію, а Политика вопрошаетъ самихъ Англичанъ: почему не дозволяютъ они свободнаго привоза иностраннаго хлѣба, отъ чего терпитъ часто самую крайнюю нужду многочисленнѣйшій классъ ихъ народа? Почему не внимаютъ они не только краснорѣчивымъ разсужденіямъ своихъ соотечественниковъ, возвышавшихъ голосъ за сію свободу, но даже иногда гласу вопіющаго человѣчества?

Нужно ли изчислять другіе примѣры ограниченія торговли въ Англіи? — Всѣ привозимые предметы обложены тамъ

(*) Съ какой бы стороны ни разсматривали свободы внѣшней торговли, какія бы виды ни представляли въ оной, всегда выйдетъ *монополія* Мануфактуръ, самая тягостная, даже губительная для прочихъ отраслей промышленности.

несравненно высшими пошлинами, нежели въ другихъ государствахъ, не смотря на то, что Англія не боится соперничества другихъ народовъ (*).

Безсмертный Каннингъ изобразилъ великую мысль своего управленія въ слѣдующихъ словахъ: свобода политики и торговли въ цѣломъ свѣтѣ. — Но такъ ли поступалъ онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ? Твердо ли держался онъ своей идеи въ исполненіи? Нѣтъ! онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не отступать отъ оной на самомъ дѣлѣ. Политическія теоріи, самыя высокія, самыя благодѣтельныя встрѣчаютъ въ практикѣ непреодолимыя затрудненія и упорство въ оныхъ влечетъ за собою иногда самыя гибельныя послѣдствія.

(*) Англія не только стѣсняетъ иностранцевъ высокими пошлинами, но еще запрещеніемъ привозить произведенія на собственныхъ корабляхъ, съ весьма малыми изключеніями, и которыя при томъ доставляютъ имъ особенную пользу.

Свѣтлый, обширный умъ великаго Каннинга, обозрѣвая съ высоты своей цѣлый міръ во всѣхъ его положеніяхъ, понялъ духъ и направленіе времени, открылъ означенную великую идею онаго и поставилъ ее правиломъ для себя и для своихъ преемниковъ. Идея сія была торжествомъ его Генія привлекла къ нему сердца всѣхъ Англичанъ, потому, что въ ней сосредоточиваются и изъ ней могутъ произтекать безчисленныя выгоды для Англіи. Но положеніе разныхъ государствъ вообще, положеніе разныхъ частей управленія самой Англіи, даже мѣстныя отношенія оной не позволяютъ упорно и неуклонно слѣдовать сей теоріи, которая по сему и отступается часто на дѣлѣ сама отъ себя, хотя блистательный перевѣсъ выгодъ сей теоріи для Англіи заставляетъ ее постоянно держаться оной.

Защитники свободы внѣшней торговли съ торжествомъ указываютъ намъ на Пруссію, Саксонію, Швейцарію, въ которыхъ допущена не ограниченная сво-

бода торговли и которыя ничего чрезъ то не теряютъ.

Не входя въ подробныя изслѣдыванія, мы скажемъ только, что въ Пруссіи допущена свобода торговли тогда уже, когда развилась во всѣхъ частяхъ (*) и *совершенно утвердилась* внутреняя промышленность — именно: въ 1818 году; а что оная не имѣла прежде большихъ успѣховъ: то это потому особенно, что была чрезвычайно стѣснена внутри самой себя *цѣховыми учрежденіями Готическихъ временъ*. И потому то Пруссія обмѣномъ однѣхъ произведеній на другія уравниваетъ въ цѣломъ потери и выгоды отъ тѣхъ или другихъ, неуступающихъ иностраннымъ.

Швейцарія и Саксонія по тѣмъ же причинамъ, по мѣстному положенію и по многимъ произведеніямъ, также не ус-

---

(*) Уже при Фридрихѣ Великомъ въ Пруссіи развиты были всѣ отрасли промышленности.

тупающимъ иностраннымъ, а по нѣкоторымъ даже преимуществующимъ предъ оными въ качествѣ или въ цѣнѣ, можетъ быть, не теряютъ ничего въ цѣломъ отъ свободнаго дѣйствія торговли иностранной.

Ко всему этому прибавьте транзитъ и складку товаровъ и вы увидите полное вознагражденіе за всѣ потери, которыя необходимо послѣдовали бы при одномъ простомъ ввозѣ.

Послѣднія причины дѣлаютъ даже необходимою неограниченную торговлю для такихъ областей, каковы Гамбургъ, Любекъ, Франкфуртъ и пр.

Въ государствахъ же, гдѣ промышленность не развилась еще вполнѣ или гдѣ недостаетъ такихъ произведеній, выгоды отъ которыхъ могли бы замѣнять потери (*) отъ привоза иност-

---

(*) Надобно при семъ сказать, что я разумѣю здѣсь не торговый балансъ, эту фальшивую мѣру выгодъ государственныхъ, но

ранныхъ и гдѣ транзитъ и складка товаровъ ничего не значатъ въ *цѣломъ*, Правительства никогда нерѣшатся жертвовать на удачу настоящимъ благосостоянiемъ своихъ народовъ невѣрнымъ, обольстительнымъ предположенiямъ.

Чтобы послѣдовало съ нашими капиталами и мануфактурами, если бы вдругъ навезли къ намъ безчисленное множество превосходнѣйшихъ предъ нашими въ качествѣ и дешевѣйшихъ цѣною иностранныхъ произведенiй? — Капиталы (*)

тѣ выгоды и тѣ потери, которыя *существенно* умножаютъ благосостоянiе народа. — Въ *цыфрахъ* же торговаго баланса тѣ и другiя весьма часто являются въ превратномъ видѣ. — Еще прибавлю, что ложно судятъ о народномъ благосостоянiи тѣ, которые смотрятъ только на состоянiе внѣшней торговли, и по числу прибывшихъ и отшедшихъ кораблей и по отпуску за границу товаровъ заключаютъ объ ономъ.

*) Здѣсь опять почитаю нужнымъ замѣтить, что я говорю о капиталахъ, не какъ про-

ускользнули бы изъ рукъ нашихъ въ чужіе краи, такъ какъ нѣкогда безчисленныя сокровища Америки утекли изъ рукъ Испанцевъ и Португальцевъ къ народамъ промышленнымъ, а Мануфактуры, *еще не могущія выдерживать соперничества* съ иностранными ни въ совершенствѣ произведеній, ни въ цѣнѣ оныхъ, пали, разрушились бы! Чѣмъ возвратили бы мы наши капиталы? — Хлѣбомъ, пенькою (*), лѣсомъ, саломъ, желѣзомъ? Но ихъ и теперь берутъ у насъ ино-

---

сто о деньгахъ, но какъ о средствахъ, способахъ, посредствомъ которыхъ совершаются обороты промышленности и приводятся въ движеніе производящія силы.

(*) Скажемъ здѣсь между прочимъ для соображенія Читателя, что и теперь уже въ Англію почти не требуется пеньки нашей; ибо тамъ развели оную въ довольномъ для собственнаго потребленія количествѣ, которая цѣною равняется Русской, включая пошлины; а о хлѣбѣ и говорить почти нечего.

странныя государства *не менѣе, какъ сколько имъ нужно*, а изъ уваженія къ нашей бѣдности, они конечно не сдѣлаютъ намъ милости — брать у насъ сихъ или другихъ предметовъ болѣе, какъ сколько имъ надобно и платить дороже, нежели чего оные стоятъ, или намъ останется тогда развѣ одна тяжкая отрада унизить до чрезвычайности цѣны оныхъ, чтобы за большое количество получить что нибудь отъ иностранцевъ. — Всеобщая бѣдность не долго бы также щеголяла въ изящнѣйшихъ иностранныхъ произведеніяхъ; ибо источники богатства были бы подорваны въ своихъ основаніяхъ. Наконецъ обмѣнъ нашъ состоялъ бы только въ промѣнѣ на блестящіе предметы существенныхъ потребностей, истративъ съ небреженіемъ которыя, мы принуждены бы были въ послѣдствіи терпѣть сами крайнія нужды въ оныхъ.

Созидать гораздо труднѣе, нежели разрушать. Наши фабрики, заводы и ремесла, едва развивающіяся въ силахъ

своихъ, будучи подорваны въ своихъ основаніяхъ, никогда бы уже не возстали при нынѣшнемъ состояніи оныхъ въ другихъ государствахъ; ибо потребны необыкновенныя усилія, чрезвычайные капиталы и наконецъ прибавить должно особенное стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ, чтобы произвести вдругъ что нибудь такое, что у другихъ народовъ созидалось и совершенствовалось цѣлыми столѣтіями.

Извѣстно, какими пожертвованіями, какими снисхожденіями и милостями Правительство поддерживаетъ нашу промышленность и содѣйствуетъ развитію оной; извѣстно также, что только Континентальная система Наполеона способствовала возвышенію промышленности твердой земли до соперничества съ Англіею. Актъ о Мореплаваніи, изданный Кромвелемъ, Навигаціоный Актъ Статутъ о Контробандѣ Карла II и другія стѣснительныя для иностранцевъ постановленія утвердили промышленность Англіи. Кто не отдастъ всей

справедливости мудрому правленію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ? — А сіе Правительство строго охраняетъ свою промышленность совершенно почти запретительною системою.

Наши Великіе Князья и Цари давали чрезвычайныя привиллегіи иностраннымъ купцамъ, чтобы привлечь ихъ въ Россію, а нынѣ Правительство налагаетъ на каждый аршинъ ихъ товаровъ, на каждый предметъ ихъ торговли пошлины и сверхъ того не дозволяетъ имъ привозить тѣхъ или другихъ произведеній. Лучше ли было благосостояніе нашего Отечества въ оныя времена свободы торговли предъ нынѣшними? Исторія рѣшительно отвѣчаетъ: *нѣтъ!*

Къ голосу иностранцевъ присоединяется и голосъ нашихъ соотечественниковъ для проповѣдыванія въ Россіи свободы внѣшней торговли. Это тѣ жалкіе Политики, которые, начитавшись безъ разбора теорій знаменитыхъ Писа-

телей, хотятъ въ подражаніе имъ блистать новыми идеями предъ своими соотечественниками.

Не входя въ подробное размотрѣніе ихъ умствованій о самой торговлѣ, обратимся прямо къ тѣмъ изъ нихъ, которыя ближе къ нашему предмету.

„Пусть, говорятъ они, ввозятъ къ намъ иностранныя издѣлія; онѣ пробудятъ соревнованіе въ нашихъ промышленныхъ предпринимателяхъ, породятъ въ нихъ дѣятельность и стремленіе къ усовершенствованію.

„За чѣмъ производить у насъ съ большими издержками то, что мы можемъ получать изъ за границы съ меньшими? За чѣмъ заставлять потребителя платить втрое дороже?

„Пусть у насъ нѣкоторыя Мануфактуры уничтожатся, народная промышленность отъ сего не потерпитъ. Предпріимчивость промышленниковъ и капиталы обратятся на другіе предметы, болѣе выгодные; откроютъ новыя

отрасли произвожденія, получатъ новыя прибыли."

Не споримъ, что привозъ иностранныхъ издѣлій можетъ пробудить и пробуждаетъ соревнованіе къ усовершенствованію своихъ произведеній. Но довольно ли одного *желанія?* И благоразумно ли для возбужденія онаго заваливать рынки наши иностранными товарами? Кто согласится жертвовать своими капиталами для того, чтобы *выучиться только* усовершенствованію своего произведенія? Кто рѣшится на *опыты*, когда увидитъ на рынкѣ множество готовыхъ уже усовершенствованныхъ иностранныхъ издѣлій лучшаго качества, отличнѣйшей формы и отдѣлки и дешевѣйшихъ цѣною? — Не благоразумнѣе ли и недостаточно ли для означенной цѣли выписывать только искусныхъ мастеровъ и работниковъ и образцы издѣлій, какъ дѣлаютъ теперь наши Мануфактуристы и въ чемъ содѣйствуетъ имъ Правительство или посылать въ чужіе

краи умныхъ и образованныхъ людей для заимствованія новыхъ изобрѣтеній или для усовершенствованія въ своихъ работахъ?

По сей теоріи неограниченнаго ввоза иностранныхъ товаровъ Португалія давно бы уже должна была стать въ соперничество съ Англіею, между тѣмъ, какъ она до сихъ поръ служитъ для ней только *кладовою!* Точно тѣмъ же было и наше Отечество цѣлыя столѣтія для всей почти Европы. . . .

„За чѣмъ, возклицаютъ сіи пылкіе теоретики, за чѣмъ производить у насъ съ большими издержками то, что мы можемъ получать изъ-за границы съ меньшими?"

За тѣмъ, Милостивые Государи, чтобы имѣть у себя промышленность, чтобы развить въ Отечествѣ всѣ отрасли оной; за тѣмъ, чтобы дать нынѣ или въ послѣдствіи работу и способы содержанія тѣмъ изъ вашихъ согражданъ, которые будутъ имѣть нужду въ оныхъ и наконецъ за тѣмъ, чтобы доставить довольство и радости жизни тѣмъ изъ другихъ вашихъ согражданъ,

которые могутъ получать оныя при развитіи и умноженіи внутренней промышленности. — Довольно уже Европа поплатилась Англичанамъ для ихъ роскоши и прихотей! Она хочетъ теперь, чтобы всѣ народы ея равно наслаждались изобиліемъ и богатствами. Пусть страны невѣжественныя будутъ нынѣ ихъ данниками, а просвѣщенная Европа *безъ разсчета* не дастъ уже имъ теперь ни копѣйки!

Извѣстно ли вамъ, Мил. Гос., что промышленность составляетъ важнѣйшую и вѣрнѣйшую государственную силу? — Ни число народа, ни искуственныя защиты, ни твердые Трактаты и Союзы политическіе — ничто не можетъ равняться съ могуществомъ оной. Она сохраняетъ жизнь народа даже тогда, когда падаютъ уже послѣднія ограды и опоры государственной безопасности и независимости (*)! — — —

(*) Не приводя другихъ примѣровъ, мы укажемъ только на Пруссію и Австрію, ко-

Сію ли силу хотите вы потрясти вашею теорію и подточить ея основанія???.. Но, можетъ быть, вы думаете *по прежнему*, что промышленность народная есть только прихоть, не заслуживающая большаго вниманія? — „Четырнатцать милліоновъ Англичанъ и Шотланцевъ, говоритъ Дюпенъ, могли бороться съ многочисленнѣйшими противниками своими во всѣхъ частяхъ свѣта и одолѣть ихъ въ войнѣ и мирѣ! — Откуда Англія доставала для того золото? — Не изъ своихъ ли рудниковъ? — Она ихъ не имѣетъ. — Или можетъ быть вымучивала оное у порабощенныхъ ею народовъ? — Мы думали такъ и ошибались. — Никогда Индія и Америка не обогащали государственной казны Великобританіи! — Чтожъ

торыя сами сознаются, что безъ утвердившейся у нихъ промышленности они едва ли бы могли выдержать потрясенія Наполеона.

помогало во всѣ времена наполнять сію казну неистощимыми сокровищами? — Народная промышленность. — Четырнатцать милліоновъ Англичанъ и Шотланнцевъ имѣютъ болѣе промышленности и производятъ болѣе издѣлій, нежели 30 или 40 милліоновъ въ другихъ странахъ Европы.“ —

Излишнимъ почитаю послѣ сего говорить, о тѣхъ великихъ и неподверженныхъ уже спору истинахъ, что благосостояніе народа *существенно* утверждается на успѣхахъ его промышленности и что только съ успѣхами промышленности развивается народная образованность; но прибавлю здѣсь, что ежели совершенная независимость государства *упрочиваетъ* благосостояніе онаго: то нелѣпо было бы намъ зависѣть отъ другихъ народовъ въ томъ, что мы можемъ производить сами у себя, или подвергаться опасности при политическихъ и военныхъ переворотахъ остаться безъ платья или

безъ другихъ потребностей (*). Стыдно было бы намъ также въ нынѣшнія времена получать изъ рукъ другихъ народовъ то, къ чему способны собственныя наши руки! Еще стыднѣе продавать иностранцамъ за низкую цѣну необдѣланныя и сырыя произведенія для того, чтобы получить потомъ оныя въ обработанномъ для надлежащаго употребленія видѣ и платить имъ за то страшныя суммы!

Наконецъ спрашиваю: благоразумно ли оставлять гнить и пропадать нашимъ безчисленнымъ физическимъ капи-

(*) Суда по всеобщему пробужденію въ нашемъ Отечествѣ духа промышленности и развитію всѣхъ почти частей и отраслей ея, по оживленному стремленію къ усовершенствованію Мануфактуръ и ремеслъ, мы не боимся теперь ни какихъ внѣшнихъ переворотовъ и смѣло можемъ отказаться отъ привоза иностраныхъ произведеній съ весьма малыми ограниченіями и кромѣ тѣхъ, въ которыхъ отказала намъ природа.

шаламъ, когда обработываніе оныхъ доставляетъ и обѣщаетъ намъ неизчислимыя выгоды?

„За чѣмъ, вопіютъ тѣ же политики, за чѣмъ заставлять потребителя платить за свои произведенія втрое дороже противъ иностранныхъ?“

За тѣмъ же, чтобы имѣть свою промышленность, а во вторыхъ за тѣмъ, *чтобы не жертвовать прихотямъ нѣсколькихъ лицъ благосостояніемъ многихъ* (*). Я говорю: прихотямъ; ибо что мы получаемъ чрезъ внѣшнюю торговлю, какъ не предметы роскоши, имѣя у себя въ излишествѣ всѣ предметы необходимости? Слѣдовательно всѣ невыгоды, противъ которыхъ вопіютъ сіи политики, касаются только предметовъ роскоши.

(*) Чрезвычайно высокими пошлинами, или лучше сказать, запрещеніемъ ввоза иностраннаго хлѣба и другихъ первыхъ потребностей Англія дѣйствуетъ на оборотъ.

Извѣстно ли вамъ, Мм. Гг. чувство патріотизма, то высокое, благородное чувство, которое побуждаетъ жертвовать своими капиталами, а иногда всею своею собственностію для выгодъ Отечества? — А вы гнѣваетесь на него за то только, что въ теченіе цѣлаго года платите нѣсколько лишнихъ рублей для его пользы!

Я останавливаюсь при семъ, чтобы изъяснить нѣкоторыя мысли особеннаго рода, но имѣющія отношеніе къ нашему предмету. — За нѣсколько лѣтъ назадъ мы получали иностранныя издѣлія гораздо худшаго достоинства противъ нынѣшнихъ и которыя, можетъ быть, равнялись производимымъ теперь у насъ. Почему же не вопіяли тогда противъ иностранныхъ произведеній и почему не хотятъ подождать усовершенствованія собственныхъ, которое такъ быстро совершается предъ нашими глазами? И почему также не обратятъ воплей противъ самихъ иностранцевъ, чтобы они производили свои издѣлія еще со-

вершенѣйшими и продавали бы оныя еще дешевѣйшею цѣною?

Что же касается, Господа, до страшной для васъ цѣны отечественныхъ произведеній: то потерпите не много. Совмѣстничество производителей, пріобрѣтенная опытность и изученное искуство доведутъ наконецъ цѣны до настоящей степени оныхъ.

Посмотрите съ другой стороны на самое большое число вашихъ соотечественниковъ, которые не только довольствуются отечественными произведеніями, но отказваютъ себѣ, по мѣрѣ невозможности, въ покупкѣ лучшихъ изъ нихъ и не плачутся за то на судьбу, не ропщутъ на Правительство и на трудолюбивыхъ согражданъ своихъ; а вы требуете, чтобы Правительство для удовлетворенія вашихъ прихотей разрушило наши Мануфактуры и разорило нашу промышленность!

„Пусть уничтожатся у насъ нѣкоторыя Мануфактуры, говорите вы; народная промышленность отъ сего не

потерпитъ. Предпріимчивость промышленниковъ и капиталы обратятся на другіе предметы, болѣе выгодные, откроютъ новыя отрасли произвожденія, получатъ новыя прибыли."

Мы скажемъ на оборотъ, что наша промышленность все потеряетъ отъ свободнаго, неограниченнаго ввоза иностранныхъ издѣлій, что ясно видно изъ преждесказаннаго и жалѣемъ, очень жалѣемъ, что вы, Господа, съ такимъ ожесточеніемъ обрекаете на погибель наши Мануфактуры и добрыхъ, трудолюбивыхъ своихъ соотечественниковъ и въ удовлетвореніе суетныхъ идей вашихъ хотите дерзко играть Судьбою вашего Отечества и ставите въ лотерею настоящее и будущее благосостояніе онаго!!!

Отечество ваше видѣло уже паденіе и разрушеніе возникшихъ въ немъ до 1818 года Мануфактуръ, но не замѣтило распространенія отъ того нашей промышленности до 1822, когда изданъ послѣдній Тарифъ; а съ сего года

по нынѣшнее время — *въ теченіи только десяти лѣтъ*, она столько оказала успѣховъ, чего не могла достигнуть въ цѣлыя предшествовавшія столѣтія, хотя наполнявшіе рынки наши иностранные товары ежемгнутно *возбуждали соревнованіе*, по словамъ вашимъ.

Вы говорите, что по паденіи нѣкоторыхъ Мануфактуръ предпріимчивость нашихъ промышленниковъ и капиталы обратятся на другіе предметы, болѣе выгодные, откроютъ новыя отрасли произвожденія, получатъ новыя прибыли." — Но почему же не потрудитесь указать намъ, на какіе именно предметы обратятся тогда наши капиталы и предпріимчивость нашихъ промышленниковъ? За чѣмъ держите въ секретѣ тѣ новыя отрасли произвожденія, которыя дадутъ намъ тогда новыя прибыли? Не есть ли это однѣ только темныя, мечтательныя предположенія и пустыя фразы безъ всякой существенности? — Легко разсказывать, а еще легче повторять чужія сказки; но трудно на самомъ дѣ-

лѣ разрушать заколдованные теремы и побѣждать волшебниковъ, какъ Ерусланъ Лазаревичь. — Впрочемъ, если вы храните въ душѣ вашей таковый секретъ: то будьте снисходительны къ вашимъ соотечественникамъ, повѣдайте намъ свои тайны, успокойте наши невѣжественныя опасенія; ибо сколько мы ни пересматриваемъ начатки нашей промышленности и богатыя, до безчисленности разнообразныя отрасли промышленности другихъ народовъ, мы всегда останавливаемся на слѣдующихъ, страшныхъ для насъ мысляхъ: что Россія, богатая всѣми естественными произведеніями, хотя не имѣетъ нужды въ предметахъ первой необходимости, но въ приведеніи сихъ даже предметовъ къ надлежащему совершенству, она далеко, далеко еще не сравнялась съ иностранными государствами; что всѣ прочія искуства, ремесла и художества, вопреки восклицаніямъ нашихъ Ораторовъ — Политиковъ, находятся у насъ въ младенчествующемъ состояніи противъ ино-

странныхъ, (къ большему уразумѣнію чего просимъ вникнуть также въ существенныя основанія нашихъ Мануфактуръ — какъ оныя зыбки!); что иностранныя произведенія, кромѣ совершенства въ качествѣ и въ отдѣлкѣ, имѣютъ предъ нашими чрезвычайное преимущество въ цѣнѣ (ежели исключить пошлины).

Изъ всего этаго могутъ произойти страшныя послѣдствія, а именно, что свободнымъ, неограниченнымъ ввозомъ иностранныхъ издѣлій не только можетъ разрушиться вся наша обработывающая промышленность, но уже никогда не возстанетъ; ибо ни въ какомъ отношеніи невозможно будетъ нашимъ произведеніямъ выдерживать соперничества съ иностранными и явиться вмѣстѣ съ ними на рынки; а при огромныхъ выгодахъ, представляющихся въ свободной торговлѣ, иностранцы конечно не упустятъ изъ виду и того, чтобы во все подорвать оставшіяся или вновь появляющіяся Мануфактуры, унизивши на пред-

меты оныхъ цѣны своимъ издѣліямъ; они не затруднятся временными убытками пожертвовать для будущихъ выгодъ или поставить оныя однѣ на счетъ другихъ и наконецъ, по разрушеніи промышленности нашей, не только остановится нынѣшняя наша образованность, которая вообще развивается только совмѣстно съ успѣхами промышлености, но будетъ упадать ниже и ниже; ибо остановится общественная дѣятельность и прежняя безжизненность покроетъ наше Отечество (*).

Не тягостно для народа постепенно снизходить отъ богатства къ бѣдности; не мучительна для людей бѣдность, когда отъ самой колыбели идетъ она съ ними рука въ руку по пути жизни; но вдругъ низвергнуться въ нищету съ верху благополучія, вдругъ лишиться радостей и наслажденій жизни —

(*) Покровительство, оказываемое иностранцамъ Царемъ Іоанномъ Василіевичемъ Грознымъ, подавило въ Русскихъ духъ предпріимчивости, говоритъ Эверсъ.

это поражаетъ силы душевныя и тѣлесныя, это — потрясаетъ самую нравственность!

Да идетъ чаша сія мимо тебя, дражайшее Отечество! Да бодрствуетъ мудрое Правительство на предѣлахъ твоихъ и да недопуститъ проникнуть внутрь оныхъ коварство съ его обольщеніями!

Нужно ли говорить еще о возгласѣ противу пошлинъ, который натурально заключается въ проповѣди о свободѣ торговли? Наши теоретики въ пылу своего энтузіазма забываютъ объ основаніяхъ, на которыхъ утверждаются пошлины.

Мм. Гг. сіи основанія суть тѣже самыя, на которыхъ утверждаются налоги на поданныхъ.

Съ самаго начала образованія обществъ принято за правило, что тотъ, кто хочетъ пользоваться выгодами общества, долженъ нести и тягости она-

го. На семъ всемірномъ правилѣ сохраняется и совершенствуется гражданская жизнь у всѣхъ народовъ. Въ обществахъ устроенныхъ и образованныхъ тягости сіи выражаются налогами, кои платятъ подданные Правительству (*).

Слѣдовательно, ежели иностранцы желаютъ пользоваться выгодами отъ какого либо общества: то не должны-ли они по всей справедливости участвовать и въ тягостяхъ онаго, т. е. платить налоги, которые въ отношеніи къ нимъ именуются пошлинами?

„Но, — возразятъ мнѣ, пошлины и налоги — какая соразмѣрность!“ Самая справедливая, Мм. Гг., ежели вы не забудете принять въ разсчетъ, что подданный отъ начала до конца жизни своей несетъ тягости общественныя, а иностранецъ подвергается онымъ только временно, т. е. при привозѣ своихъ произведеній. Еслиже къ сему потруди-

(*) См. о семъ въ сочиненіи: *о соразмѣрности налоговъ со способами платящихъ и пр.*

тесь принять въ соображеніе еще и то, что отецъ и дѣдъ вашего соотечественника также постоянно участвовали въ тягостяхъ общественныхъ, что сынъ и внукъ его должны будутъ платить налоги для тогоже общества, отъ котораго иностранцы хотятъ получать выгоды: то вы безъ сомнѣнія возмете назадъ билль вашъ объ уничтоженіи пошлинъ!

Вотъ законныя, нерушимыя основанія пошлинъ, не говоря даже о видахъ Правительства къ развитію, распространенію и усовершенствованію промышленности, или, точнѣе сказать, къ развитію и усовершенствованію самой жизни народовъ!

СОБЛАЗНИТЕЛЬ.

Повѣсть.

Давно, очень давно жилъ въ одномъ городѣ богатый скряга. Милліоны золотой и серебрянной монеты хранились въ желѣзныхъ сундукахъ его. Лавка съ богатымъ товаромъ ежегодно увеличивала тяжесть оныхъ, а онъ не смѣлъ истратить ни копѣйки, ни денежки сверхъ скуднаго удовлетворенія самыхъ крайнихъ нуждъ своихъ. Все семейство его состояло изъ одного только сына, лѣтъ двадцати и прикащика, который замѣнялъ у него и дворника и кухарку и прачку и всякую другую прислугу, даже собаку.

Не удивляйтесь этому. Скажу вамъ еще удивительнѣе. Онъ самъ собственною персоною своею замѣнялъ оную. Ко-

гда издохла несчастная тварь, караулившая домъ его, отъ старости ли или отъ голоду, что вѣроятнѣе: то онъ придумалъ, для избѣжанія траты на покупку другой и для сохраненія издержекъ на кормъ, караулить самому оный. И такъ по смерти несчастной твари, при наступленіи ночи, онъ начиналъ обходить и осматривать дворъ; потомъ садился на крыльцѣ, гремѣлъ по временамъ цѣпью, лаялъ и воилъ и такимъ образомъ замѣнялъ вѣрнѣйшаго стража своихъ сокровищъ. Когда же сонъ склонялъ его къ постели: то онъ будилъ прикащика для той же цѣли. По старости лѣтъ своихъ, часто просыпаясь, онъ выходилъ всякой разъ на крыльце повѣрять исправность прикащика, а когда сонъ разсѣявался: то онъ милостиво отпускалъ его спать, а самъ занималъ опять мѣсто сторожа. Но сына никогда не рѣшался употреблять вмѣсто собаки; даже, когда прикащикъ бывалъ болѣнъ, то онъ самъ цѣлую ночь проводилъ на дворѣ.

Черный хлѣбъ и квасъ съ лукомъ были обыкновенною пищею нашего богача и двухъ его домочадцевъ, а въ праздники кувшинъ молока составлялъ всю роскошь стола ихъ. Платье для себя, для сына и прикащика покупалъ онъ на толкучемъ рынкѣ старое, поношенное и натурально самое дешевое.

Вотъ весь образъ жизни нашего скряги. Хотя сынъ его съ самаго малолѣтства приученъ былъ къ оному, но жаркая пора юности, столь ужасно стѣсненная, образъ жизни другихъ купцовъ, сосѣдей его по торговлѣ, даже ихъ прикащиковъ, невольно возбуждали въ немъ зависть, которая грызла его сердце, наводила на душу уныніе и мало по малу повергла въ тоску, а иногда пробуждала мрачныя мысли, и разгоряченное воображеніе не одинъ разъ готово было вспыхнуть, чтобы освободиться отъ ужаснаго ига. Такъ тяготила несчастнаго несносная жизнь; нѣсколько разъ заводилъ онъ разговоръ съ отцемъ объ улучшеніи своего состоянія, но свер-

каніе взоровъ, дрожаніе всѣхъ членовъ, ужасъ и бѣшенство, появлявшіяся на челѣ родителя отъ одного намека сына, лишали сего послѣдняго всякой надежды и приводили въ отчаяніе.

Въ темныхъ сумеркахъ шелъ однажды Терентій (имя сына) изъ лавки своей, которую по приказанію отца долженъ былъ запирать послѣ всѣхъ прочихъ купцовъ въ надеждѣ, не навернется ли какой покупщикъ. Мрачныя мысли возмущали душу и невольный трепетъ пробѣгалъ по его жиламъ. Погруженный въ уныніе о стѣсненномъ положеніи своемъ, онъ не обращалъ вниманія на окружающіе предметы, ошибся улицею и не замѣчая того, очутился въ концѣ города. Здѣсь только замѣтилъ онъ свою ошибку, и не зналъ, куда ему направить путь свой. Осматриваясь кругомъ, увидѣлъ онъ проходившаго незнакомаго ему человѣка и обратился къ нему съ просьбою показать, куда пройти въ такую-то улицу. „Трудно будетъ тебѣ, любезный, отыскать ее отсюда въ

такой темнотѣ, отвѣчалъ незнакомый; не хочешъ ли пройти со мною нѣсколько переулковъ, а тамъ повернешь въ свою улицу. „Терентій охотно согласился и они отправились вмѣстѣ. Между тѣмъ незнакомецъ спросилъ его, кто онъ таковъ и услышавъ его имя, вскричалъ: какъ, это ты Терентій Власичь? Очень, очень радъ такой встрѣчѣ. Давно мы съ тобой не видались; каково поживаешь; у васъ, говорятъ, горы золота? — Но кто вы? спросилъ Терентій съ стѣсненнымъ сердцемъ. — „Помнишь ли ты въ училищѣ шалуна Виктора, отвѣчалъ незнакомецъ, съ которымъ всякую субботу была разплата розгами за всѣ его проказы въ теченіе недѣли и который, не смотря на то, всю новую недѣлю позволялъ себѣ полную свободу проказничать и буянить? И ты, кажется, не одинъ разъ ходилъ отъ меня съ фонарями подъ глазами и у тебя таки повытекло довольно крови изъ носу.„ — Такъ это вы, сударь Викторъ Васильевичь; я бы васъ ни какъ

не узналъ. — „Да, трудно было бы тебѣ узнать меня днемъ, а не только ночью; мы съ тѣхъ поръ, кажется, и не видались; при томъ же я перемѣнился, очень перемѣнился. Живу степенно и хотя не люблю уже буянить и проказничать; однакожъ не люблю сидѣть и въ заперти, насупя брови; у меня есть порядочные пріятели, съ которыми я весело провожу время.„

Разсказывая о своей жизни и вспоминая прежнія училищныя шалости, Викторъ, остановясь на концѣ одной улицы и показывая на другую, сказалъ: вотъ по этой улицѣ ты пройдешь къ своей, но я тебя не отпущу безъ того, чтобы ты не побывалъ у меня. — Но, мой батюшка будетъ безпокоиться. — „Вздоръ какой; вѣдь не повѣситъ же онъ тебя за то, что ты на минуту зашелъ навѣстить стараго товарища; а въ случаѣ бѣды мы тебя выручимъ: я служу у . . . и не договоривъ имени, потащилъ его за руку къ себѣ въ домъ.

При входѣ въ комнаты нашли они двухъ молодыхъ людей порядочно одѣтыхъ, изъ которыхъ одинъ сказалъ: гдѣ ты запропастился Викторъ; пора ужинать. — Да я отыскалъ своего стараго знакомаго, который будетъ нашимъ. — Хорошо! хорошо! отвѣчали оба незнакомца и вставши со стульевъ ласково приглашали гостя не церемониться и приказали подавать ужинать. Старая, курносая кухарка поставила на столъ кушанье, пріятный запахъ коего поразилъ обоняніе нашего постника. Викторъ спросилъ водки и началъ потчивать Терентія, но онъ отказался отъ оной. „А! знаю, сказалъ Викторъ, купцы любятъ бѣлинькое; подай-ка бутылочку. Терентій не могъ отказаться выпить рюмку. Сѣли за столъ, началась бесѣда, шутки. Викторъ между тѣмъ спросилъ бутылочку краснинькаго.

Отъ одного запаха кушанья несчастный Терентій пришелъ въ восторгъ; выпивши же рюмки двѣ вина и отвѣдавши никогда не знакомаго вкусу

его купанья, онъ оживился, позабылъ и про время и про отца и готовъ былъ, кажется, навсегда поселиться у своего пріятеля. Но часы пробили одинадцать и напомнили, что давно, давно уже пора быть ему дома. Викторъ не сталъ его удерживать и просилъ навѣщать старыхъ пріятелей. Терентій, хотя радъ былъ такому приглашенію, но отговаривался, что отецъ запретилъ ему всякія знакомства. „Когда нибудь вечеркомъ можно таки посѣтить стараго товарища; почемужъ иногда не разсѣять грусть свою въ кругу пріятелей; мы живемъ таки не скучно.“ — Терентій отъ души вѣрилъ послѣднимъ словамъ его и не смотря на запрещеніе отца, согласился на ласковое приглашеніе Виктора, который такъ дружески обращался съ нимъ. — Но, сказалъ онъ, я не отыщу вашего дома; я не знаю, гдѣ вы живете. — „Объ этомъ не безпокойся, любезный; я когда нибудь самъ зайду за тобою въ лавку.“ Терентій согласился и отправился домой.

Къ счастію его на сей разъ, что отецъ былъ нездоровъ и должность сторожа и собаки исправлялъ прикащикъ, который тотчасъ отворилъ ворота, впустилъ Терентія и сказалъ ему, что батюшка очень безпокоится объ его отсутствіи. Терентій явился къ отцу, оправдался тѣмъ, что заблудился въ темнотѣ, но все таки получилъ въ наказаніе отказъ въ ужинѣ, о чемъ, правду сказать, онъ и не сокрушался.

Всю ночь бѣдный Терентій промечталъ о сладости жизни другихъ. Распаленное воображеніе не позволяло ему ни на минуту сомкнуть глазъ своихъ, а мысль объ отвратительномъ, гнусномъ житьѣ своемъ наводила черныя тѣни на его существованіе. Съ мрачнымъ видомъ явился онъ къ завтраку, но болѣзнь не позволила отцу замѣтить онаго, а малый аппетитъ къ кушанью приписывалъ онъ сердечному сокрушенію объ оной.

Терентій по преждему началъ ходить въ лавку, но сидя въ ней уже не закликалъ покупщиковъ съ прежнею неугомонною ревностію, а дѣлалъ это иногда только машинально, по вкоренившейся привычкѣ. Съ отвращеніемъ и съ какимъ-то трепетомъ принималъ онъ теперь отъ нихъ деньги за товары. Тоска грызла его сердце и болѣе и болѣе усиливалась. Такъ прошло нѣсколько недѣль, какъ вдругъ однимъ вечеромъ промелькнуло мимо его знакомое лице. Кровь вспыхнула въ немъ и онъ невольно высунулся изъ лавки, чтобы разсмотрѣть кто прошелъ. Но покупщикъ ли то или кто другой, далеко уже былъ отъ него. Такъ какъ нѣкоторые сосѣди его стали уже запирать лавки: то, измученный мыслями и тоскою и Терентій началъ собираться домой ранѣе обыкновеннаго, позабывъ о строгомъ запрещеніи отца и объ ожидающихъ его жестокихъ выговорахъ и упрекахъ за рановременное оставленіе торговли. Уже повернулъ онъ ключь въ замкѣ, какъ кто-то тихо ударивъ

его по плечу, сказалъ привѣтливо: здравствуй, Терентій Власьевичь? — Терентій обернувшись узналъ Виктора и какая-то живая радость пробѣжала по всѣмъ членамъ его. — Я пришелъ за тобою; сего дня день моего рожденія; у меня небольшой праздникъ, будутъ мои пріятели. Я надѣюсь, что и ты не откажешся; теперь же еще рано, успѣешь и домой къ ужину, если не захочешь ужинать съ нами. — Терентій видя, что онъ очень рано противъ обыкновеннаго заперъ свою лавку, ибо не болѣе трехъ или четырехъ только сосѣдей заперли свои, согласился на предложеніе Виктора и отправился съ нимъ.

Войдя въ домъ или квартиру Виктора, нашли они уже нѣсколько гостей мужескаго и женскаго пола, которые весело и привѣтливо встрѣтили и гостя и хозяина. Вслѣдъ за тѣмъ прибыло еще нѣсколько гостей. Явилась музыка, начались веселыя пляски, и пошла шумная пирушка. Вино безпрерывно

лилось изъ бутылокъ, разныя кушанья и сласти непрестанно смѣнялись однѣ другими.

Терентій былъ очарованъ: всѣ пять чувствъ его были въ упоеніи, а нѣсколько рюмокъ вина за здоровье новорожденнаго, отъ чего онъ съ начала не могъ, а послѣ не хотѣлъ уже и самъ отказываться, привели его въ восторгъ и даже развязали языкъ его и онъ самъ уже началъ ласкаться къ ласковымъ къ нему дамамъ и даже наконецъ дерзнулъ... поцѣловать одну изъ нихъ.

Упоеніе любви взволновало тихое, медленное до того времени теченіе крови его; сладость перваго поцѣлуя показалась ему неизъяснимымъ блаженствомъ и онъ осмѣлился нѣсколько разъ повторить его, осмѣлился упиваться имъ и даже не хотѣлъ бы никогда прерывать его, еслибы Викторъ не напомнилъ, что ему время возвратиться къ отцу. — Не пойду, не хочу, было рѣшительнымъ отвѣтомъ Терентія. — Викторъ замѣтилъ ему о строгости отца и о безпо-

койствѣ объ его отсутствіи. — Не пойду, не хочу, повторялъ Терентій, цѣлуя избранную имъ даму или лучше сказать, которая сама избрала его. — Викторъ началъ опять просить его, уговаривать, прибавивъ, что всѣ гости сей часъ разъѣдутся. — Тогда и я пойду отвѣчалъ Терентій. — По знаку Виктора гости начали уходить. Викторъ опять приступилъ къ Терентію, а Терентій опять отвѣчалъ: я умру здѣсь, а не пойду. — Наконецъ подали дрожки и Викторъ сказалъ ему, что онъ насильно отвезетъ его къ отцу. — Я не поѣду безъ Марфы Ѳедоровны-съ, кричалъ Терентій, хлопая глазами и размахивая руками. — Нечего было дѣлать; посадили на дрожки и Марѳу Ѳедоровну и довезя до двора, ссадили Терентія, который простясь съ Марфою, былъ впущенъ въ домъ и болѣе не помнилъ ни чего.

Уже давно разсвѣло, а Терентій спалъ не пробуднымъ, богатырскимъ сномъ, производя разнородные звуки музыкальнымъ носомъ своимъ. Съ ужасомъ

стоялъ передъ нимъ отецъ его. Нѣсколько разъ принимался онъ дрожащими руками пробудить сына, но Терентій не слушался его, продолжая храпѣть, бормотать и стонать. Нѣсколько разъ старикъ брался за палку, но родительскія руки невольно ослабѣвали и дубинка выпадала изъ оныхъ. Наконецъ пришло ему на мысль окачивать сына водою. Послѣ нѣсколькихъ усердныхъ поливаній дрожь проняла Терентія и онъ наконецъ очнулся къ радости заботливаго отца.

Увидѣвши свѣтъ, Терентій поспѣшно вскочилъ съ постели и торопливо началъ одѣваться, имѣя въ мысли, что онъ опоздалъ въ лавку. Молча, смотрѣлъ на него отецъ, не дѣлая ни выговора, ни упрека, дабы не помѣшать ему отправиться къ своему дѣлу. Не говоря также ни слова, дозволилъ онъ ему позавтракать, а можетъ быть торопливость Терентія, поспѣшавшаго въ лавку, обезоружила родительское сердце и связала уста его.

По уходѣ же Терентія горесть и ужасъ объ опасномъ положеніи сына овладѣли всѣми чувствами старика. Всплеснувъ руками онъ упалъ въ безчувствіи на полъ, но не кому было подать ему помощи, хотя бы ударъ сей былъ смертельнымъ. Долго лежалъ онъ безъ памяти, но остатки физическихъ силъ возобновили жизнь въ его организмѣ и онъ наконецъ опамятовался. Вспомнивши мало по малу все случившееся и причину своего паденія, съ стѣсненнымъ сердцемъ всталъ бѣдный страдалецъ и первое движеніе ногъ своихъ направилъ въ кладовую. Съ трепетомъ началъ осматривать сундуки свои; но его уже не успокоила и непорадовала, какъ прежде, увѣренность что все находится въ надлежащей исправности и цѣлости. Смотря съ сокрушеннымъ сердцемъ на свои сокровища, онъ погрузился въ горестныя думы о причинѣ поступка сыновняго. Обдумывая оный со всѣхъ сторонъ и разсуждая о могущихъ произойти отъ того послѣдствіяхъ, онъ рѣшился не говорить

ни слова сыну, доколѣ не узнаетъ точно что̀ было причиною перемѣны его поведенія, и какія произойдутъ дальнѣйшія отъ того послѣдствія.

Терентій по прежнему началъ приходить и уходить къ своей должности, но мрачныя думы и внутренняя борьба чувствъ ясно изображались на лицѣ его. Отецъ видѣлъ все это, но показывалъ, что того не замѣчаетъ. Наконецъ Терентій, не въ силахъ будучи выносить чувствъ своихъ, рѣшился при первомъ случаѣ высказать ихъ отцу своему, но привычка къ повиновенію и уваженіе къ старости родителя связывали языкъ его и онъ отъ времени до времени откладывалъ тяжкое свое намѣреніе, какъ наконецъ представился ему слѣдующій случай.

Въ приходѣ ихъ былъ храмовый праздникъ. Послѣ обѣдни одинъ изъ знакомыхъ силою затащилъ обоихъ къ себѣ на водку. Прекрасные пироги, свѣжая икра, соблазнительная Голландская селедка и прочее приличное торжественному дню угощеніе разлакомили не толь-

ко Терентія, но и самаго старика, хотя они сначала оба сильно противились искушенію: одинъ изъ опасности прельщенія, а другой изъ повиновенія волѣ родителя; но оба не могли никакъ отказаться отъ радушнаго угощенія хозяевъ и принуждены были также выпить по рюмкѣ вина, чего было довольно для молодаго постника, чтобы возобновить въ воображеніи его нѣкоторыя пріятныя сцены, и онъ рѣшился поговорить съ отцемъ.

„Вотъ, батюшка, какъ живутъ добрые люди, началъ Терентій пришедши домой и раздѣваясь, а у нихъ не такъ много денегъ какъ у насъ съ вами."

Отецъ задрожалъ всѣми членами услышавши ужасный приступъ дерзкой рѣчи, которую сынъ намѣренъ былъ обратить къ нему. Вздрогнулъ и сынъ взглянувши на искривленное и помертвѣвшее лице, помутившіеся глаза и подымавшіеся на головѣ отца волосы. Но ужасъ, представлявшійся ему въ будущемъ, былъ сильнѣе ужаса, наведеннаго на него измѣ-

нившимся положеніемъ родителя и онъ рѣшился продолжать рѣчь свою:

„Проклятъ скрываяй талантъ свой, говоритъ Святое Писаніе и это правда. Мы живемъ совершенно, какъ проклятые; не только не имѣемъ ни какихъ радостей въ жизни, но сами себя лишаемъ всякаго добра; отказываемся отъ добрыхъ людей для того только, чтобы не истратить лишней копѣйки.“

Знаете ли, что отецъ обрадовался приведенному сыномъ тексту Св. Писанія? — Ему случалось слышать толкованіе сего текста, что подъ словомъ *талантъ* разумѣются не сокровища только, но и способности, данныя намъ Творцемъ. Итакъ онъ мгновенно оправился отъ своего смущенія.

. . . . . (*)

(*) Боясь наскучить читателямъ величиною повѣсти, я принужденъ выпустить здѣсь разговоръ отца съ сыномъ, изображающій борьбу скаредной скупости съ родительскою любовію, а помѣстить только окончаніе повѣсти.

Съ усиліемъ вырвался наконецъ Терентій изъ рукъ отца своего и бросился со двора. Пламенные взоры, растрепанные волосы и безпорядокъ одежды обращали на него взоры всѣхъ проходящихъ, но онъ не обращалъ ни на кого своихъ. Не зная ни куда, ни зачѣмъ идетъ, онъ поспѣшалъ однакожъ по улицамъ и переулкамъ, какъ будто кто по пятамъ его преслѣдовалъ. Бѣгая и кружась по городу, онъ выбрался наконецъ въ поле и изможденный усталостію, истерзанный буревавшими въ груди его чувствами, онъ упалъ на землю, и въ какомъ-то оцѣпенѣніи пролежалъ неподвижно до самой ночи, какъ вдругъ услышалъ наскакавшаго почти на него всадника, котораго лошадь, упершись надъ его головою, остановилась и захрапѣла. Терентій, встрепенувшись, невольно поднялся на ноги. „Кто тутъ? вскричалъ всадникъ, удерживая подымавшуюся на дыбы лошадь.“ — Не собравшись еще съ духомъ Терентій стоялъ неподвижно, не отвѣчая ни слова. — „Кто ты и

за чѣмъ лежишь на дорогѣ, повторилъ всадникъ; я могъ бы раздавить тебя въ такой темнотѣ.“ — О! я былъ бы радъ, если бы ты меня совсѣмъ уничтожилъ, отчаяннымъ голосомъ отвѣчалъ Терентій! — „Что ты, любезный, что съ тобою сдѣлалось, съ участіемъ сказалъ первый.“ — Оставьте меня, почтеннѣйшій, вы не можете помочь моему несчастію, сказалъ Терентій, и горько зарыдавши бросился опять на землю.

Тронутый всадникъ, поласкавши тревожившуюся лошадь, всталъ съ оной и подошелъ къ страдальцу, который не переставалъ рыдать. Долго стоялъ онъ, молча надъ бѣднымъ Терентіемъ, дожидаясь, пока слезы облегчатъ его и потомъ началъ его успокоивать, предлагая во всякомъ случаѣ свою помощь и защиту. Такое безкорыстное участіе, если не утишило совсѣмъ мукъ Терентія, по крайней мѣрѣ нѣсколько облегчило ихъ, и онъ сквозь слезы проговорилъ свою благодарность за изъявленное ему состраданіе. Мало по малу не-

знакомецъ обратилъ на себя его вниманіе и началъ упрашивать, хотя на ночь, укрыться въ его домѣ. Терентій сначала отвергалъ его предложенія, но наконецъ согласился на убѣдительныя просьбы.

Незнакомецъ, желая дать ему время успокоиться, молча привелъ его въ домъ свой. Но представьте себѣ удивленіе Терентія, когда онъ при свѣчахъ увидѣлъ въ немъ извѣстнаго и намъ Виктора? — Онъ бросился къ нему въ объятія и снова зарыдалъ, какъ ребенокъ. Наплакавшись досыта, бѣдный Терентій нѣсколько успокоился. Викторъ съ искреннимъ видомъ участія и съ большою осторожностію началъ было выпытывать у него причину его горести, но уваженіе къ власти родителя воспретило Терентію объяснить оную. Оставивъ свою попытку, Викторъ старался шутками развлекать своего пріятеля и веселыми разговорами и живостію во время ужина до того успѣлъ занять мысли его и разсѣять его грусть, что онъ и не замѣтилъ, какъ прошла

ночь и уже показался день, когда легъ онъ спать у своего пріятеля.

Безъ сомнѣнія предшествовавшія страданія и истощеніе силъ, а можетъ быть и лишняя рюмка вина за ужиномъ, чего Терентій конечно и не замѣтилъ во время шутокъ и розсказней своего пріятеля, такъ усыпили его, что онъ проспалъ день почти безъ движенія и проснулся уже въ наступавшую ночь. Лишь только подалъ онъ знакъ о своемъ пробужденіи, какъ явился къ нему добрый Викторъ, спросилъ его о здоровьи, пожелалъ ему всякаго благополучія, приказалъ подать умыться и приглашалъ пить чай. Терентій вышелъ наконецъ къ своему пріятелю, который тотчасъ сталъ потчивать его чаемъ, потомъ кофеемъ, послѣ котораго подали закуску, водку и вино; ибо у Виктора были и другіе гости. Разговоръ сдѣлался развязнѣе, веселѣе. Тутъ явились новые гости — мужчины и женщины. Бесѣда сдѣлалась еще живѣе. Поданы новыя кушанья и вина, которыя привели въ большую дѣя-

тельность уста и языки присудствовавшихъ, и Терентій, дотолѣ молчаливый, задумчивый и застѣнчивый увлекся наконецъ общею живостію и развивавшимися болѣе и болѣе удовольствіями и забавами. Общая веселость вытѣснила мрачныя мысли изъ души его, коснулась его сердца, разлилась по омертвѣвшимъ было его чувствамъ и до того овладѣла ими, что онъ и не помнилъ уже, какъ легъ спать.

И опять проснулся Терентій съ наступленіемъ ночи, но всталъ уже съ пріятными воспоминаніями о вчерашнемъ. И снова встрѣтили его радости и забавы, но съ большею живостію и съ большимъ шумомъ и разнообразіемъ. И снова пролетѣла незамѣтно ночь. Послѣдующія за тѣмъ ночи, число коихъ намъ не извѣстно, пролетали уже въ пирахъ буйныхъ и соблазнительныхъ и не давали опомниться несчастному Терентію, а только болѣе и болѣе скрѣпляли узы дружбы и любви съ Викторомъ, кото-

рый наконецъ вполнѣ овладѣлъ его душею и сердцемъ.

Вотъ Викторъ коснулся уже и того, что Терентій при всѣхъ своихъ страданіяхъ почиталъ для себя священнымъ, а для всѣхъ прочихъ завѣтнымъ и неприкосновеннымъ — т. е. о жестокихъ съ нимъ поступкахъ отца. Сперва намеками, потомъ сравненіями жизни своей съ стѣсненною жизнію Терентія онъ мало по малу раздражилъ его чувства и воображеніе, поселилъ въ немъ отвращеніе и ненависть къ тяжкой волѣ родителя и наконецъ представилъ ему ожидавшую его еще ужаснѣе будущность, когда онъ возвратится къ отцу и до того довелъ, что Терентій, бросившись въ его объятія, вскричалъ: спаси меня, другъ мой, спаси меня! Я предаюсь волѣ твоей!"

Утвердивши Терентія въ его отчаяніи Викторъ началъ разсуждать съ нимъ о способахъ къ улучшенію его участи; предлагалъ разныя мѣры, которыя самъ потомъ опровергалъ и разрушалъ, и всѣ свои разсужденія сводилъ къ об-

виненію отца, якобы беззаконно и безчеловѣчно поступавшаго съ сыномъ и столь гнусно и безумно копившаго свои сокровища; ясно, какъ 2+2=4, доказалъ Терентію, что онъ и по природѣ и по законамъ имѣетъ полное право на пользованіе тѣми сокровищами, въ скопленіи коихъ онъ самъ уже нѣсколько лѣтъ участвовалъ своими трудами и что только скаредная скупость отца препятствуетъ ему, какъ другимъ дѣтямъ, наслаждаться ими.

Утомляя разсудокъ Терентія разными умствованіями и софисмами, дѣйствуя на воображеніе его ужасомъ будущаго, а на чувства отвратительными и блестящими картинами, Викторъ усыпилъ наконецъ совѣсть его и согласилъ взять самому хотя часть тѣхъ сокровищъ, которыя рано или поздно должны будутъ принадлежать ему, какъ единственному наслѣднику и которыхъ часть принадлежитъ ему и теперь, какъ участнику въ пріобрѣтеніи оныхъ. И такъ рѣшено исполнить столь справедливую мысль. Оставалось

узнать, согласится ли участвовать прикащикъ въ ихъ предпріятіи и положено приступить къ тому въ слѣдующую ночь.

Приступая къ исполненію благихъ намѣреній, Викторъ не позабылъ снова воспламенить чувства и воображеніе Терентія и еще болѣе усыпить его совѣсть приличными къ тому мѣрами. Рѣшительно утвердивши его въ предпріятіи, Викторъ съ двумя товарищами сопровождалъ Терентія къ его дому.

Зная всѣ части и закоулки онаго, Терентій безъ большаго труда взобрался на дворъ и нашедши карауливщаго оный прикащика освѣдомился во первыхъ о состояніи отца. Узнавши, что онъ, со времени его побѣга, лежитъ въ постели, Терентій вызвалъ прикащика на улицу къ своимъ товарищамъ, которые спросивши также о положеніи отца, пригласили его къ себѣ для совѣщанія о дѣлѣ Терентія. — Обласкавъ и разугостивъ его у себя, какъ можно лучше, они пригласили его опять въ слѣдующую ночь

для рѣшенія участи Терентія, скрывая отъ него дальнѣйшія свои намѣренія.

По прибытіи на другой день прикащика, снова начали разсуждать съ нимъ о поправленіи дѣлъ Терентія и даже его собственныхъ, подкрѣпляя свои разсужденія виномъ, обѣщаніями и подарками.

Будучи одинакихъ лѣтъ съ Терентіемъ, любя его за кротость и оказываемую всегда къ нему дружбу, прикащикъ изъявлялъ искреннее участіе въ его положеніи и готовъ былъ на все для него согласиться. Но когда предложили ему коснуться самовольно добра его хозяина: то онъ вдругъ какъ бы очнулся и рѣшительно отказалъ въ ихъ предпріятіи. Никакія умствованія, никакія убѣжденія и обѣщанія, ни вѣрная надежда на поправленіе собственной бѣдности — ни что не поколебало его упорства. Сколько ни изворачивались передъ нимъ Викторъ и друзья его, онъ оставался твердъ въ своемъ отказѣ. Видя такое упрямство, они смягчили разговоръ и взяли только съ него слово быть въ

слѣдующую ночь для разсужденія по крайней мѣрѣ о средствахъ примиренія отца съ сыномъ.

Не долго разсуждалъ прикащикъ о средствахъ примиренія отца съ сыномъ. Сонъ быстро овладѣлъ его чувствами. Викторъ съ товарищами, уложивши его на покойный диванъ, отправились вмѣстѣ съ Терентіемъ въ домъ его.

Не встрѣчая ни какого препятствія, они проникли въ кладовую и вмѣсто предположенной части сокровищъ, якобы законно принадлежавшей сыну, разсудили за благо оставить отцу только часть оныхъ для прожитія небольшаго остатка лѣтъ, назначенныхъ ему природою, а все прочее, какъ излишнюю и обременительную для его старости тягость взвалили на телѣгу и отправились обратно въ домъ Виктора.

Громъ и молнія, дымъ и пламя, скрежетъ и завыванія встрѣтили Терентія и пробудили прикащика отъ сна, когда честная компанія вступила въ комнаты. Шипѣніе и хлопанье огненныхъ змѣй,

взрывъ и трескъ пламенныхъ шаровъ и фонтановъ, крикъ, визгъ, адская стукотня и трескотня, сверканье и кривлянье въ дыму и пламени ужасныхъ рожъ съ рогами и оскаленными челюстями — и все это нечаянно и неожиданно — могло бы обезумѣть и самаго стараго воина нашихъ временъ, а не только молодаго купца и его прикащика, которыхъ весь извѣстный свѣтъ заключался въ темничномъ домѣ, торговой лавкѣ и толкучемъ рынкѣ. Напрасно тотъ [illegible]той творили молитвы и крестились. Адскія сцены не прерывались. Не въ силахъ будучи выдерживать болѣе сихъ ужасныхъ сценъ, Терентій и прикащикъ невольно бросились другъ къ другу, схватились за руки и пустились изъ дому. Бѣжавши до изможденія силъ, они наткнулись на что то, упали оба вмѣстѣ и остались неподвижными и безмолвными, доколѣ сонъ не прикрылъ ихъ благодѣтельнымъ покровомъ своимъ.

Дневный свѣтъ согналъ съ вѣждей ихъ сей счастливый сонъ и пробудилъ

въ нихъ горькія воспоминанія о вчерашнихъ приключеніяхъ. Разсуждая объ оныхъ они не знали, что имъ предпринять. Не смѣя показаться къ отцу, не зная дома Виктора, у котораго бывали только ночью, какъ извѣстно и Читателю, они рѣшились скрываться до сумерекъ внѣ города и потомъ отправиться узнать о положеніи родителя. Тоска и отчаяніе цѣлый день терзали ихъ, недавая имъ и послѣдней отрады несчастныхъ упрекать и жаловаться другъ на друга или на виновника ихъ бѣдствій. Наконецъ наступила ожиданная ими ночь и они побрели съ надлежащими осторожностями въ городъ. Съ трепетомъ проникли они въ домъ свой и съ ужасомъ увидѣли *повѣсившагося* въ кладовой надъ остатками сокровищъ отца.

Гонимые отчаяніемъ и терзаемые муками совѣсти, они скрылись изъ мѣста своего преступленія, неизвѣстно куда.

О Викторѣ нѣкоторые разсказывали, будто видѣли его въ другихъ городахъ, а иные рѣшительно утверждали, что все это было только дьявольское навожденіе.

СМѢСЬ.

Отъ чего такъ богата Англія? Отъ того, что она имѣетъ у себя 500 милліоновъ *рабовъ*, безмолвно ей повинующихся, безвозмездно работающихъ для ея прихотей, обогащающихъ ее милліонами милліоновъ и въ замѣнъ за всѣ свои труды получающихъ отъ одного только *произвола и усмотрѣнія* ея самое скудное содержаніе, не равняющееся даже содержанію послѣдняго животнаго. — Рабы сіи суть машины, сила которыхъ равняется силѣ и искуству 500 миліоновъ работниковъ.

*

Сказать ли вамъ самый вѣрный и легкій способъ *разбогатѣть?* Пригласите къ себѣ друзей или знакомыхъ;

сядьте съ ними въ порядокъ, чтобы небыло затрудненія и замѣшательства; возмите нѣсколько серебрянныхъ, а еще лучше золотыхъ монетъ и передавайте ихъ другъ другу. Чѣмъ *быстрѣе будетъ произходить* у васъ *обращеніе денегъ*, тѣмъ скорѣе и болѣе вы приобрѣтете богатства. Такъ учили прежде Политики-Экономы. Сего же мнѣнія твердо держатся и нынѣ нѣкоторые потому особенно, что симъ средствомъ накопили они страшные милліоны. Только жаль, что сдѣлавшись богачами, они впали въ извѣстную страсть богатыхъ — скряжничество и не пускаютъ въ оборотъ своихъ капиталовъ для пользы другихъ, а притворяются еще бѣдняками.

*

Хотители увѣриться въ истинѣ увѣреній въ дружбѣ? — Попросите денегъ. — Старая пѣсня, скажете вы! — Но ее не худо почаще пѣть, покуда не случилось съ вами какого несчастія,

чтобы и вамъ тогда не сказали: *старая пѣсня!*

*

Обнаружить чью нибудь подлость иногда болѣе значитъ, нежели учинить величайшее преступленіе.

*

Надобно отдать полную справедливость Пророку Магомету въ томъ, что онъ запретилъ пить вино своимъ поклонникамъ. Что бы было, еслибы ети варвары упивались еще виномъ, которое даже самаго кроткаго, умнаго и образованнаго человѣка дѣлаетъ съума збродомъ и съумасшедшимъ?

*

Несносенъ Педантъ-мущина; нестерпима Педантъ-женщина. Сама природа назначила женщинѣ украшеніемъ — скромность; умственное кокетство есть нрав-

ственное безобразіе ея, которое отвратительнѣе безобразія тѣлеснаго. Но, къ сожалѣнію, безобразныя лицемъ вообще кокетствуютъ умомъ; ибо онѣ, по крайнѣй мѣрѣ, имъ думаютъ взять верхъ надъ своими подругами.

*

Какихъ жертвъ не дѣлаютъ изъ любви? — Забываютъ себя, забываютъ собственное свое спокойствіе, отказываются отъ всѣхъ выгодъ, охотно переносятъ тяжкіе труды и несчастія для предмета любви своей! Не есть ли это добродѣтель — добродѣтель чистая, святая?

Но вникните внимательнѣе въ страсть сію, проникните во глубину сердца любящаго и вы увидите, что всѣ сіи пожертвованія суть жертвы для полученія сладостнѣйшихъ, ни съ чѣмъ несравнимыхъ наслажденій любви или съ другой стороны жертвы для успокоенія собственнаго сердца, терзаемаго, раздираемаго несчастіями или бѣдстві-

ями любимаго предмета, подвергшагося онымъ. Скажемъ далѣе: тотъ, кто жертвуетъ собою для предмета любви своей, не готовъ ли также пожертвовать всѣмъ и всѣми, даже цѣлымъ міромъ для онаго?....

Итакъ любовь не есть ли *эгоизмъ*, вмѣсто добродѣтели?

*

Боюсь приблизиться къ дамѣ, у которой отпущены ногти; мнѣ всегда приходитъ въ голову, что это кошка, которая готова при первомъ случаѣ запустить свои когти. Какъ жалокъ тотъ мужъ, у жены котораго длинные ногти! Кто не подумаетъ, что она, хотя съ просонья, запускаетъ въ него оныя или по крайней мѣрѣ царапаетъ его?

*

Страсть къ Политикѣ есть самая неугомонная изъ страстей человѣческихъ. Ни время, ни мѣсто, ни даже приличія — ничто не въ силахъ удержать и остановить ее; на всюду пробивается, отъ всего загорается и горитъ самымъ яркимъ пламенемъ; только дымъ отъ онаго часто бываетъ смраднымъ и удушливымъ, смотря по устройству печи и положеннымъ въ нее матеріаламъ.

КОНЕЦЪ.

Н 27 88

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS